

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ФГКОУ ВО РЮИ МВД России)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

**Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции**

17 ноября 2023 года

Ростов-на-Дону
2024

УДК 343.1(08)
ББК 67.411
А 43

Редакционная коллегия:

Н. С. Диденко, кандидат юридических наук, доцент;

А. Г. Мовсисян, кандидат юридических наук;

М. Ю. Фисаков;

Ю. С. Мандрыка.

Т. И. Джелали, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь – *Я. А. Шараева*,
кандидат юридических наук, доцент.

Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса [Электронное издание] : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (17 ноября 2023 г.) / отв. ред. Н.С. Диденко. Электрон. дан. (1,48 МБ). – Ростов-на-Дону : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2024. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.
ISBN 978-5-89288-507-2.

Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса». В нем представлены материалы по наиболее значимым вопросам теории и практики уголовно-процессуального права.

Адресован научно-педагогическим работникам, докторантам, адъюнктам образовательных организаций МВД России, представителям образовательных организаций Минобрнауки России, сотрудникам образовательных организаций, находящихся в ведении правоохранительных органов иностранных государств, сотрудникам правоохранительных органов РФ.

Выпускается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

ISBN 978-5-89288-507-2

УДК 343.1(08)
ББК 67.411

СОДЕРЖАНИЕ

Айдарбеков Ж.Т. Следственный судья – в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики.....	6
Бондарева И.А. Последствия установления наличия или отсутствия диагноза «педофилия» при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.....	10
Балалаева М.В. Тактическая комбинация, тактическая операция и тактические комплексы как средства решения криминалистических задач.....	14
Балалаева Ю.С. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовые основы	19
Гриценко Т.В. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении	26
Девятковская С.В., Пирогова Е.Н. Гражданский иск в уголовном процессе.....	31
Джелали Т.И. Некоторые проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве	35
Диденко Н.С., Торовков А.А. Роль и место уголовно-процессуального задержания в системе государственных мер принуждения	42
Диденко Н.С., Вакуленко Н.А. Проверка и оценка вещественных доказательств в системе элементов процесса доказывания в уголовном судопроизводстве	49
Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. Актуальные вопросы проведения проверки показаний на месте в ходе расследования уголовного дела	55
Клишина А.Г. Стадия возбуждения уголовного дела как самостоятельная стадия уголовного процесса	60
Катрыч А.А. Особенности производства осмотра места происшествия в жилище без согласия проживающих в нем лиц	65

Кокорев Р.А. Действия следователя на первоначальном и последующем этапах расследования мошенничества с использованием ресурсов сети Интернет	70
Кокорева Л.В. Обязательные условия и обстоятельства, при которых возможен сокращенный порядок дознания	76
Левченкова А.Ю. Отдельные аспекты эксгумации через призму сравнительного анализа уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	80
Матинов С.Г., Матинова З.Г. Методика расследования преступлений в сфере экономики.....	86
Мандрыка Ю.С. О видах следственного эксперимента	91
Малянова К.П. Особенности первоначального этапа расследования криминальных банкротств	99
Мытник П.В. О собирании доказательств в досудебном производстве	103
Мовсисян А.Г. Особенности предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних	114
Моругина Н.А., Кузьмина О.Л. Институт реабилитации в уголовном процессе: этапы развития	120
Миронова А.В. Профилактическая работа органа предварительного расследования по преступлениям о заведомо ложном сообщении об акте терроризма.....	124
Нагорный А.П., Попов А.Н. Профессионально-психологическая готовность к проведению отдельных следственных действий: понятие, компоненты	129
Осяк В.В. Проблемы, возникающие при расследовании преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность.....	136
Палиева О.Н. Способы вызова на допрос свидетелей и потерпевших: современные возможности и нормативное закрепление	140

Попова Л.В. Можно ли снизить «зону риска» арестов предпринимателей?	145
Сардак Д.Б., Мельникова А.С. Проблема понимания свойств и значения доказательств в уголовном процессе.....	153
Седых Т.В. К вопросу о понятии и содержании следственных действий.....	157
Фисаков М.Ю. Задержание в уголовном судопроизводстве: проблемы производства.....	162
Шараева Я.А. Проблемы обеспечения защиты прав человека в уголовном судопроизводстве	166
Якубина Ю.П. Информационные технологии в деятельности прокуратуры России как элемент государственной политики.....	171

СЛЕДСТВЕННЫЙ СУДЬЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Айдарбеков Ж.Т.

Начальник кафедры уголовного процесса
Академии МВД Кыргызской Республики
им. генерал-майора милиции Э.А. Алиева,
кандидат юридических наук

В рамках проводимой судебно-правовой реформы 1 декабря 2021 г. вступила в силу новая редакция уголовно процессуального кодекса Кыргызской Республики [1] в котором определен процессуальный статус следственного судьи (п. 58 ст. 5 УПК Кыргызской Республики). Согласно понятийному аппарату – это судья, применяющий меры, ограничивающие права и свободы обвиняемого, осуществляющий судебный контроль за законностью действий (бездействия) и решений должностного лица органа дознания, следователя, руководителя следственной группы, прокурора [2]. Исходя из данного выше понятия, можно сделать вывод о том что, в настоящее время следственный судья стал играть важную роль в отечественном уголовном судопроизводстве. В его компетенцию на досудебной стадии входит обеспечение реализации норм и принципов уголовного судопроизводства, предусмотренных Конституцией и Уголовно-процессуальным законодательством Кыргызской Республики, например: принципы верховенства права и законности, равноправия и состязательности сторон, всесторонности, полноты и объективности в досудебном производстве и др.

А.П. Гуськова в своей работе отмечала, что «государство должно создавать такой механизм защиты прав и свобод человека, чтобы укрепить правовую защищенность граждан.

Развитие и становление судебного контроля как формы судебной защиты прав и свобод граждан выступает надежным механизмом

обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве [3]. Данная позиция в полной мере отвечает современным реалиям происходящих изменений в сфере Уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики.

Институт следственного судьи получил свое развитие в странах придерживающихся континентальных (*романо-германских*) взглядов уголовного преследования и отправления правосудия. В последнее время, институт следственного судьи, а также механизм реализации его функций включен и развивается в отдельных государствах постсоветского пространства (например, в Уголовно-процессуальных кодексах республик Литва, Эстония, Латвия, Молдавия, Украина, Казахстан также имеется упоминание о следственном судье в проекте УПК Армении) [4]. Однако, по мнению некоторых процессуалистов, «понятие судебного контроля применимо лишь для проверочной деятельности суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [5]. Судья на досудебном производстве отличается от судьи, который рассматривает уголовное дело в судебном заседании и разрешает его по существу. Следственный судья – это новый участник уголовного судопроизводства, который был введен в некоторых юрисдикциях, чтобы улучшить процесс рассмотрения уголовных дел. Роль следственного судьи может варьироваться в разных странах, но обычно она связана с выполнением следующих функций:

1. Роль следственного судьи: следственный судья – это судья, который осуществляет судебный контроль в досудебном производстве. Его задачей является контроль за проведением следствия и рассмотрение прошений и ходатайств, связанных с уголовным делом.

2. Контроль за законностью осуществления следственных действий: следственный судья может контролировать и одобрять различные следственные и специальные следственные действия такие, как обыски, аресты, прослушивание телефонных переговоров, о производстве экзгумации при отсутствии согласия близких родственников, супруга (супруги) покойного, о проведении осмотра жилища, а также иных объектов, находящихся в собственности или ином праве проживающих в нем лиц, при отсутствии их согласия, снятие информации с компьютеров,

серверов, сетей электросвязи и других устройств, аудио, видеоконтроль лица или места и т. д. При рассмотрении ходатайства о даче согласия или отказе на проведения выше указанных действий он должен убедиться, что эти действия проводятся в соответствии с законом и соблюдают права подозреваемых и обвиняемых.

3. Рассмотрение ходатайств: в рамках осуществления судебного контроля следственный судья рассматривает жалобы участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) и решения органа дознания, следователя, прокурора, руководителя следственного подразделения. Также он может рассматривать ходатайства и запросы от сторон, связанные с уголовным делом. Это может, например, включать в себя ходатайства об изменении меры пресечения; о продлении сроков меры пресечения; о помещении обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответствующих экспертиз; о временном отстранении обвиняемого от должности; о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; на ценные бумаги и их сертификаты и т. п.

4. Определение меры пресечения: следственный судья может принимать решения о мерах пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых в виде залога, домашнего ареста, экстрадиционного ареста, заключения под стражу, передачу под наблюдение командования воинской части за военнослужащими.

5. В его полномочия также входит депонирование в ходе следствия показаний свидетеля или потерпевшего по ходатайству одной из сторон; решение вопроса об обращении в доход государства залога; вынесение решения о применении мер по обеспечению безопасности в отношении свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства; утверждение процессуального соглашения о признании вины.

Однако следственный судья не должен предрешать вопросы, которые в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом могут быть

предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, прокурора.

Введение следственного судьи призвано обеспечить эффективное и справедливое рассмотрение уголовных дел, укрепление веры в судебную систему и защиту прав и свобод граждан, подвергшихся уголовному преследованию. Важно отметить, что роль и полномочия следственных судей могут различаться в разных юрисдикциях, и они обязаны действовать в соответствии с законами своей страны.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях и внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики: закон КР за № 126 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112305> (дата обращения: 05.10.2023).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики закон КР от 28.10.2021 № 129 ст. 5 п. 58 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308/60> (дата обращения: 05.10.2023).

3. Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. Оренбург, 2002.

4. Шестакова С.Д., Иманалиева У.Э. Следственный судья – новый участник уголовного судопроизводства Кыргызской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3.

5. Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П. Очерки теории эффективного уголовного процесса. Пятигорск, 2000.

© Айдарбеков Ж.Т., 2024

Бондарева И.О.

Заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ПОСЛЕДСТВИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ ДИАГНОЗА «ПЕДОФИЛИЯ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Одним из достижений гражданского общества на современном этапе является обеспечение признания, охраны и защиты прав и свобод каждой личности. Особое место в системе личных прав занимает право на половую свободу и половую неприкосновенность личности. Охрана права на половую свободу и неприкосновенность подкреплена криминализацией соответствующих деяний [1].

Несмотря на это, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних совершаются с достаточной регулярностью [1].

Так за первое полугодие 2023 г. судами общей юрисдикции за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних были осуждены 330 человек, а за аналогичный период 2022 г. – 273. Приведенные данные свидетельствуют о негативной динамике преступности, направленной против несовершеннолетних, влияющих на их нормальное половое воспитание, нравственное и психическое развитие.

Вместе с тем данные официальной статистики не отражают реальную картину преступности. Высокий уровень латентности данных преступлений, связан с нежеланием вмешательства в интимные стороны жизни, озвучивание которых способно нанести моральное потрясение, в силу возрастных особенностей развития потерпевшего.

С целью предупреждения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних законодателем периодически предпринимаются меры, направленные на ужесточение наказания за данный вид преступлений [1].

В 2022 г. были внесены очередные изменения в УК РФ, коснувшиеся квалифицированных составов преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних таких, как изнасилование (ч. 5 ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ч. 5 ст. 132 УК РФ), понуждения к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 133 УК РФ), развратные действия (ч. 5 ст. 135 УК РФ).

Введение данных составов преступления предопределило наличие нового субъекта преступления, а именно – вменяемое, физическое лицо, достигшее возраста 18 лет и страдающее расстройством сексуального предпочтения (педофилия), совершившее при этом преступление против половой неприкосновенности, в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста.

Расследование преступлений в сфере половой неприкосновенности несовершеннолетних обуславливает потребность в реализации различных форм специальных знаний, основной из которых являются судебные экспертизы. Доказывание обстоятельств указанных деяний как самих по себе, так и факта причастности к ним лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), требует проведения комплекса судебных экспертиз, в том числе с учетом ситуаций, указывающих на обязательное назначение судебных экспертиз в соответствии с положениями ст. 196 УПК РФ, п. 3, 3.1, ст. 196 УПК РФ [2].

Правоприменительная практика свидетельствует, что органы, осуществляющие предварительное расследование, по данной категории уголовных дел неукоснительно соблюдают нормы действующего УПК РФ в части исполнения назначения комплексных экспертиз на установление расстройства сексуального предпочтения (педофилии).

Представляет интерес анализ заключений экспертов, данных в рамках производства такой экспертизы. Из всего массива преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и количества, проведенных по ним экспертиз случаи постановки диагноза «педофилия» ничтожно мало, не более 2 % от общего числа осужденных. Так, например, на 6 000 осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, приходится 147, которые заключением судебно-психиатрической экспертизы признаны педофилами [3].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве случаев совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не связано с расстройством сексуального предпочтения – педофилией, а преступные деяния носят ситуационный характер или связаны с потерей возрастной дифференциации объекта сексуального влечения, в виду сильного алкогольного или наркотического опьянения и др.

Исследования на предмет установления наличия или отсутствия расстройства сексуального предпочтения (педофилии) проводится в рамках комплексной сексолого-психиатрической или сексолого-психолого-психиатрической экспертизы по критериям, разработанным Всемирной организацией здравоохранения и установленной Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-10).

Наряду с другими странами с 1 января 2022 г. в Российской Федерации начался переходный период к пересмотренному Всероссийской Организацией Здравоохранения классификатору болезней (МКБ-11), в соответствии с которым заболевание «педофилия» заменено на «педофильное расстройство».

Заболевание «педофилия» (F 65.4) в соответствии с МКБ-10 рассматривается как *сексуальная тяга к детям (мальчикам, девочкам или к тем и другим), обычно препубертатного или раннего пубертатного возраста, т. е. расстройство сексуального предпочтения.*

По итогам проведения экспертизы на установление наличия или отсутствия расстройства сексуального предпочтения в подавляющем большинстве случаев (97 %) делается вывод об отсутствии у подозреваемого (обвиняемого) психического расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и лишь в 1,7 % случаев констатируется диагноз «педофилия», который не исключает вменяемость лица [4].

Какие уголовно-правовые последствия влечет за собой установление наличия расстройства сексуального предпочтения (педофилии)?

В 3,3 % случаев по итогам проведения судебной экспертизы на установление или наличие у подэкспертного расстройства сексуального предпочтения (педофилии) было констатировано наличие состояния

невменяемости, наряду с наличием расстройства сексуального предпочтения (педофилии), исключающим возможность привлечения лица к уголовной ответственности и наказанию.

В данном случае целесообразно с назначением судебной экспертизы по п. 3.1. ст. 196 УПК РФ ставить вопрос перед экспертом о наличии у подозреваемого (обвиняемого) психического или физического состояния, влекущего за собой признание состояния невменяемости (п. 3 ст. 196 УПК РФ).

Если педофилия сопряжена с наличием расстройства, выраженного в отсутствии возможности адекватного восприятия реальности, событий и действий (невменяемости), еще на стадии предварительного расследования ставится вопрос о применении к лицу принудительных мер медицинского характера, предусмотренные гл. 51 УПК РФ.

В свою очередь в 97 % производства экспертизы постановка диагноза «педофилия» не исключает вменяемость лица, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, в силу чего применить к нему положение гл. 51 УПК РФ не представляется возможным.

Таким образом, с учетом заключения эксперта и его рекомендаций о применении к лицу принудительных мер медицинского характера, суд при разрешении вопросов, связанных с постановлением приговора, должен рассмотреть вопрос о возможности применения к лицу, страдающему расстройством сексуального предпочтения (педофилией), принудительных мер медицинского характера, предусмотренных ст. 99 УК РФ, как иных мер уголовно-правового характера.

В данном случае следует заметить, что принудительные меры медицинского характера могут применяться также и к лицам, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемость, и как было сказано выше, они представляют не меньшую степень общественной опасности. Педофилия является психическим расстройством таким же, как и ряд других психических расстройств, не исключающих вменяемость. В данном случае, согласимся, с мнением А.Ю. Антоновой, указывающей на излишнюю необходимость выделения такой категории как лица, страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), в отдельную категорию лиц [4].

Следовательно, необходимо внести изменения в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, для приведения нормы в соответствие с правилами юридической техники.

Литература

1. Бондарева И.О. Совершенствование методики расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных несовершеннолетними: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2018.

2. Бондарева И.О. Использование судебно-психологической экспертизы при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных несовершеннолетними: материалы Междунар. научно-практ. конф. Краснодар, 2018.

3. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/13442891> (дата обращения: 02.12.2023).

4. Антонова Е.Ю. Педофилия – лечить или наказывать? // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6.

© Бондарева И.О., 2024

УДК 343.985

ТАКТИЧЕСКАЯ КОМБИНАЦИЯ, ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ И ТАКТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАК СРЕДСТВА РЕШЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Балалаева М.В.

Заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности
Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент

В процессе расследования преступлений большое значение имеет его тактическая составляющая. Производство любого следственного действия не обходится без применения следователем того или иного тактического

приема. В условиях конфликтных ситуаций, складывающихся в процессе производства следственных действий, достаточно часто разрабатываются тактические комбинации и тактические операции. Однако в научной литературе единого понимания данных тактических средств эффективного производства следственных действий не содержится, также как и в Уголовно-процессуальном законодательстве, что порождает в практической деятельности правоохранительных органов немалую сложность в решении задач расследования. Отдельными учеными предлагаются различные пути решения проблем, связанных с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, в контексте тактического компонента производства следственных действий, эффективность которых зависит, прежде всего, от их тактического потенциала. Так, например, Я.А. Шараева предлагает «разработать четкие правила проведения следственного эксперимента, определить критерии его качества, а также регулировать вопросы этики и прав человека при проведении следственного эксперимента» [3, с. 221].

Тактическая комбинация, тактическая операция и тактические комплексы в своей основе содержат тактический прием. Но содержание данных понятий, существенно различается в зависимости от их наполнения и цели применения. Некоторые ученые полагают, что тактические комбинации необходимы и имеют особое значение при подготовке того или иного следственного действия. Например, основной задачей тактической комбинации, по мнению Е.В. Томиловой является «создание условий, гарантирующих эффективность и результативность следственного действия, поскольку от качества и количества полученных доказательств по делу будет зависеть весь процесс расследования» [2, с. 90]. Безусловно, тактические комбинации подготовки к производству следственного действия имеют большое практическое значение, однако, основным ее предназначением все-таки является обеспечение эффективного проведения следственного действия и получения максимально полной и достоверной криминалистически значимой информации. Так в процессе производства очной ставки играет важную роль умение следователя применить тот или иной тактический прием в рамках тактической комбинации для изобличения лжи одного из участников очной ставки. Вместе с тем, тактическая комбинация может

состоять из разных следственных действий, объединенных решением одной криминалистической задачи – изобличение лжи подозреваемого, потребность решения которой может потребоваться при расследовании практически любого преступления.

Многими учеными-криминалистами термин «тактическая комбинация» отождествляется с термином «тактическая операция», что, по нашему мнению, является не совсем правильным, поскольку у тактической операции цели и задачи значительно шире по сравнению с тактической комбинацией.

В этой связи нельзя не согласиться с С.В. Кондратюк и М.Ю. Жировой, которые полагают, что «тактическая операция включает в себя оптимальную совокупность взаимосвязанных целенаправленных действий (следственных, оперативно-розыскных, организационно-тактических), которые при комплексном их применении обеспечивают эффективное решение тактических задач, возникающих в определенной следственной ситуации» [1, с. 85]. Необходимость в разработке и реализации тактической операции возникает в процессе взаимодействия следователя и оперативного уполномоченного полиции на этапе легализации оперативных данных в уголовное судопроизводство, а также для обеспечения безопасности, входящих в структуру операции следственных действий. Важным признаком тактической операции является тесное взаимодействие следственных подразделений и органов дознания, причем данное взаимодействие должно носить комплексный и системный характер, а не ограничиваться лишь выполнением органом дознания разовых поручений следователя, что, является приемлемым при разработке и проведении тактической комбинации.

В научной литературе можно встретить точки зрения ученых, которые определяют данные понятия в зависимости от вида криминалистических задач и количества следственных действий, необходимых для их решения. Можно встретить научное мнение, что термин «тактическая комбинация» в большей степени подходит для решения одной из задач в рамках конкретного следственного действия, для чего в рамках данного следственного действия могут быть применены различные тактические приемы. А если следователь проводит несколько

следственных действий для решения какой-либо одной задачи в рамках расследования в целом, то в данном случае необходимо говорить о таком понятии как «тактический комплекс», а не «тактическая комбинация».

Е.В. Шишкина считает, что «наиболее разумно такие сочетания (комбинации) следственных действий называть тактическими комплексами, под которыми нужно понимать совокупность следственных действий, выбор, последовательность и тактическое содержание которых определяются следователем на основе всесторонней оценки следственной ситуации, с учетом их тактических возможностей в разрешении поставленной цели» [4, с. 43]. Вместе с тем автор полагает, что «тактические комплексы не могут быть успешно реализованы без тактических комбинаций, представляющих собой сочетания разнообразных тактических приемов, которые применяются следователем в рамках отдельного следственного действия и выбор и последовательность которых обусловлены своеобразием следственной ситуации и поставленной целью». Безусловно данная точка зрения заслуживает внимания и с ней нельзя не согласиться, однако понятием «комплекс» могут охватываться и тактические приемы в рамках одного следственного действия, что также позволяет говорить о тактических комплексах, но уже в рамках одного следственного действия. Более того, в некоторых случаях, совокупность следственных действий совсем не обязательно может составлять тактический комплекс, поскольку для производства некоторых следственных действий, может и не возникнуть потребность в применении тактических приемов, что может иметь место в бесконфликтной следственной ситуации.

Представляется наиболее целесообразным говорить о тактических комплексах применительно как к совокупности тактических приемов, которые применяет следователь в рамках одного следственного действия, так и при реализации тактических комбинаций и операций. Например, при решении следователем задачи по установлению личности лица, совершившего преступление, может быть применен комплекс тактических приемов; при допросе соучастника преступления, направленного на получение правдивых показаний о других лицах, которые совместно с данным лицом совершили преступление, – комплекс следственных и

оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление причастности конкретного лица к совершению преступления.

Для устранения терминологической путаницы исследуемых понятий необходимо на законодательном уровне закрепить данные понятия в уголовно-процессуальном законодательстве, тем более что некоторые законодательные предпосылки к этому уже имеются. Так, например, в целях устранения противоречий в ранее данных показаний, следователь после допроса, должен провести очную ставку, что можно рассматривать как тактическую комбинацию. Или, например, после предъявления обвинения, следователь должен допросить обвиняемого, что также является реализацией одного из тактических приемов. Вместе с тем, необходимо особо подчеркнуть, что закрепление данных понятий в Уголовно-процессуальном кодексе не должно впоследствии повлечь за собой реализацию тех или иных тактических приемов, комбинаций и комплексов в обязательном порядке при законодательном закреплении условий их производства. Необходимо все-таки помнить, что их наполнение зависит от тактического потенциала следователя, собственного опыта, и при их реализации возможны тактические риски.

В любом случае идет ли речь о применении тактических приемов в рамках одного следственного действия, или о комплексе следственных действий для решения криминалистической задачи, они должны быть взаимосвязаны, носить локальный характер и иметь единую цель. Только в этом случае можно говорить о тактической составляющей процесса расследования, которая позволяет определять факторы, влияющие на ход и результат как отдельного следственного действия, так и расследования в целом.

Литература

1. Кондратюк С.В., Жирова М.Ю. Тактические операции в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2(37).
2. Томилова Е.В. Использование тактических комбинаций при допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2.

3. Шараева Я.А. Следственный эксперимент: проблемы и пути решения // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Орел, 2023.

4. Шишкина Е.В. Тактические комплексы в системе криминалистических средств расследования преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1.

© Балалаева М.В., 2024

УДК 343.13:004

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Балалаева Ю.С.

Адъюнкт адъюнктуры
Нижегородской академии МВД России

Довольно давно в отечественном правосознании как обыденном, так и профессиональном, господствует идея об исключительном характере уголовного судопроизводства. Это проявляется в его понимании, прежде всего, как осуществляемой государством деятельности по борьбе с преступностью, при нивелировании признаков, характерных непосредственно для судопроизводства. Такое понимание, по мнению А.Р. Шариповой, приводит к массовым репрессиям и к профессиональной деградации целых групп профессионалов – судей и адвокатов [1, с. 10]. Полагаем, что данный автор призывает рассматривать уголовный процесс, прежде всего, в качестве одного из видов осуществления правосудия в нашей стране, который наряду с другими, обеспечивает защиту прав и свобод граждан, что характерно для правового государства. Автор доказывает идею о конвергенции уголовно-процессуального права с другими отраслями процессуального права, т. е. его сближении и взаимодействии с ними.

Безусловно, уголовное судопроизводство имеет выделяющие его особенности. В ходе его осуществления затрагиваются наиболее значимые конституционные ценности. Однако, это не должно, на наш взгляд, препятствовать его модернизации, потребность в которой сегодня явственно ощущается, с учетом изменений, происходящих в других сферах судопроизводства. Апеллирование к исключительности уголовного процесса делает его консервативным, с трудностью поддающимся изменениям. Вряд ли бы законодатель столь же быстро принял решение о введении в УПК РФ возможности осуществления допроса посредством видео-конференц-связи [2], если бы не пандемия коронавирусной инфекции, которая явилась катализатором данных изменений, на что обращает внимание и председатель правления Ассоциации юристов России В.С. Груздев [3].

Указанные нововведения свидетельствуют о том, что сфера уголовного судопроизводства не остается в стороне от цифровизации общественных отношений и нуждается в ней в дальнейшем. Эта потребность объективно обусловлена. В связи с этим, мы не разделяем точки зрения тех ученых, которые высказывают сомнения относительно необходимости внедрения цифровых технологий в рассматриваемую сферу. В частности С.В. Власова отмечает, что «цифровизации подвергнутся архаичные институты с их «болезнями» [4, с. 9–18]. По нашему мнению, она, наоборот, позволит заметить и преодолеть эту архаичность.

Настоящим флагманом среди современных цифровых технологических решений является искусственный интеллект, использование которого может оптимизировать различные виды деятельности, прежде всего, те, в которых их субъекты осуществляют каждодневное взаимодействие с большим объемом информации в условиях перманентного дефицита времени. Думаем, уголовный процесс следует считать одним из них. У следователя (дознателя) в производстве, как правило, находится далеко не одно уголовное дело, и все они требуют серьезной информационно-аналитической работы. Кроме того, значение имеет тенденция «существенного роста объема данных, накапливаемых о субъектах организованной преступности,

в информационных массивах органов внутренних дел, а также резкое увеличение возможных источников информации, обрабатываемой в ходе проведения оперативно-следственных мероприятий и т. д.» [5, с. 23]. Все это детерминирует необходимость поиска и внедрения новых способов обработки информации. Одним из них является использование искусственного интеллекта.

В силу обозначенной выше консервативности сферы уголовного судопроизводства многие отечественные представители юридической науки и практики скептически воспринимают возможность использования в нем искусственного интеллекта. Так федеральный судья отставке С.А. Пашин считает, что на новые технологии можно переложить вопросы гражданского судопроизводства, где действуют всякого рода упрощенные формы процесса. «Что же касается уголовного судопроизводства – это гораздо сложнее» [6]. Т.В. Черемисина предсказывает обесценивание уголовно-процессуальных отношений, отмечая, что представители поколения Z, ставшие выпускниками вузов и поступившие на службу в следственные органы в симбиозе с искусственным интеллектом преобразят уголовно-процессуальный мир на основе, не похожей на нашу систему ценностей [7, с. 286–288]. Думается, столь категоричное отношение к цифровой трансформации не совсем верно. Полагаем, что можно найти оптимальный баланс между сохранением традиционных ценностей и внедрением новых технологий.

Таким образом, мы выступаем за внедрение искусственного интеллекта в сферу уголовного судопроизводства. Основой для этого может служить свойственная ему межотраслевая конвергенция, на которую обратила внимание А.Р. Шарипова в своем диссертационном исследовании. Идея о схожести отдельных процедур различных видов судопроизводств делает возможным восприятие положительного опыта использования в ходе их осуществления современных цифровых технологий с целью повышения качества правосудия. Лидером по внедрению данных технологий является арбитражное судопроизводство: «арбитражный процесс можно назвать «полигоном» для испытаний инновационных технологий, т. к. именно в арбитражном процессе цифровые технологии стали применяться наиболее широко, а затем были

заимствованы гражданским и административным судопроизводством» [8, с. 178]. Такая цифровизация создает необходимые предпосылки для внедрения технологий искусственного интеллекта. Одной из значимых предпосылок является применение программных решений, обеспечивающих автоматизацию прохождения судебных дел («Мой арбитр», «Банк решений арбитражных судов», «Картотека арбитражных дел», «Календарь заседаний», «Электронный страж»).

Вместе с тем, учитывая особенности развития искусственного интеллекта сегодня, «для начала, до замены следователей «интеллектуальными агентами» не помешало бы просто переступить в XXI в. и модернизировать обыденность, создав электронный обмен запросами (о наличии или отсутствии судимости, о состоянии на том или ином учете) и ответами на них, а также автоматическое формирование этих ответов, можно освободить время следователей для того, чем они и должны заниматься» [1, с. 48]. Полагаем, что параллельно с модернизацией данной обыденности, следует искать пути решения проблем, которые несет искусственный интеллект для сферы уголовного судопроизводства. Хотим обратить внимание на те, что возникают в процессе доказывания. Ключевым вопросом здесь является следующий: могут ли результаты его функционирования быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу?

При ответе на этот вопрос требуется исходить из особенностей процесса доказывания, а также свойств доказательств, которые анализируются в ходе их оценки. Для процесса доказывания как одного из видов познавательной деятельности характерна неопределенность, которая делает невозможным полное исключение вероятности предъявления ошибочного обвинения. В целях минимизации данной неопределенности в распоряжении субъекта расследования имеется целый арсенал средств – средств доказывания, следственных и процессуальных действий. При этом одним из факторов их эффективности является использование современных достижений науки и техники. Так ч. 6 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [9] (далее – УПК РФ) предусмотрено применение при производстве следственных действий технических средств. Кроме того проведение судебной

экспертизы предполагает использование экспертом специальных научных познаний. С этой точки зрения искусственный интеллект как комплекс технологических решений может быть внедрен в сферу уголовного судопроизводства, но только лишь в качестве обеспечивающего его производство технического средства.

Использование же результатов, полученных от функционирования искусственного интеллекта в качестве доказательств на сегодняшний день не возможно, ввиду следующих обстоятельств: 1) недостаточно высокого уровня доверия к нему граждан; 2) несовместимости особенностей его работы с требованиями уголовного судопроизводства.

Согласно данным опроса, проведенного Всероссийским центром общественного мнения, около трети россиян не доверяют искусственному интеллекту (32 %) [10]. Опрошенные указывали на такие риски, как: а) неправомерное завладение обрабатываемыми искусственным интеллектом данными и их использование в противозаконных целях; б) неправомерное использование самих технологий искусственного интеллекта; в) получение ошибочных результатов. Представляется, что рассматриваемый факт не вызывает удивления ввиду новизны феномена искусственного интеллекта. Однако для обеспечения максимально широкого его использования в отдельных сферах, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства требуется более высокая степень признания его обществом. На это обращают внимание и зарубежные ученые. Так Е.-V. Vamprasika отмечает следующее: искусственный интеллект имеет предпосылки для проникновения в уголовный процесс в целях повышения его эффективности. Для их реализации нам необходимо более широкое его общественное признание [11, с. 135].

Что касается второго обстоятельства, то оно, на наш взгляд, имеет более существенное значение. Опыт функционирования различных программно-аппаратных комплексов искусственного интеллекта свидетельствует о том, что для результатов обработки ими информации свойственно следующее: 1) неопределенность (сложность в установлении механизма их получения); 2) предвзятый характер. В настоящей статье не будем рассматривать их подробно, хотя это можно и следует сделать. Скажем лишь, что обе эти особенности связаны с данными,

используемыми для обучения программно-аппаратных комплексов искусственного интеллекта или же процессом данного обучения. Очевидно, что они не согласуются с положениями УПК РФ о доказательствах и правилах доказывания. Использование в качестве доказательств результатов функционирования искусственного интеллекта, обладающих обозначенными выше свойствами, повлечет признание их недопустимыми. Так требование определенности доказательств вытекает из положения п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ: показания потерпевшего не могут быть основаны на догадке, предположении, слухе, т. е. они должны быть определенными. В словаре Д.Н. Ушакова слово «определенный» толкуется как точный, ясный, понятный, не оставляющий места сомнениям, колебаниям [12].

Помимо этого, о значении определенности в процессе доказывания говорит, например, ч. 1 ст. 205 и ч. 1 ст. 282 УПК РФ, в которой закреплено право следователя и суда допросить эксперта для разъяснения данного им заключения.

Предвзятый характер доказательств, свидетельствует о нарушении конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, на котором зиждется и уголовное судопроизводство.

Таким образом, в рамках сегодняшней уголовно-процессуальной реальности искусственный интеллект в форме различных программно-аппаратных комплексов представляется возможным использовать лишь в качестве технического средства, обеспечивающего процесс доказывания. Использование его в таком качестве являет собой правовой компромисс между потребностью государства в цифровой трансформации сферы уголовного судопроизводства и интересами граждан, заключающимися в справедливом рассмотрении и разрешении уголовных дел.

Подводя итог, отметим, что теоретико-правовыми основами внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство являются:

- 1) конвергенция уголовно-процессуального права с другими отраслями процессуального права;
- 2) установление правового компромисса между интересами государства и интересами граждан.

Литература

1. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук, Уфа, 2022.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Госдума разрешила проводить по видео допросы и очные ставки [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/12/21/gosduma-razreshila-provodit-po-video-doprosy-i-ochnye-stavki.html?ysclid=lpo46yyazi76126711> (дата обращения: 02.12.2023).
4. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-правового механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1.
5. Ишин А.М. Информационное обеспечение предварительного расследования преступлений: некоторые современные аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4.
6. В Госдуме считают возможным использовать ИИ для разрешения налоговых споров [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/business/46488744/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.12.2023).
7. Черемисина Т.В. Следователи поколения Z – новые акторы в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5(144).
8. Саввинова Т-М. В. Цифровизация в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2021. № 6А.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. ВЦИОМ: треть россиян не доверяют искусственному интеллекту [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osp.ru/articles/2023/0109/13056704?ysclid=lps93t1q8d94968323> (дата обращения: 06.12.2023).

11. Bampasika E.-V. Artificial Intelligence as evidence in criminal trial. In CEUR Workshop Proceedings. 2020.

12. Значение слова «определенный» в толковом словаре Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/903842?ysclid=lpthmlczg8525829487> (дата обращения: 06.12.2023).

© Балалаева Ю.С., 2024

УДК 343.12

Гриценко Т.В.

Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ростовского филиала Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Происходящая в последние годы трансформация стадии возбуждения уголовного дела, связанная с расширением количества производимых на данном этапе следственных действий, с приданием статуса доказательств, получаемым в результате осуществления последних сведениям, с введением сокращенной формы дознания, при которой закон допускает формулировать итоговый обвинительный тезис на основе сведений, законно полученных еще до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, с очевидностью указывает на усиление обвинительного потенциала данного досудебного этапа уголовного судопроизводства. Это, в свою очередь, послужило импульсом для появления новых научных исследований статуса лиц, вовлекаемых в доследственную проверку поступившего сообщения о преступлении и, прежде всего – лица, в отношении которого такая проверка осуществляется [1; 2; 3].

При этом среди ученых нет единства относительно решения вопроса о необходимости выделения самостоятельных участников стадии

возбуждения уголовного дела, наделения их комплексом соответствующих прав и обязанностей, ответственности. Несовпадение моментов начала осуществляемой формально и фактически изобличающей или обвинительной в совершении преступления деятельности порождает вопросы о достаточности имеющихся правовых средств у лица, в отношении которого ведется проверка поступившего сообщения о преступлении, и возможностей своевременного их использования для обеспечения своей защиты. Вместе с тем, данные вопросы имеют важное практическое значение как для реализации правозащитной функции рассматриваемой стадии, так и для обеспечения допустимости получаемых на данном этапе доказательств.

Из приведенного определения уголовного преследования в п. 55 ст. 5 УПК РФ следует, во-первых, что лица, в отношении которых проводятся проверочные мероприятия до возбуждения уголовного дела, тем самым уголовному преследованию не подвергаются, во-вторых, что начало уголовного преследования законодатель связывает исключительно с появлением в уголовном деле подозреваемого, обвиняемого, – с момента принятия решений, с которыми закон сопрягает приобретение данных статусов. Лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, в процессуальном понимании подозреваемым не является, но чем же, как не уголовным преследованием является деятельность уполномоченных должностных лиц, направленная на «отработку» его причастности к совершению преступления и осуществляемая в порядке ст. 144 УПК РФ?

В постановлении Конституционного Суда от 27.06.2000 № 11-П указано: «...необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.), и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против

него...» [4]. Из приведенной выдержки можно выделить следующие признаки уголовного преследования, к сожалению, до сих пор не воспринятые и не учтенные законодателем:

а) лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не обязательно должно находиться в статусе подозреваемого или обвиняемого;

б) момент начала уголовного преследования определяется моментом начала любых мер, предпринимаемых к лицу в целях изобличения в совершении преступления, в том числе, в ходе доследственной проверки;

в) уголовное преследование складывается из трех этапов:

– мероприятий, предпринимаемых в целях изобличения лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении;

– мероприятий по изобличению подозреваемого;

– мероприятий по изобличению обвиняемого.

Начало третьего из вышеуказанных этапов связывается законом с вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта (постановления); начало второго этапа – четко зафиксировано законодателем указанием на необходимость принятия одного из решений, символизирующих придание статуса подозреваемого: о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, о задержании по подозрению в преступлении, о применении меры пресечения, уведомлении о подозрении в совершении преступления. При этом последнее В.В. Кальницкий называет прямой, а не косвенной формой постановки в положение подозреваемого, «прекрасной процессуальной формой обеспечения прав преследуемых лиц знать, в чем существо притязаний к ним, давать по этому поводу показания и защищаться иными предусмотренными возможностями» [5]. Какой-либо «формы обеспечения прав преследуемых лиц знать, в чем существо притязаний к ним», на первом из выделенных этапов уголовного преследования законом не предусмотрено. Это создает серьезные препятствия для реализации преследуемым лицом права защищаться законными способами от начавшейся в отношении него изобличительной деятельности. В ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ перечислены так называемые универсальные для всех участников стадии доследственной проверки права, однако в их числе

отсутствует специфическое для уголовно-преследуемого лица в этой стадии право «знать, по какому поводу с ним проводятся следственные и иные процессуальные действия» [6].

Учеными, изучающими данную проблему, предлагаются различные пути ее решения. И.А. Филимоненко, предложив в своем исследовании авторскую концепцию процессуального статуса «заподозренного», начальную точку уголовного преследования последнего предлагает оформлять «уведомлением о подозрении» [1, с. 107, 111]. Данное название документа (решения) представляется не вполне удачным, поскольку как такового сформулированного подозрения на данном этапе ожидать от субъектов, уполномоченных на проведение проверочных мероприятий, сложно ввиду скудности имеющейся первичной информации, кроме того, возможна понятийная путаница уведомления о подозрении – доследственного и уведомления о подозрении – производимого в ходе дознания. Т.А. Калентьева обосновывает возможность вынесения «дознавателем или следователем до возбуждения уголовного дела в рамках проверки сообщения о преступлении при необходимости обеспечить лицу, в отношении которого осуществляются процессуальные действия, право на защиту, постановления о возбуждении уголовного преследования» [7], что, в свою очередь, вызывает вопросы относительно отличия в предполагаемом содержании данного документа (решения) от постановления о возбуждении уголовного дела и излишнего нагромождения первоначального этапа судопроизводства постановлениями.

На наш взгляд целесообразно выносить уведомление о начале уголовного преследования в связи с проверкой сообщения о преступлении, которое по своим форме и содержанию должно представлять упрощенный аналог имеющегося при производстве дознания уведомления о подозрении в совершении преступления. Выноситься данное уведомление должно после регистрации повода для возбуждения уголовного дела, содержащего указание на причастность к преступлению конкретного лица, или после получения в ходе проверочных мероприятий информации о такой вероятной причастности. Перед применением первой меры, предпринимаемой уполномоченным субъектом доследственной проверки в целях изобличения лица и связанной с его правоограничением, лицо, в отношении которого

проводится проверка, должно быть ознакомлено с уведомлением, ему также должны быть разъяснены суть поступившего повода для возбуждения уголовного дела, права и обязанности.

На основании изложенного под уголовным преследованием, полагаем, следует понимать процессуальную деятельность, осуществляемую субъектами, уполномоченными проводить проверку сообщения о преступлении, и стороной обвинения в целях изобличения лица, уведомленного о начале уголовного преследования, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В УПК РФ следует предусмотреть процедуру вручения лицу, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, уведомления о начале уголовного преследования. Этот документ (решение) призван обозначить начало уголовного преследования и обеспечить право лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, знать, по какому поводу с ним проводятся процессуальные действия. Реформирование стадии возбуждения уголовного дела в течение последнего десятилетия в направлении усиления ее обвинительного потенциала создало предпосылки для формирования самостоятельного института участников данной стадии, в том числе, лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении.

Литература

1. Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

2. Абраменко А.А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела: по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

3. Устов Т.Р. Обеспечение прав участников следственных и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

4. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление

Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/ (дата обращения: 02.12.2023).

5. Кальницкий В.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления: правовая сущность и порядок применения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1(14).

6. Булатов Б.Б. Процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3(38).

7. Калентьева Т.А. К вопросу о совершенствовании института уголовного преследования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. № 2.

© Гриценко Т.В., 2024

УДК 343.13:347.922

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Девятковская С.В.

Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Пирогова Е.Н.

Старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

Современная правовая система российского государства достаточно многосторонне развита, и уголовно-процессуальное направление не является тому исключением. Несмотря на то, что исследуемое направление не подлежит какому-либо реформированию в силу того, что представляет собой четко установленную и исторически обусловленную систему правовых и процессуальных норм, регулирующих порядок рассмотрения и разрешения уголовных дел, авторы отмечают тенденцию к модернизации в силу постоянно меняющихся правовых тенденций

отечественного и международного масштаба. Таким образом на первоначальном этапе исследования отмечается, что с течением времени уголовный процесс претерпевает ряд изменений и развивается в соответствии с актуальными проблемными аспектами правоприменительной практики в части уголовно-процессуального законодательства и криминализации российского общества.

Так одной из актуальных тенденций развития уголовного процесса принято считать защиту прав обвиняемого. В современном правовом обществе делается больший акцент на реализацию уголовно-правового статуса именно этого субъекта правоотношений, что связано с признанием неотъемлемости и необходимости принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Тенденция заключается в укреплении и расширении прав и гарантий для обвиняемого, включая права на усиленную правовую защиту в рамках судебного разбирательства.

Не секрет, что актуальна тенденция повсеместного внедрения информационных технологий, и, как следствие, явления цифровизации, чему был подвергнут и уголовный процесс. Следовательно, в процессе цифровизации все больше процессуальных процедур в исследуемой области переходят в онлайн-среду, что, безусловно, повышению доступности для участников процесса и повышению эффективности работы правоохранительных органов.

Также одной из тенденций авторы отмечают внедрение так называемых альтернативных способов правового урегулирования конфликтов, целью которых является предотвращение преступлений и реализация принципов ресоциализации. Так все большее внимание уделяется примирению сторон, применению внесудебных форм урегулирования претензий, что, чаще всего, происходит посредством гражданских исков, что обуславливает актуальность исследуемой проблематики.

Подводя итог вышесказанному, авторы отмечают, что уголовный процесс на этапе развития современной правовой системы отечественного государства представляет собой весьма динамичную и стремительно изменяющуюся структуру. Учет правовых тенденций развития уголовного процесса стимулирует развитие более справедливого и эффективного правосудия, что, безусловно, положительным образом сказывается на

реализации уголовно-процессуального статуса участников отраслевого судопроизводства.

При этом хотелось бы указать, что зачастую совершенные противоправные деяния приводят к нарушению имущественных прав человека. И поэтому, для доказательства вины преступника, в рамках расследуемого уголовного дела, необходимо доказательность направить не только на установление обстоятельств преступления и лица, его совершившего, но и на устранение возникших преступных последствий. Поэтому факт восстановления справедливости выраженный в возмещении причиненного материального ущерба в результате совершенного противоправного деяния необходим и обязателен, а лица, совершающие преступления или желающие их совершить, осознавали неоспоримый факт того, что наказание повлечет не только например, лишение свободы, но и материальные затраты в гораздо большем объеме.

Из сказанного выше очевидно, что одним из средств устранения преступных последствий выступает в уголовном процессе гражданский иск.

Гражданский иск играет важную роль в уголовном судопроизводстве и представляет собой юридический способ защиты интересов пострадавшей стороны, которая потерпела ущерб от преступления. Главная цель гражданского иска в уголовном судопроизводстве – восстановление нарушенных прав потерпевших и возмещение причиненного ущерба. Защита прав потерпевших является важным аспектом справедливости и наказания в уголовном правосудии.

Гражданский иск может быть подан потерпевшим независимо от ходатайства органов обвинения или постановления суда, а также до завершения уголовного процесса. В некоторых случаях оно может быть рассмотрено параллельно с уголовным делом или после его завершения, в зависимости от конкретных обстоятельств и правил уголовного процесса.

Гражданский иск может включать требования о возмещении причиненного ущерба, компенсации морального вреда, а также восстановления нарушенных прав потерпевшего (например, предоставление доступа к информации, возвращение украденного имущества). Суд рассматривает гражданский иск в контексте уголовного дела и принимает решение о его удовлетворении или отклонении. В случае удовлетворения гражданского иска суд может принять решение о возмещении ущерба потерпевшему, а также применить иные меры защиты его прав. В заключение вышесказанному авторы констатируют неотъемлемую роль

гражданского иска в уголовном судопроизводстве и обращают внимание на ряд специфических особенностей исследуемого института.

Исходя из положений действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) гражданский иск может быть предъявлен после того как будет возбуждено уголовное дело, но при этом должно быть еще не окончено. При предъявлении гражданского иска гражданский истец освобождается от уплаты государственной пошлины.

Исковое заявление по аналогии с гражданским процессом, очевидно, должно содержать:

- должность и фамилию лица, которому адресуется исковое заявление;
- наименование гражданского истца, место его жительства или, если гражданским истцом является юридическое лицо, место его нахождения, а также наименование представителя и его адрес, если заявление подается представителем;
- известные ему обстоятельства совершения общественно опасного деяния (фабулу происшествия), позволяющие заявить требование о возмещении вреда;
- само требование гражданского истца;
- цену иска;
- перечень прилагаемых к заявлению документов, если таковые у гражданского истца имеются.

Процессуальная форма искового заявления на законодательном уровне не имеет четко закрепленной формы, в результате чего, в рамках расследования уголовных дел, следователь (дознаватель) обязан будет принять гражданский иск, даже с отсутствием в нем, каких-либо из вышеперечисленных элементов. В уголовном процессе нельзя отказать в рассмотрении гражданского иска, если заявление составлено неправильно. Единственными законными основаниями отказа в признании гражданским истцом являются отсутствие непосредственной связи между причиненным лицом вредом и расследуемым (рассматриваемым) преступлением, и отказ в иске, постановленный в порядке гражданского судопроизводства.

В итоге отметим, что гражданский иск в уголовном процессе играет важную роль в защите прав потерпевших и других граждан. Из сказанного очевидно, что решение гражданского иска может иметь влияние на решение суда по уголовному делу.

Гражданский иск также способствует установлению ответственности обвиняемого и предотвращению повторных преступлений. Компенсация, выданная потерпевшему через гражданский иск, может побудить обвиняемого изменить свое поведение и избегать совершения подобных преступлений в будущем.

Литература

1. Ведомственное статистическое наблюдение. Отчет Судебного департамента при Верховном суде РФ о работе федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за первое полугодие 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 24.02.10).
2. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учебник для средних профессиональных учебных заведений. М., 2007.
3. Енаева Л.К. Уголовный процесс: уч. пособие. М., 2009.

© Девятковская С.В., Пирогова Е.Н., 2024

УДК 343.131

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Джелали Т.И.

Доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

В настоящее время вопрос безопасности и ее обеспечения в уголовном судопроизводстве России является приоритетным в деятельности государства. Социально-экономические преобразования, снижение уровня жизни населения, утрата нравственных и моральных норм с одной стороны и интенсивный рост количества реализованных преступлений. В связи с этим данное положение значительно сказывается на расследовании и рассмотрении уголовных дел. При этом

противоправные действия, посягающие на безопасность различных участников уголовного судопроизводства, носят далеко не единичный характер, что пагубно сказывается на всей деятельности правоохранительных органов.

На сегодняшний день в уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны сложилось немало вопросов практического и теоретического характера, ответ на которые невозможно получить без разработки современного механизма регулирования проблема защиты участников, оказывающих реальное содействие уголовному судопроизводству. Из года в год ход расследования и рассмотрения уголовных дел сопровождается угрозами в отношении потерпевших и свидетелей, которые, в свою очередь, из-за боязни мести и расправы со стороны преступников не обращаются в правоохранительные органы за помощью.

Между тем, отказ от сотрудничества с правоохранительными органами сказывается отрицательно на раскрываемости преступлений и это касается, прежде всего, тяжких и особо тяжких преступлений, при расследовании которых в основном и происходит негативное воздействие на потерпевших и свидетелей [1, с. 19].

Особую важность и значимость обретает роль государственных органов, призванных обеспечивать безопасность и защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Ежегодно в ходе расследования уголовных дел согласно статистическим данным не менее 10 млн человек относятся к потерпевшим и свидетелям. Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации характеризуется идеологической направленностью, активной борьбой с преступностью и обеспечением безопасности участников уголовного процесса. Как известно, безопасность является важнейшим фактором межличностного общения [2]. Для полной реализации своих прав, создания условий развития личности и ее потенциала, гражданам необходимо чувствовать себя в безопасности, имея возможность свободного осуществления своего права на жизнь и здоровье. Безусловно, гарантом личной безопасности каждого

человека принято считать Конституцию РФ. Сохранение здоровья и чести – главная и основная потребность, которая обеспечивается законом и государством.

Существенное бремя по обеспечению защиты прав и свобод граждан возложено на правоохранительные органы, наделенные функциональными обязанностями в данной сфере. В настоящее время функционирование института защиты потерпевших и свидетелей является малоэффективным.

Основной причиной является отсутствие единого органа ее осуществляющего. В связи с указанным обстоятельством в законодательстве не может быть выработана единая стратегия и тактика реализации мероприятий по государственной защите свидетелей и потерпевших.

Термин «защита» нередко сравнивают со словом «охрана», несмотря на то, что это различные стороны обеспечения прав личности, но, тем не менее, обособленные друг от друга и тесно связанные аспекты. Защищать – оберегать, спасать, отстаивать, предохранять, ограждать. Как видим, данный термин достаточно многообразен.

Как отмечалось ранее, юридическая литература отождествляет понятия «защита» и «охрана», отмечая, что первое включается в последнее, поэтому их трудно разграничивать. В широком смысле под защитой стоит понимать деятельность, направленную на обеспечение безопасности лиц, осуществляющуюся при возникновении реальной угрозы жизни и здоровью. По мнению ряда ученых в области права, защита – это различная деятельность по охране прав и свобод человека от всяческих посягательств. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанности государства по защите прав и свобод, их гарантии, на основе общих правил и положений международного права.

В данном ключе стоит сделать вывод, что именно государство обеспечивает защиту прав и законных интересов всех лиц, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности. И здесь разумнее употребить словосочетание государственная защита. К тому же, данное условие позволяет отграничить это понятие от обычной защиты. В соответствии с

Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» содержание государственной защиты направлено на реализацию должностными компетентными органами обязанности по производству обеспечительных мер, нацеленных на безопасность и социальную поддержку участников уголовного процесса [3].

Государственная защита тесно переплетается с безопасностью участников уголовного судопроизводства. На почве растущих угроз безопасности личности наиболее важным вопросом является эффективное и надежное обеспечение защиты лиц, содействующих правосудию. Безопасность личности в уголовном процессе трактуется, как основная категория неотъемлемого права человека, характеризующаяся состоянием защищенности, обеспечение которого является главной обязанностью государства. Поскольку государственная защита является одной из мер, обеспечивающей безопасность личности, то в какой-то степени содержание обоих понятий является неким стержнем взаимодействия граждан с государством. Слово «безопасность» употребляется в УПК РФ, но в словосочетании «меры безопасности», которое следует понимать, как предупредительные правовые средства, направленные на обеспечение защиты участников уголовного судопроизводства от опасных форм посткриминального воздействия [4, с. 119]. Общей задачей мер безопасности является профилактика и предупреждение преступлений. На законодательном уровне понятие безопасности было сформулировано в 1992 г. в Законе РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности», поэтому деятельность по государственной защите и безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, в настоящее время приобретает особую ценность и значение.

Только чувствуя себя в безопасности и под защитой, граждане могут свободно существовать, взаимодействовать, развиваться.

В настоящее время роль института государственной защиты участников уголовного судопроизводства имеет большое значение, поскольку ежегодно в отношении участников уголовного судопроизводства в среднем совершается около 400 преступлений,

затрагивающих конституционные права и свободы личности. Помимо этого, примерно 25 % от всех свидетелей и потерпевших по известным причинам целиком и полностью меняют свои показания, либо вообще отказываются от них. Большая часть таких случаев оправдывается внешним давлением, оказываемым на потерпевших и свидетелей [5, с. 92].

Принимая во внимание нормативные акты, регулирующие вопросы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, действительным основанием может служить только лишь наличие реальной угрозы жизни. Н.Е. Шинкевич [6, с. 34] и М.В. Новикова [7, с. 38] отмечают, что противоправная деятельность может не сопровождаться предварительными угрозами.

При этом высказывание «реальность угрозы» носит в какой-то степени субъективный и оценочный характер, и является темой для обсуждения на многих форумах по уголовному процессу.

Но на сегодняшний день единый подход в понимании реальной угрозы защищаемых лиц отсутствует [8, с. 28, 45]. Одни авторы придерживаются позиции, что данный процесс применения мер оправдывается возможностью наступления тяжелых последствий для участников процессуальных отношений, другие же отмечают отсутствие смысла в использовании имеющихся ресурсов, по той причине, что на самом деле реальных угроз не существует.

На первый взгляд, практика не всегда позволяет верно признать реальность угрозы жизни и здоровью участника процесса. Иногда, угроза может нести за собой неопределенный и пустой характер, когда она была произнесена сгоряча, несдержанностью и вспыльчивостью человека – в такой ситуации лицо, в адрес которого «поступила угроза», не придает особого значения сказанному. На наш взгляд нужно учитывать наличие влияния на участника уголовного судопроизводства, путем склонения к какому-либо действию (бездействию). Если негативное воздействие присутствует, то угрозу необходимо принимать за реальную. Во всяком случае, такие обстоятельства устанавливаются уполномоченными органами. При получении таких сведений им необходимо провести проверку, на основании которой принимается решение об организации государственной защиты.

Лица, переступившие закон, применяют специальные методы по воздействию на психологию и моральное состояние свидетелей. Известным всем примером является противоправная деятельность банды лидера организованной преступной группировки в РФ С. Цапка, на счету которой более 40 преступлений различных составов [9]. В 2010 г. в станице Куцевской Краснодарского края с особой жестокостью были убиты 12 человек, в том числе 3 семьи. По причине того, что лица, потерпевшие от рук его банды, вовремя не обращались в компетентные органы, многие представители группировки долгое время не привлекались к уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 11 Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации должностные лица, ведущие уголовное производство, обязаны в рамках своих полномочий принимать соответствующие меры для обеспечения безопасности.

Поэтому мы считаем необходимым оговорить, что следователи обязаны установить истинную степень опасности и возможность ответных мер со стороны подозреваемых и обвиняемых, а также обстоятельства, подлежащие доказыванию. Эта ситуация должна быть отражена в соответствующих процессуальных документах, т. е. в форме протоколов принятия устных заявлений и соответствующих протоколов следственных действий.

Исходя из вышесказанного, мы считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 73 «Обстоятельства, подлежащие доказыванию» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в которой необходимо уточнить, были ли угрозы и другие противоправные действия в отношении кого-либо из участников уголовного процесса, с тем, чтобы впоследствии применить к ним меры процессуальной безопасности, и дополнить вышеупомянутые нормы.

Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению,

пресечению или раскрытию преступления. Решение об осуществлении государственной защиты принимает должностное лицо органа расследования, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело.

В отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из мер безопасности, к которым относятся: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности и др. В каждой ситуации должностными лицами должно обращаться внимание на личные особенности защищаемого лица, его образу жизни, профессиональной деятельности и обязательно принимается во внимание опасность, которая может быть причинена.

Хотелось бы также отметить, что наиболее удачным было бы выделение положений об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства в отдельную главу уголовно-процессуального кодекса, которая бы закрепила все основные положения применения соответствующих мер при осуществлении государственной безопасности.

Литература

1. Волосова Н.Ю. Сколько стоит жизнь под псевдонимом: критический взгляд на программу защиты свидетелей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1.

2. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов. М., 2021.

3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

4. Агапов А.Н. Исторические традиции и социально-правовая ценность личной безопасности // Право и безопасность. 2012. № 4(43).

5. Брусницын Л.В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства (постатейный). М., 2016.

6. Шинкевич Н.Е. О праве потерпевшего на доступ к правосудию // Администратор суда. 2009. № 1.

7. Новикова М.В. Институт безопасности в уголовном судопроизводстве и пути его совершенствования // Российский судья. 2007. № 7.

8. Саморока В.А., Бекетов М.Ю. Оценка реальности угроз, поступающих в адрес участника уголовного судопроизводства при решении вопроса о применении мер безопасности // Полицейская деятельность. 2012. № 4.

9. Кузнецова Т. Приговор «цапкам»: главарь банды и «киллеры» осуждены пожизненно [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/person_Capok_Sergejj/ (дата обращения: 25.09.2023).

© Джелали Т.И., 2024

УДК 343.125

РОЛЬ И МЕСТО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ

Диденко Н.С.

Начальник кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Торовков А.А.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России

Задержание является одной из самых распространенных мер уголовно-процессуального принуждения. Оно является составляющей общей системы обеспечительных мер уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Цели задержания, формировавшиеся со времен «Русской Правды», оставались практически неизменными. В настоящее время законодатель прямо не называет их. Предполагается, что в силу общеизвестности, они вытекают из самой сути феномена «задержание». Итак, среди целей применения данной меры пресечения выделяются две основные:

- проверка факта причастности задержанного лица к преступному событию;
- проверка наличия достаточных оснований для применения исключительной меры пресечения.

Однако, несмотря на очевидность целей, на практике иногда возникают ситуации следующего характера. Сотрудники правоохранительных органов используют задержание в целях воздействия на лицо, подозреваемое в совершении преступления. Делают они это с оговоркой об освобождении названного лица в обмен на признательные показания. Использование меры уголовно-процессуального принуждения в таких целях не допустимо. Причиной таких ситуаций служит неправомерный мотив задержания, не отвечающий его целям.

Относительно мотивов в доктрине существует ряд определений и мнений. Например, И.М. Гуткин считает правильным трактовать мотив задержание как недопущение совершения задержанным других преступных деяния, а также пресечение возможности скрыться [1, с. 50]. Ряд исследователей, среди которых, например, Е.М. Клюков отождествляют феномены «цели» и «мотивы» [2, с. 21]. Другая часть считает, что мотив предшествует цели, побуждает к ней [3, с. 100].

Говоря о положении «мотива» в уголовном процессе в целом, отметим лишь то, что данный феномен более характерен для лица, совершившего преступление. Ведь в ряде статей УК РФ мотив прямо называется и выступает в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства.

Мы согласны с позицией, трактующей мотив как побуждение к цели, т. е. мотивом сотрудников правоохранительных органов должно выступать побуждение к цели изолировать лицо, подозреваемое в совершении преступления, от общества. Разграничивая цели и мотивы,

нужно отметить, что цель общая и объективная составляющая, складывающаяся на начальном этапе развития уголовного процесса и статичная во времени. Мотив же, в свою очередь, это субъективный момент правоприменителя, способный объяснить, почему данное лицо не может остаться на свободе и его необходимо кратковременно ее лишить. Мотивы свойственны в моменте задержания каждому должностному лицу. Правомерность мотива исходит из его соответствия целям задержания [4, с. 244].

Цели и мотивы задержания обязательно фиксируется в протоколе задержания в подтверждение обоснованности принятого должностным лицом решения.

Итак, стоит ли закреплять мотивы задержания в уголовно-процессуальном законодательстве? По мнению ряда исследователей, необходимо дополнить УПК РФ новой статьей со следующим содержанием: «Мотивами применения задержание являются основанные на материалах уголовного дела опасения, что, находясь на свободе, лицо, подозреваемое в совершении преступления, скроется от дознания или предварительного следствия, продолжит заниматься преступной деятельностью или воспрепятствует производству по уголовному делу» [5, с. 12].

Считаем, что такая формулировка приведет как к позитивному, так и к негативному результату. Позитивный выражается в том, что отпадет проблема, кроющаяся в неоднозначной трактовке мотивов задержания и, как следствие, выражающаяся в злоупотреблении на практике таким положением дел. Негативный же сводится к тому, что возникнет коллизия в законе, выражающаяся в дублировании норм права. Дублирование выражается в фактическом сходстве мотивов задержания с основаниями для избрания меры пресечения, содержащимися в ст. 97 УПК РФ. Основания эти следующие:

- 1) возможное уклонение лица от дознания, предварительного следствия или суда путем сокрытия;
- 2) вероятность продолжения преступной деятельности;
- 3) возможность угрозы подозреваемого свидетелям преступления и иным участникам уголовного судопроизводства;

4) возможность уничтожения доказательств, изобличающих вину подозреваемого им самим.

Все вышеперечисленные основания служат одновременно и правомерными мотивами для задержания. Все остальные, не обозначенные нами, мотивы, указанные в протоколе, априори признают незаконными, что повлечет освобождение подозреваемого.

Следовательно, решением проблемы с закреплением мотивов задержания в законе могут стать изменения ст. 91 УПК РФ. Изменить нужно лишь название статьи, добавив приписку «...и мотивы», чтобы получилось «Основания и мотивы задержания подозреваемого». А далее предположительно можно добавить часть третью, изложенную таким образом «В качестве мотивов задержание допускаются обоснованные предположения о том, что задерживаемое лицо: 1) может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу». Кроме того, в целях недопущения чрезмерного дублирования норм права, можно ограничиться лишь изменением названия указанной статьи, полагаясь на то, что часть первая раскрывает одновременно и основания, и мотивы задержания, которые тождественны, по сути.

Для определения места задержания в уголовном процессе, следует правильно разграничивать его виды и присущие им особенности. Задержание можно понимать в двух смыслах: юридическом и фактическом. Регламентация задержания положениями ст. 91 УПК РФ – есть его юридический смысл. Важно понимать, что юридическое задержание всегда идет после фактического. Фактическое же задержание, регламентированное ст. 38 УПК РФ, возникает с момента возбуждения уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ с момента фактического задержания необходимо в срок не более 3-х часов составить протокол задержания, согласно которому лицо должно иметь статус подозреваемого. Однако важно понимать, что фактическое задержание

возможно и до возбуждения уголовного дела. В таком случае следователю или дознавателю необходимо до составления протокола о задержании (т. е. до истечения 3-х часов с момента фактического задержания) возбудить уголовное дело в отношении задержанного лица, путем вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и принятия данного уголовного дела к своему производству.

Приведем примеры из судебной практики по данному вопросу. В 2010 г. Председатель Верховного Суда РФ подписал постановление о различении юридического и фактического задержания. Причиной для принятия такого решения стал случай, связанный с обыском в одном из домов в Подмоскowie. Полиция пришла по вызову соседей, которые жаловались на шум. В квартире, куда пришли полицейские, находились четверо молодых людей, которые отказывались выходить на разговор. После предупреждений полицейских о возможной ответственности жильцы все-таки открыли дверь. Однако вместо предполагаемой беседы, стали бросаться на полицейских. В результате было произведено задержание, которое было основано на фактических обстоятельствах.

Приведем другой пример. В 2017 г. студент был задержан на парковке университета в Миннесоте. Он вышел из своего автомобиля и начал кричать на прохожих. Затем он начал бегать и прыгать на автомобили, включая полицейскую машину. Студента задержали и вменили нарушение общественного порядка. Однако суд признал, что задержание было юридическим, а не фактическим. Судебные приставы выдвинули аргумент, что элемент насилия со стороны подозреваемого (бег на машинах) спровоцировал их на задержание по юридическим основаниям.

Таким образом, вывод следующий, фактическое и юридическое задержание – разные феномены уголовного процесса (таблица 1). Что касается субъектов, то следует отметить, что фактическое задержание могут осуществить любые лица, вне зависимости от процессуального статуса. Юридическое же задержание вправе осуществлять только уполномоченные лица. Соответственно при нарушении условий и порядка осуществления обозначенных видов задержания, ответственность

регламентируется тоже разными нормами права. Если речь идет о юридическом задержании, то в соответствии со ст. 301 УК РФ; о фактическом – ст. 108 и 114 УК РФ, в том числе и в случаях такого превышения должностным лицом.

Табл. 1.

Сравнительная таблица: Виды задержания в уголовном процессе

Параметры	Юридическое задержание	Фактическое основание
Базовое определение	Принудительное лишение свободы на определенный срок в рамках уголовного дела	Принудительное лишение свободы человека без возбужденного уголовного дела
Основания для применения	Наличие достаточных оснований предполагать, что обвиняемый совершил уголовное преступление, и необходимость защиты общества	Подозрение в совершении преступления, защита общественной безопасности, наличие риска скрыться или повторного нарушения закона
Сроки применения	Не более 48 часов – предварительное расследование, до 6 месяцев – следственные действия, до 12 месяцев – апелляционная жалоба и другие случаи	Отсутствуют четкие сроки, продолжительность зависит от решения следователя или суда
Легальность	Применяется только в случаях, предусмотренных законом и при соблюдении требований процедуры	Нарушает права человека и может быть незаконным, если нет достаточных оснований и процедур при задержании
Права задержанного	Право на защиту, адвоката, медицинскую помощь, осведомленность о причинах задержания и сроках содержания задержания	Могут быть лишены конституционных прав, особенно если была нарушена процедура
Последствия задержания	Могут быть оспорены в суде, возможны обвинения в нарушении прав человека и компенсации за материальный и моральный ущерб	Могут повлиять на психологическое состояние задержанного, привести к нарушению его равных возможностей и карьеры, ухудшению его здоровья

Верховный суд по вопросу ответственности в добавлении к вышесказанному разъяснил следующее. Статьи 108 и 114 УК РФ будут применяться также в случае превышения пределов необходимой обороны в процессе задержания (а именно, при убийстве и причинении вреда здоровья, за исключением легкого). Речь идет о тех ситуациях, где субъектами задержания выступают сотрудники правоохранительных органов или военнослужащие [6].

Таким образом, неправильное или двойственное толкование феномена задержание, его мотивов, целей и видов, порождает ряд споров и дискуссий. Все недочеты, коллизии в теории и тексте закона прямо сказываются на уголовно-процессуальном задержании. В настоящее время процесс развития института задержания в уголовном судопроизводстве не закончен. Он продолжается посредством внесения законодателем изменений в гл. 12 УПК РФ.

Литература

1. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М., 1980.
2. Клюков Е.М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974.
3. Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Правоведение. 2015. № 2.
4. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков и др. М., 2020.
5. Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
6. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Диденко Н.С., Торовков А.А., 2024

**ПРОВЕРКА И ОЦЕНКА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СИСТЕМЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Диденко Н.С.

Начальник кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Вакуленко Н.А.

Начальник кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

В теории правовых основ регулирования вопроса проверки и оценки вещественных доказательств учеными принято отмечать, что проверка и оценка являются неотъемлемой частью процесса доказывания в уголовном судопроизводстве.

Рассматривая проверку вещественных доказательств как один из основных элементов доказывания на стадии досудебного разбирательства, выделяются основные особенности:

- ее производство осуществляется при отсутствии у дознавателя, следователя целостного представления о совершении преступления, т. е. в условиях определенной познавательной неопределенности;
- она происходит в условиях ограничения действия отдельных принципов уголовного процесса (непосредственность, состязательность, равноправие сторон и гласность);
- осуществляется лицом, которое проводит дознание, дознавателем, следователем, которые не являются самостоятельными и независимыми в той мере, которая свойственна суду, поскольку на содержание результатов их деятельности по проверке доказательств могут воздействовать начальники органов дознания и расследования;

- осуществляется органами, основным содержанием деятельности которых является реализация функции уголовного преследования;
- содержание и результаты деятельности по проверке доказательств не являются окончательными и обязательными для суда.

Для уголовного процесса характерно то, что закон заранее не определяет силы и значения доказательств. Напротив, сила, значение и достоверность того или иного доказательства определяются каждый раз следователем, дознавателем и судом.

Проверка вещественных доказательств осуществляется как путем проведения следственных действий, так и логическим путем. Следственные действия условно могут быть поделены на действия, направленные на собирание, и следственные действия, направленные на проверку доказательств. Например, допрос и осмотр направлены на собирание доказательств; очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент – на проверку. Но это не всегда так. И допрос может проводиться с целью проверки, а следственный эксперимент – получения новых доказательств.

Необходимо отметить, что на практике не всегда в полной мере используется такой способ проверки предметов, имеющих признаки вещественных доказательств, как предъявление их для опознания. Так по 11 делам (4,8 % из 187 изученных) опознавание таких предметов не проводилось, хотя необходимость в проведении указанного следственного действия была.

Проверка доказательств и их источников предшествует их оценке и является ее необходимой предпосылкой. Разделяем мнение Н.М. Михеенко, который отмечал, что основным отличием проверки от оценки является то, что первая осуществляется как с помощью практических (следственных и судебных) действий, так и логическим путем, с помощью умственной деятельности, а вторая представляет собой только умственную деятельность.

Стоит выделить такие способы проверки вещественных доказательств: сопоставление с документами, в которых отражен порядок сбора вещественных доказательств; сопоставление с протоколом осмотра

вещественного доказательства и приложениями к нему (фото, видео); обзор в судебном заседании и акцентирование внимание суда на тех или иных обстоятельствах, связанных с вещью и ее осмотром, в частности, с целью выяснения, был ли соблюден порядок хранения вещественных доказательств; постановка вопросов относительно вещественных доказательств свидетелям, экспертам, специалистам, которые осматривали вещь, и ответы на них; сопоставление с иными доказательствами.

С проверкой вещественных доказательств и их источников неотделимо связана их оценка, которая должна соответствовать общим требованиям оценки доказательств, но вместе с тем, как и оценка иных средств доказывания, имеет определенные особенности. Оценка каждого вещественного доказательства состоит в определении характера их источника, а также в соответствии с правилами принадлежности и допустимости.

Оценка вещественных доказательств основывается на внутреннем убеждении лица, ее осуществляющего. Внутреннее убеждение – это твердая уверенность, которая сложилась при производстве у следователя (дознателя) относительно правильности оценки всех имеющихся в производстве сведений и доказательств и всех установленных в уголовном производстве фактов; правильным является полученный вывод во всех вопросах, которые возникли во время расследования. С одной стороны, оно субъективно, потому что является убеждением конкретного субъекта уголовного судопроизводства как человеческим чувством; с другой же стороны, оно объективно, т. е. имеет объективную основу. Такой основой являются доказательства, имеющие место в производстве.

В уголовном судопроизводстве И.И. Мухин, исследуя особенности оценки вещественных доказательств, справедливо подчеркивал, что внутреннее убеждение судьи при исследовании доказательств не входит в принцип свободной оценки доказательств, поскольку это категория не процессуальная, а психологическая.

Учитывая соревновательную конструкцию современного уголовного процесса Российской Федерации, нужно отметить, что при оценке вещественных доказательств должен быть решен вопрос и об их

допустимости, то есть о соблюдении правил их собирания и исследования, включая правила надлежащего оформления соответствующих действий.

Лица, которые проводят предварительное расследование по уголовным делам, должны помнить, что в тех случаях, когда принадлежность вещественных доказательств к делу не вызывает сомнений, нарушение правил их получения влечет за собой недопустимость их в качестве доказательств.

При оценке предметов-источников доказательств и полученных благодаря им показаний, имеющих отношение к делу, необходимо всегда исходить из общих правил (принципов) оценки доказательств.

Оценка вещественных доказательств – сложная процессуальная и одновременно умственная деятельность суда, а также лиц, участвующих в деле, что имеет место на всех стадиях процесса.

Не менее интересной является точка зрения, согласно которой оценка доказательств – психическая деятельность субъектов оценки, протекающая на основе логических и правовых законов по определению качеств и признаков судебных доказательств, что включает в себя 3 этапа: постановку задачи, решение задачи и результат.

Как видим, толковали понятие «оценка вещественных доказательств» как комплексное многовекторное явление, что одновременно охватывает и обеспечивает взаимосогласованное сочетание одновременно логической, мыслительной, психологической, лексикологической, и процессуальной деятельности, прежде всего, суда и других участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Не менее важным и дискуссионным в наше время является вопрос определения субъектов оценочной деятельности. Как правило, разнообразие взглядов ученых на эту проблему позволяет объединить существующие подходы к определению субъектного состава на два течения:

1. Дуалистическое течение, согласно которому субъектами доказательственной, в том числе оценочной деятельности являются как суд, так и лица, которые принимают участие в деле, поскольку все они наделялись определенными полномочиями по сбору, исследованию и оценке доказательств. Это позволяет ведущему ученому-процессуалисту

В.В. Комарову утверждать, что оценку доказательств осуществляет не только суд, но и лица, которые принимали участие в деле, на протяжении всего производства уголовного дела.

2. Монистическое течение, сторонники которого отстаивают позицию, согласно которой исключительно суд (судья) является субъектом оценки вещественных доказательств в уголовном процессе. Так В.А. Мусин, Н.А. Чечина, Д.М. Чечотов обобщили, что субъектами доказывания в части собирания и исследования доказательств являются стороны и другие лица, участвующие в деле, а в части оценки доказательств – суд. Продолжает эти рассуждения К.Б. Рыжов, который настаивает, что именно деятельность суда, как единственного субъекта оценки доказательств, играет главную роль в этом процессе.

Ни одно из приведенных течений, на наш взгляд, не является исчерпывающим и не дает всесторонне ответ на вопрос: кто же из субъектов уголовно-процессуальных правоотношений осуществляет оценку вещественных доказательств? Наряду с этим определенная категоричность выводов сторонников каждого из течений приводит к своеобразной односторонности конечных утверждений. Поэтому считаем целесообразным отойти от императивности вышеупомянутых течений и сформулировать собственный подход к определению круга субъектов оценки вещественных доказательств, который на наш взгляд, более полно будет характеризовать распределение полномочий по оценке вещественных доказательств в уголовном процессе между всеми участниками судопроизводства.

Разграничение между проверкой и оценкой доказательств следует проводить по четырем признакам: во-первых, проверка – сочетание практических действий и логической мыслительной деятельности, в то время как оценка – это чисто логическая умственная деятельность; во-вторых, оценка доказательств происходит непосредственно перед принятием властного процессуального решения, тогда как проверка предшествует оценке; в-третьих, предметом оценки, в отличие от проверки, выступают не только относимость, допустимость и достоверность, но и достаточность доказательств; в-четвертых, проверку доказательств осуществляет значительно более широкий круг субъектов,

тогда как оценку доказательств – только те субъекты, которые уполномочены на принятие властных процессуальных решений.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, отмечаем, что проверка и оценка вещественных доказательств являются неотъемлемыми элементами процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. При рассмотрении основных понятий проверки, приходим к выводу, что она осуществляется как путем проведения следственных действий, так и логическим путем. В свою же очередь оценка вещественных доказательств является комплексным многовекторным явлением, что одновременно охватывает и обеспечивает взаимосогласованное сочетание одновременно логической, мыслительной, психологической, лексикологической и процессуальной деятельности, прежде всего, суда и других участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Наряду с вышеуказанными понятиями, существуют и отмечаются основные разграничения проверки и оценки вещественных доказательств, как основ, которые направлены на практическую деятельность получения доказательств и процесса логических действий, включающих изучение и исследование полученных доказательств.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Валеева А.Т. Вещественные доказательства: истребование документов и предметов // Наука и мир. 2017. № 2(42).

3. Рудин А.В. Проверка доказательств в системе элементов процесса доказывания по уголовным делам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4.

4. Диденко Н.С., Фисаков М.Ю. Средства проверки и способы доказывания при проведении проверки сообщения о преступлении // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. Рязань, 2023.

© Диденко Н.С., Вакуленко Н.А., 2024

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Ищенко Д.П.

Доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
кандидат юридических наук

Ищенко Г.К.

Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского гуманитарного института,
кандидат юридических наук

Грамотное планирование и проведение следственных действий определяет успех и эффективность предварительного расследования в целом [1, с. 25–31].

На практике не всегда используются возможности такого следственного действия, как проверка показаний на месте, кроме того допускаются ошибки, которые не позволяют использовать результаты данного следственного действия, как допустимые доказательства по уголовному делу [2, с. 88–95].

Проверка показаний на месте во многих случаях задают вектор всего процесса доказывании вины, установлении значимых фактов и обстоятельств, устранения сомнений для всестороннего и объективного расследования уголовного дела.

Проверка показаний на месте направлена на установление как самого факта ориентирования обвиняемого, потерпевшего, свидетеля на месте происшествия, так и на соответствие показаний, изложенных в допросе фактическим обстоятельствам, а также установление иных значимых фактов.

Например, когда свидетель может достоверно указать место, откуда производились выстрелы, направление движения автомашины,

месторасположения потерпевшего, и эта информация соответствует результатам осмотра места происшествия, заключениям проведенных экспертиз и результатам иных следственных действий, следовательно убеждается, что показания указанного лица соответствуют действительности.

Для эффективного проведения данного следственного действия следователю требуется досконально проанализировать весь массив имеющейся по делу информации, заложив в фундамент сведения, полученные в первую очередь в ходе осмотра места происшествия, других следственных действиях, а также заключений проведенных экспертиз, т. к. они являются первоисточником в установлении фактических обстоятельств совершенного преступления.

Непреложное правило для эффективного проведения следственного действия – быть максимально информированным обо всех установленных в ходе расследования обстоятельствах. Источниками могут выступать как протоколы следственных действий: осмотров мест происшествий, допросов, очных ставок, осмотров предметов, приложений к указанным протоколам – фотоизображений, схем, рисунков и прочих, так и любая документация, в частности технического содержания, которая окажет несоизмеримую помощь для понимания отдельных событий и явлений. Отдельное внимание следует уделить заключениям экспертиз и исследований.

В случаях, когда следователи пренебрегают предварительным анализом имеющихся результатов расследования и как негативный результат получают на выходе абсолютно неинформативный протокол следственного действия, либо в худшем случае – получают противоречие результатов следственного действия результатам уже проведенных криминалистических экспертиз, ранее данным показаниям, а также результатам осмотра места происшествия.

Для эффективного проведения следственного действия, следователю необходимо рассмотреть вопрос о необходимости допустить к участию экспертов, специалиста, понятых, обвиняемого (подозреваемого), свидетеля или потерпевшего и статистов.

Работа следователя должна происходить в плотном и продуктивном взаимодействии с участвующими лицами – экспертами, специалистом и иными участниками следственного действия [3, с. 141–147].

При планировании проведения следственных действий не следует пренебрегать мерами безопасности участвующих лиц, для чего обеспечивается силовая охрана привлеченных сотрудников других правоохранительных органов.

Необходимо отметить, что не существует универсального способа и последовательности производства следственного действия. При составлении протокола следственного действия необходимо строго соблюдать требования уголовно-процессуального закона. При составлении протокола требуется описывать ход и основные этапы следственного действия, пояснения участвующих лиц, а также фиксировать их замечания и дополнения [4, с. 61– 67]. В рамках производства следственного действия целесообразно использование видеозаписи, производство фотосъемки этапов следственного действия.

Показания даются во время допроса, а для проверки полученных показаний возникает необходимость проверить на месте. Однако иногда возникает ситуация, когда во время проверки показаний на месте лицо сообщает об иных фактах, о которых не сообщало в ходе допроса, например, о новом факте преступной деятельности.

Возникают вопросы: допустимо ли, не проводя дополнительного допроса, проверить вновь данные показания на месте, или требуется прекратить проведение проверки показаний на месте и провести только после допроса; принять заявление отдельным протоколом или допустимо внести в протокол проверки показаний на месте?

В части 2 статьи 194 УПК РФ речь идет о ранее допрошенных лицах. Буквально трактуя положения нормы, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события. Под исследуемым событием понимаем конкретное преступление, которое расследуется в рамках уголовного дела, а лицо именно по данному уголовному делу является участником уголовного процесса.

Признать незаконной проверку показаний на месте в искомой ситуации представляется не последовательным и нелогичным [5, с. 167–172].

В случаях, когда в ходе проверки показаний на месте обнаружены предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, на которые указало ранее допрошенное лицо, а также предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, на которое ранее допрошенное лицо не указало, но эти предметы, документы, следы были найдены следователем или иным участвующем в проверке показаний на месте лицом, они подлежат изъятию.

Однако сам протокол данного следственного действия не предусматривает возможность изъятия предметов, кроме того само следственное действие имеет свою конкретную цель.

С целью изъятия обнаруженного в ходе следственного действия предмета имеющего значения для установления всех обстоятельств совершенного преступления, необходимо проводить другое следственное действие, что является не эффективным, т. к. изъятие предмета с целью его сохранения и недопущения факта его утраты, необходимо проводить незамедлительно.

Так, например, когда в ходе проверки показаний на месте подозреваемым был указан предмет (лом) с помощью которого он вскрыл дверь помещения, который был изъят в ходе проверки показаний на месте.

На практике встречаются и другие случаи изъятия предметов в ходе проверки показаний на месте, что впоследствии не влечет признания вещественных доказательств не допустимыми [6, с. 1089–1095].

Также имеются иные факты изъятия следователями предметов, имеющих значение для уголовного дела в ходе проверки показаний на месте, при этом данные доказательства принимались как допустимые надзорным органом в ходе прокурорского надзора, так и в последующем при рассмотрении уголовного дела в суде.

Данные факты свидетельствуют о двоякой, но логичной правоприменительной практике и отступления от буквального исполнения нормативно закрепленных требований.

Вариант решения указанных проблем – это нормативное урегулирование, путем внесения изменений в УПК РФ, не нарушая прав всех участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. Ищенко Д.П. К вопросу выявления и расследования коррупционных и должностных преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные вопросы противодействия коррупции в публичном и частном секторах: материалы Всерос. научно-практ. конф. СПб., 2022.

2. Ищенко Д.П., Фисаков М.Ю. Влияние процессуальных ошибок, допускаемых органами предварительного расследования, на качество, результативность и полноту расследования // Философия права. 2023. № 2(105).

3. Ищенко Д.П., Казанков В.Ю. Незаконное хранение охотничьего пороха влечет суровое наказание // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2019.

4. Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. К вопросу наложения ареста на имущество // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2021.

5. Долгов С.Ф., Суфянова Е.З. Уголовно-процессуальные проблемы, возникающие в ходе изъятия объектов, при проведении проверки показаний на месте, и пути их решения // Право и практика. 2018. № 4.

6. Хазырова С.Н. К тактико-криминалистическим особенностям производства проверки показаний на месте // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сб. научных статей Междунар. научной конф. СПб., 2023.

© Ищенко Д.П., Ищенко Г.К., 2024

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Клишина А.Г.

Адъюнкт адъюнктуры Краснодарского университета МВД России

Стадия возбуждения уголовного дела является начальной стадией уголовного процесса, в рамках которой органы предварительного следствия или дознания осуществляют деятельность по проверке сообщения о преступлении и принимают решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. Правовая природа стадии возбуждения уголовного дела заключается в том, что она является самостоятельной стадией уголовного процесса, обладающей специфическими задачами, участниками, порядком производства и решениями, принимаемыми на ней.

Несмотря на законодательно закрепленную самостоятельность стадии возбуждения уголовного дела, в теории уголовного процесса существует ряд дискуссионных вопросов о ее целесообразности. Так Ф.М. Кашапова и Р.М. Исаева полагают, что одним из вопросов, требующих обсуждения, является вопрос о необходимости сохранения данной стадии [1, с. 49].

Для формирования собственной позиции по данному дискуссионному вопросу нами был проведен анализ различных источников, в которых были рассмотрены аргументы за и против сохранения стадии возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной.

Рассмотрим аргументы за сохранение стадии возбуждения уголовного дела:

– стадия возбуждения уголовного дела позволяет предотвратить необоснованное принятие решения о возбуждении уголовного дела, проверив наличие или отсутствие признаков преступления, т. е. выступает в качестве фильтра. Поспешное возбуждение уголовных дел без значимых

оснований, как писал В.А. Середнев, «это отвлечение внимания следственных органов и ослабление качества расследования уголовных дел» [2, с. 19];

– стадия возбуждения уголовного дела призвана обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, ограничения их прав и свобод [3, с. 3, 8, 9]. В установленные законом процессуальные сроки правоохранительные органы осуществляют все необходимые следственные и процессуальные действия на установление причастности (непричастности) лица, к совершенному преступлению, это необходимо для того, чтобы оградить лицо от необоснованного процессуального решения – возбуждении уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление;

– на протяжении последних лет, согласно статистическим данным Генеральной Прокуратуры РФ отменено относительно одинаковое количество постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела (январь 2021 г. – 699; за январь 2022 г. – 531; за январь 2023 г. – 624) [4].

Из этого следует, что, если исключить стадию возбуждения уголовного дела из уголовного судопроизводства, увеличится количество отмененных постановлений о возбуждении уголовного дела, прекращенных уголовных дел, а также отмена данной стадии повысит нагрузку не только на правоохранительные органы, но и на органы прокуратуры, поскольку увеличится поступление возбужденных уголовных дел на проверку;

Аргументы против сохранения указанной стадии:

– стадия возбуждения уголовного дела дублирует стадию предварительного расследования, а также препятствует оперативному расследованию уголовного дела. Больше всего данное высказывание касается получения объяснений. В настоящее время опрос того или иного лица, который фиксируется в бланке объяснения, не является доказательством по уголовному делу в дальнейшем, поскольку получение объяснения процессуально не закреплено. Поэтому компетентным

органам на стадии предварительного следствия приходится дублировать показания в бланках допроса;

– на стадии возбуждения уголовного дела Генеральной Прокуратурой РФ выявляется самое большое количество нарушений правоохранительными органами. Так, согласно статистическим данным, в январе 2021 г. выявлено 234 555 нарушений, в январе 2022 г. число нарушений увеличилось до 250 368 (на 6,7 %) и количество нарушений по состоянию на январь 2023 г. – 264 058 (на 5,5 %) [4];

– с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее – УПК РФ) стадия возбуждения уголовного дела до сих пор не получила должного внимания со стороны законодателей. Внесение изменений в некоторые нормы кодекса не привели к решению стоящих вопросов у ученых процессуалистов и практических сотрудников. Особенно это касается процессуального статуса лиц, в ней участвующих;

– на стадии возбуждения уголовного дела могут иметь место нарушения прав и свобод граждан, которые могут проявляться в следующих формах: удлинение срока проверки сообщения о преступлении; отказ в возбуждении уголовного дела без достаточных оснований; не предоставления защиты лицам, участвующим в процессуальной проверке; не уведомление о принятых процессуальных решениях участвующих лиц, что нарушает их право на обжалование.

На основе анализа аргументов в пользу и против сохранения стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной нами было сформировано собственное мнение, которое заключается в том, что данная стадия является необходимой и должна существовать как самостоятельная. Поскольку стадия возбуждения уголовного дела выполняет важнейшие функции: защита прав и законных интересов участвующих лиц; защита от необоснованного привлечения к уголовной ответственности; обеспечение своевременного возбуждения уголовного дела; предупреждение преступлений. Ведь не в каждом противоправном деянии четко видны основания для возбуждения уголовного дела, и проверить сами поводы в день их поступления в правоохранительные органы для незамедлительного принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении тем более не всегда

является возможным. Таким образом, законодателями определена начальная стадия уголовного процесса – стадия возбуждения уголовного дела.

Аргументы, приведенные против сохранения самостоятельности данной стадии не убедительны. Так утверждения о том, что данная стадия приводит к затягиванию сроков расследования и препятствует быстрому расследованию преступления, не соответствуют действительности. Напротив, стадия доследственной проверки позволяет обеспечить своевременное возбуждение уголовного дела, что является гарантом недопущения необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности. Также, согласно УПК РФ, следователь или дознаватель имеет право проводить разрешенные в целом всегда достаточные для принятия решения по материалу процессуальной проверки следственные и процессуальные действия.

Аргументы, связанные с регулированием и реализацией стадии возбуждения уголовного дела, также являются спорными. Для повышения ее эффективности необходимо продолжать работу по совершенствованию законодательного регулирования и увеличения эффективности деятельности правоохранительных органов.

В рамках поиска аргументов с практической точки зрения, нами было проведено анкетирование практических сотрудников органов предварительного следствия и дознания разных субъектов Российской Федерации. На вопрос «стоит ли отменить стадию возбуждения уголовного дела?» 86,3 % респондентов ответили отрицательно. Этот результат свидетельствует о том, что стадия возбуждения уголовного дела является важным этапом уголовного судопроизводства, который выполняет ряд важных функций.

Далее следовал вопрос «если вы считаете, что в отмене стадии возбуждения уголовного дела нет необходимости, то почему?»

Большинство опрошенных обосновали свою позицию тем, что стадия возбуждения уголовного дела ограждает компетентные органы от ненужной работы, позволяя исключить те сообщения о преступлениях, в которых не усматриваются признаки преступления. Это позволяет правоохранительным органам не тратить свое время на расследование уголовных дел, которые не имеют перспектив. Также данная стадия не предусматривает применение мер процессуального принуждения, поэтому

правоохранительным органам дана возможность в рамках процессуальной проверки проверить все необходимые сведения с целью установления причастности лица, к совершенному преступлению.

На наш взгляд, позиция отказа от стадии возбуждения уголовного дела в большей степени разрушает уголовный процесс как единую систему уголовно-процессуальных отношений, ведь институты были сформированы задолго до их нормативного закрепления в 1960 г. Именно этот факт говорит о том, что отказ от возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного процесса приведет к необходимости реконструкции всех последующих стадий, что вызовет еще более сложную проблему. Ведь стадия процессуальной проверки реализует присущие только функции, которые не могут быть заменены последующими стадиями уголовного процесса.

Литература

1. Кашапова Ф.М., Исаева Р.М. Стадия возбуждения уголовного дела: проблемы и перспективы // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2021. № 4.

2. Середнев В.А. Стадия возбуждения уголовного дела: рудимент или необходимость? // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4.

3. Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2.

4. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Результаты деятельности органов прокуратуры РФ – Генеральная прокуратура РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 03.11.2023).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

© Клишина А.Г., 2024

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ЖИЛИЩЕ БЕЗ СОГЛАСИЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В НЕМ ЛИЦ

Катрыч А.А.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

В Конституции РФ фундаментально закреплено право каждого гражданина на неприкосновенность жилища, однако нередко оно становится объектом преступных посягательств или же местом преступления, совершенного в отношении проживающих в нем лиц. Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте МВД России количество преступлений, совершенных на территории Российской Федерации в период времени с января 2023 по сентябрь 2023 г. составило 1 470 449 тысяч. Почти каждая седьмая кража (13,6 %), почти каждый двадцать восьмой грабеж (3,5 %) и каждое восьмое разбойное нападение (12,6 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище [1]. При этом не стоит и забывать о том, что проживающие в жилище лица, могут совершать преступные деяния. Если с преступлениями против собственности нет никакой сложности при производстве осмотра места происшествия в получении согласия проживающих в жилище лиц, т. к. они заинтересованы во всестороннем и полном расследовании уголовного дела, а как быть в случаях, когда преступление совершают собственники жилища, например, преступления, посягающие на жизнь и здоровье граждан, преступления против половой неприкосновенности. При вышеупомянутом стечении обстоятельств у органов предварительного расследования возникают трудности с производством следственных действий в жилище, т. к. проживающие там лица препятствуют осуществлению законной деятельности следователя (дознателя). Чтобы разобраться в сложившейся проблеме, необходимо проанализировать

нормы УПК РФ, в которых отражены процессуальные полномочия следователя на стадии проверки сообщения о преступлении. На стадии проверки сообщения о преступлении возможно проведение ряда следственных действий, которые отражены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Среди всех перечисленных следственных действий стоит выделить, что до возбуждения уголовного дела закон санкционирует производство нескольких видов осмотра – это осмотр предметов, документов, а так же осмотр места происшествия. Во многом дальнейший ход расследования уголовного дела определяется полнотой, качеством и правильным процессуальным закреплением всех следов преступления на месте происшествия. Таким образом осмотр места происшествия имеет ключевое значение на этапе проверки сообщения о преступлении.

Одним из основополагающих принципов Конституции РФ является принцип неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ). Согласно данному положению, для того, что бы проникнуть в жилище у органов предварительного следствия должны быть весомые основания, которые установлены в федеральных законах, или же на основании судебного решения. Фундаментом уголовно-процессуального права являются принципы охраняемые Конституцией РФ, в связи, с чем закон обязывает осмотр жилища, проводится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения (согласно ч. 5 ст. 177 УПК РФ). В ч. 1 ст. 176 УПК РФ законодатель определил возможные виды осмотра, при этом осмотр места происшествия выделен как отдельный вид осмотра, поэтому осмотр жилища и осмотр места происшествия это два самостоятельных вида осмотра. В связи с этим возникает проблема отсутствия ясных и конкретных правил и процедур, регулирующих этот процесс. Производство осмотра места происшествия в жилище против воли проживающих лиц, влечет за собой нарушение конституционного права на неприкосновенность жилища, что влечет за собой признания данного следственного действия незаконным, а все собранные вещественные доказательства – недопустимыми. В каждом правиле бывают исключения, таким образом, в ч. 1 ст. 12 УПК РФ, законодатель дает возможность производства осмотра в жилище без согласия проживающих в нем лиц. Эти исключительные случаи находят свое

отражение в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в положении данной статьи названы такие случаи как «исключительные случаи, не терпящие отлагательства». При этом в нормах УПК РФ нет толкования, что понимается под «исключительными случаями». При наступлении таких исключительных случаев, не терпящих отлагательства, следователь обладает полномочиями на производство осмотра жилища, на основании постановления вынесенного им. Принцип неприкосновенности жилища может быть ограничен по судебному решению. В компетенцию суда входит санкционирование производства осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц. Данное полномочие отражено в п. 5 п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Проанализировав вышеупомянутые нормы уголовно-процессуального законодательства, делаем вывод, что ни в одной из указанных норм нет прямого и четкого указания на обстоятельства, при которых будет правомочно производство осмотра места происшествия в жилище при отсутствии проживающих лиц. В данных нормах закреплены положения, касающиеся исключительно осмотра жилища при отсутствии согласия.

Необходимо разграничить понятие и процессуальный порядок производства осмотра жилища и осмотра места происшествия в жилище. Однако судебная практика, при рассмотрении жалоб граждан о признании осмотра места происшествия в жилище незаконным при отсутствии согласия проживающих лиц, в своих постановлениях обосновывает законность произведенного следственного действия, ссылаясь на нормы УПК РФ, содержащиеся в ч. 5 ст. 165 и ч. 5 ст. 177 УПК РФ. Изучая судебную практику по рассмотрению жалоб по факту незаконного проведения осмотра места происшествия в жилище, значительное количество жалоб состояло в оспаривании вышеупомянутых норм. При этом заявители, обосновывая, свою позицию, приводят доводы о том, что вышеуказанные правовые нормы, не несут в себе конкретного указания следователю (дознавателю), производящему осмотр места происшествия в жилище, без согласия проживающих лиц, ходатайствовать перед судом о получении санкции на производство данного следственного действия или же обращение в суд с целью решения вопроса о законности произведенного следственного действия [3]. При этом считаем

справедливым данное замечание, так как при таком стечении обстоятельств выходит, что между осмотром жилища и осмотром места происшествия в жилище законодатель ставит знак тождества, однако в ч. 1 ст. 176 УПК РФ эти два осмотра выделены в два самостоятельных вида осмотра. Считаем необходимым рассмотреть вопрос о том, в каком виде должно быть выражено согласие на осмотр жилища или осмотр места происшествия в жилище проживающих в нем лиц. Уголовно-процессуальное законодательство РФ дает указание на получение данного согласия, однако при этом нет разъяснений о том, в какой форме данное согласие должно выражаться. Анализируя нормы УПК РФ, приходим к выводу, что согласие проживающих в жилище лиц на его осмотр может быть выражено как в устной форме, так и в письменной форме с отражением в протоколе следственного действия или же состоять в отдельной подписке. Практические сотрудники органов предварительного расследования с целью придания правомочности данного следственного действия до начала осмотра места происшествия в жилище берут подписку у граждан, проживающих в данном жилище. Данная подписка состоит в том, что лицо не возражает против осмотра места происшествия в его жилища. Подписку проживающее лицо дает собственноручно на первом листе протокола осмотра места происшествия. Однако нормы УПК РФ не обязывают это делать в письменном виде.

Считаем, что необходимо разработать и внедрить законодательные нормы, которые бы четко определяли правила осмотра места происшествия при отсутствии согласия проживающих лиц, которые бы одновременно гарантировали защиту конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища, а так же регламентировали четкий порядок действий следователя и дознавателя в подобных ситуациях. Для решения возникшей проблемы есть два пути решения. Первый вариант заключается в необходимости внесения изменений в уже существующие нормы, в которых помимо осмотра жилища добавить осмотр места происшествия в жилище при отсутствии согласия проживающих лиц. Таким образом, изменению подлежат п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ч. 5 ст. 177 УПК РФ. В результате решения проблемы таким путем, не возникнет сомнений в правильности применяемых норм уголовно-

процессуального законодательства, нежели как это происходит в настоящее время, когда при разрешении жалоб граждан суды ссылаются на порядок производства осмотра жилища, что является в корне неверным, так как осмотр места происшествия в жилище является исключительным и самостоятельным видом осмотра. Вторым вариантом решения сложившейся проблемы предлагаем, выделить осмотр места происшествия в отдельную ст. 177.1 «Осмotra места происшествия» УПК РФ. В данной статье закрепить определение «место происшествия», а так же предоставить следователю и дознавателю широкие полномочия по проникновению в жилище, на территории которого расположено место происшествия. По данному вопросу в зарубежной практике имеется четкое толкование. Так, например, в УПК Республики Беларусь в ч. 7 ст. 204 закреплено полномочие следователя и дознавателя на производство осмотра места происшествия в жилище по постановлению следователя или дознавателя с последующим направлением сообщения прокурору в течение 24 часов [2].

Таким образом проблема производства осмотра места происшествия в жилище при отсутствии согласия проживающих лиц требует системного подхода и комплексных мер для своего решения. Необходимо или проработать имеющиеся нормы УПК РФ, основываясь на зарубежном опыте, или внедрить отдельные законодательные нормы, регламентирующие процессуальный порядок производства осмотра места происшествия в жилище. Только тогда сможем достичь баланса между необходимостью проведения осмотра места происшествия в жилище и защитой прав жильцов на неприкосновенность жилища.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/> (дата обращения: 12.10.2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: закон от 16.07.1999 № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2023.) [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz/>

Document/?doc_id=30414958&pos=2184;-52#pos=2184;-52 (дата обращения: 12.10.2023).

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Левченко Евгения Константиновича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165, статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2027-О. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

© Катрыч А.А., 2024

УДК 343.985.7

ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ЭТАПАХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕСУРСОВ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Кокорев Р.А.

Заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Несмотря на снижение общего количества зарегистрированных преступлений в Российской Федерации по сравнению с 2022 г. (за 6 месяцев 2023 г. на 2 %) [1], все еще сохраняется тенденция к увеличению числа регистрируемых преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 17,1 %) [2]. Отметим, что рост онлайн-продаж и рынка электронных платежей привел к развитию новых современных видов мошенничества.

Как показало исследование правоприменительной практики, наиболее распространенными видами мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, являются: махинации с интернет-кошельками, например, покупатель

переводит деньги продавцу через электронный кошелек, но тот не отправляет товар и не возвращает деньги. Следующий случай, мошенничество с использованием электронной почты, в котором лицо представляется богатым наследником и просит отправить деньги за услуги адвоката или комиссию. Распространенным остается фишинг, в котором персональные данные похищаются для дальнейшего кражи денежных средств с банковской карточки. Обычно для получения таких данных используется почтовая рассылка. Отметим, что следственной практике известны и другие виды мошенничества, с использованием сети Интернет

Отличительными признаками дистанционного мошенничества выступают: высокий уровень латентности; временный характер преступных объединений; структурированность криминальных объединений, динамичность [3, с. 188; 4, с. 214–220]. Отметим, что латентность обусловлена, зачастую, недоверием к правоохранительным органам, нежеланием выдавать слабые места собственных систем безопасности.

На первоначальном этапе расследования мошенничества с использованием ресурсов сети Интернет необходимо уделять особое внимание планированию производства процессуальных действий. В частности, оно осуществляется исходя из сложившейся следственной ситуации. Конкретной следственной ситуацией будет определяться перечень следственных действий и их очередность [5, с. 214–221; 6, с. 146–150; 7, с. 252–259].

Типичными следственными ситуациями рассматриваемых преступлений являются:

1) сведения о способе совершения преступления, причинах возникновения общественно опасных последствий и личности злоумышленника полностью отсутствуют;

2) сведений о личности преступника нет, однако присутствует информация о способе и причинах совершения преступления или иные сведения;

3) личность преступника установлена, известные такие обстоятельства, как обстановка совершения противоправного деяния, механизм слеодообразования, способ преступления и причины [8].

В правоприменительной практике разработаны эффективные алгоритмы действий следователя на первоначальном и последующем этапах расследования по факту мошеннических действий с использованием ресурсов сети Интернет. По мнению исследователей, действия следователя на первоначальном этапе расследования складываются из нескольких блоков [9; 10; 11].

1. Выполнение процессуальных действий с потерпевшим, а именно:

- уведомление заявителя о возбуждении уголовного дела;
- признание заявителя потерпевшим и допрос его об обстоятельствах хищения денежных средств;
- изъятие у потерпевшего документов, подтверждающих хищение (при наличии). Выемка, осмотр с участием потерпевшего и специалиста необходимы, если указанная информация находится в памяти компьютера или мобильного телефона, планшета потерпевшего. После этого принимается решение с вынесением соответствующего постановления о признании и приобщении изъятой информации к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. Вопрос о возвращении потерпевшему изъятых имущества должен быть решен, если это возможно. Принимаются меры по сохранности поступивших потерпевшему сообщений и иной информации;
- признание потерпевшего гражданским истцом, при желании последнего воспользоваться правом на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением;
- изъятие у операторов мобильной связи выписок из банков сведений о входящих и исходящих соединениях.

2. Направление в установленном порядке информации для внесения ее в подсистему «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф»: о месте совершения преступления (квартира, улица, банк), абонентских номерах телефонов, включая стационарные, адресах расположения банков, их названиях, номерах расчетных счетов, адресах и способах передачи денежных средств (почтовый ящик, курьер, такси), адресах интернет-сайтов и интернет-площадок, номерах виртуальных кошельков.

3. Получение информации, содержащей банковскую, либо иную охраняемую законом тайну:

– направить запрос на предоставление паспортных данных владельца банковского счета, банковской карты или электронного адреса, информации о движении денежных средств по счету, расположения банкоматов, камер видеонаблюдения, адреса офиса банка, в котором открыт счет, операций по онлайн-банкингу, IP-адреса устройства;

– направить запрос операторам сотовой связи о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

– произвести выемку, например, в случае, если будет обнаружено, что запись была зафиксирована на компьютерном оборудовании, при помощи которого было совершено преступление (например, банкоматы, POS- терминалы, терминалы самообслуживания) или в месте, где есть свободный доступ к сети Wi-Fi (например, в местах общепита или транспортных средств) незамедлительно осуществляется выемка видеозаписи. Если установлено, что предметы, подлежащие изъятию, в том числе орудия преступления, могут содержать охраняемую законом тайну, такую как банковские данные или системный блок персонального компьютера, с которого осуществлялся неправомерный доступ, выемка должна быть осуществлена по решению суда;

– направить запросы в организации, интернет провайдерам, которым принадлежат почтовые сервисы, социальные сети, интернет-сервисы, о предоставлении сведений, не являющихся информацией ограниченного доступа. В случае технической подмены вызывающего абонента необходимо направить запрос на установление технических реквизитов звонка, т. к. используется подмена вызывающего абонента, в таком запросе у оператора связи необходимо выяснить, из сети какого оператора связи вошел звонок. Данный запрос направляется оператору связи потерпевшего. В случае использования IP-телефонии, необходимо запросить IP-адреса регистрации и авторизаций, а также способ оплаты.

4. Составление с сотрудниками уголовного розыска совместного плана следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

5. Направление соответствующих поручений в орган дознания: о проведении оперативно-розыскных мероприятий по установлению лица, совершившего преступление, совпадений в подсистеме ПТК «ИБД-Ф»; о допросе лиц, на которых зарегистрированы абонентские номера,

банковские карты, электронные ящики, аккаунты и другие ресурсы; о выемке документов, подтверждающих открытие/регистрацию в информационных и банковских ресурсах, при необходимости об изъятии образцов почерка и др.

6. Задержание подозреваемого, его личный обыск. В протоколе задержания обязательно отразить основание и мотивы применения меры процессуального принуждения. Личный обыск проводится в рамках процессуального задержания, следовательно, не требуется получение судебного решения.

На последующем этапе расследования рассматриваемых преступлений, в зависимости от сложившейся следственной ситуации, следователю необходимо произвести следующие действия: привлечь лицо, в качестве обвиняемого, допросить в установленном порядке обвиняемого; получить образцы для сравнительного исследования (к примеру, образцы голоса обвиняемого); произвести с обвиняемым проверку показаний на месте, следственный эксперимент; произвести обыск и выемку по месту жительства обвиняемого, изъять в установленном законом порядке предметы и вещи, которые могут служить вещественными доказательствами; назначить необходимые судебные экспертизы (например, технико-криминалистическую, фоноскопическую); получить ответы на поручения и запросы, приобщить вещественные доказательства к уголовному делу и др.

В заключение отметим, что расследование мошенничеств совершенных с использованием ресурсов сети Интернет является довольно трудоемким и сложным процессом. Важно учитывать на каждом этапе расследования тот факт, что мошенники являются весьма грамотными людьми, которые имеют довольно структурированную и отлаженную систему обмана граждан, и даже будучи задержанными, будут всячески отрицать свою вину, пытаться запутать следствие во избежание наказания за содеянное.

Литература

1. Уровень преступности в России: статистика МВД [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/07/20/72514925/> (дата обращения: 03.08.2023).

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-февраль 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/36479770/> (дата обращения: 03.08.2023).

3. Максимов В.С. Повышение эффективности очной ставки на досудебном производстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1.

4. Юнусов А.А., Диденко Н.С. Проблемы, возникающие при получении объяснений в процессе проверки сообщения о преступлении // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 2(105).

5. Кокорева Л.В. Следственные ситуации при расследовании карманных краж // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия: сб. матер. Всерос. научно-практ. конф. М., 2010.

6. Кустов А.М., Кокорева Л.В. Тайное хищение чужого имущества: проблемы первоначального этапа расследования // Проблемы и перспективы современных гуманитарных, экономических и правовых исследований: материалы Междунар. научно-практ. конф. М., 2013.

7. Церковнова Е.А., Диденко Н.С. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы организации и проведения допроса на стадии досудебного производства// Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2019.

8. Тюнис И.О. Криминалистика: уч. пособие. М., 2020.

9. Лавров В.П. Криминалистика. Конспект лекций: уч. пособие. М., 2019.

10. Красикова А.А. Приобретение права на чужое имущество и хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием: дис. ... канд. юрид. наук. М., Екатеринбург, 2013.

11. Лановой А.Ф. Первоначальный этап расследования мошенничества, совершаемого на объектах железнодорожного транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

© Кокорев Р.А., 2024

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРИ КОТОРЫХ ВОЗМОЖЕН СОКРАЩЕННЫЙ ПОРЯДОК ДОЗНАНИЯ

Кокорева Л.В.

Профессор кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Все время существования форм предварительного расследования, государство стремится улучшить качество расследования уголовных дел, свести к минимуму проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители, упростить порядок формирования доказательственной базы, оптимизировать процессуальные сроки, обеспечить соблюдение прав участников уголовного судопроизводства. Достаточно нестабильные социально-экономические условия, имеющиеся в стране, побудили реформировать систему досудебного производства. Так, в 2013 г., в уголовно–процессуальное законодательство Российской Федерации был введен упрощенный порядок осуществления предварительного расследования – дознание в сокращенной форме, призванный существенно минимизировать временные ресурсы, снизить нагрузку, приходящуюся на дознавателя. Во многом это стало возможным за счет уменьшения инструментов доказывания, являющихся достаточными для формирования доказательственной базы и установления причастности лица к совершенному преступлению небольшой или средней тяжести, при соблюдении ряда условий, которые в числе прочих обстоятельств, будут рассмотрены в представленной работе.

Участники уголовного судопроизводства как при сокращенной форме дознания, так и при общем порядке дознания имеют одни и те же права и обязанности. Если прокурор выявил обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, либо факт несоблюдения требуемых условий для этого, он своими правами отменяет

незаконное и необоснованное постановление дознавателя, поскольку там должны быть указания об общем порядке производства дознания, о чем выносит соответствующее постановление. В этом случае у прокурора также имеется возможность инициировать служебную проверку с целью привлечения должностного лица к дисциплинарной ответственности [1].

В последнее время применение в уголовном процессе рассматриваемой формы дознания растет быстрыми темпами, о чем свидетельствует правоприменительная практика. К сожалению, гл. 32¹ УПК РФ не лишена законодательных ошибок, исключаящих единообразное толкование и применение уголовно-процессуальных норм, зачастую усложняющих правоприменительную практику.

Как следует из названия ст. 226¹ УПК РФ в данной норме закреплены основание и процессуальный порядок производства дознания в рассматриваемой форме [2, с. 57–61]. В то же время вторая часть определяет требования, которые дознаватель должен учитывать при принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме. По сути, в ней законодатель ведет речь именно про условия производства сокращенного дознания. Однако данный законодателем перечень нельзя признать исчерпывающим, так как в правоприменительной практике, кроме обозначенных в ч. 2 ст. 226¹ УПК РФ, учитываются следующие условия:

- подозреваемый заявляет ходатайство о производстве сокращенного дознания только после предварительной консультации с защитником. Следовательно, ходатайство должно быть удостоверено подписью подозреваемого и его защитника;

- потерпевший не возражает против такого рода расследования. Свое решение потерпевший должен изложить письменно. Следовательно, дознавателю необходимо получить письменное согласие участника (согласие или отказ) до вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, чтобы соблюдать условия, которые позволяют расследовать уголовное дело в сокращенной форме [3, с. 126–129].

При установлении обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 226² УПК РФ, дознаватель не может принять решение о проведении

расследования в сокращенной форме. В этом случае он обязан принять решение об отказе удовлетворения ходатайства о проведении дознания в сокращенной форме.

Закон определяет следующие случаи, которые препятствуют сокращенному дознанию:

- подозреваемый является несовершеннолетним;
- подозреваемый имеет психическое заболевание. Отметим, что наличие этого основания исключает проведение не только сокращенного дознания, но и дознания в общем порядке;
- подозреваемый имеет особый правовой статус, который исключает общий порядок процесса расследования. В ст. 447 УПК РФ определены категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам;
- подозреваемый совершил преступления, не предусмотренные п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;
- подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;
- потерпевший возражает против сокращенного производства дознания. Потерпевший не обязан объяснять причины своего отказа. Согласно результатам исследования, более четверти случаев неприменения сокращенной формы дознания связаны с отказом потерпевшего использовать этот способ разрешения конфликта [4, с. 15–16; 5, с. 143–147].

Кроме этого в правоприменительной практике встречаются следующие случаи отказа от производства дознания в сокращенной форме:

- уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, а не в отношении конкретного лица;
- подозреваемый заявил ходатайство в отсутствие защитника;
- подозреваемый не признает свою вину или не согласен с правовой и фактической оценкой преступления.

При выявлении случаев, исключающих сокращенное дознание, уголовное дело должно продолжаться в общем порядке.

Правоприменительной практике известны случаи, когда уголовное дело, расследованное в сокращенном порядке, передается в суд, однако подозреваемый и его защитник заявляют ходатайство о проведении дознания в общем порядке. В такой ситуации судья отменяет обвинительное постановление дознавателя и возвращает уголовное дело прокурору, чтобы оно было отправлено в орган предварительного расследования для производства дознания в общем порядке. Защитники используют это обстоятельство умышленно для затягивания расследования и получения личной выгоды в ознакомлении с доказательственной базой по уголовному делу [5, с. 74; 6, с. 143–147].

В заключение отметим, что вести речь о применении рассматриваемой формы расследования невозможно при отсутствии хотя бы одного из рассмотренных условий. Законодателю следует изменить название ст. 226¹ УПК РФ, чтобы обеспечить единообразное толкование закона, поскольку он содержит указания не только на основание и порядок, но и условия производства дознания в сокращенной форме. Расследование уголовного дела должно продолжаться в общем порядке после установления обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме.

Литература

1. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 (ред. от 22.02.2023). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Диденко Н.С., Гордеева Е.А. Сокращенное дознание: целесообразность и эффективность применения данного института при расследовании преступлений // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2022.

3. Романькова И.А. Особенности производства расследования в форме сокращенного дознания // Молодой ученый. 2020. № 7(297).

4. Зотова М.В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

5. Дознание в органах внутренних дел: уч. пособие / Н.Ю. Дутов, Е.В. Касьянова. Воронеж, 2021.

6. Рамазанов Т.Б., Кабурнеев Э.В., Алимйрзаев А.А. Доказывание в сокращенной форме дознания // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 2.

© Кокорева Л.В., 2024

УДК 343.132(100)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСГУМАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Левченкова А.Ю.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь

Система следственных действий в теории уголовного процесса Республики Беларусь достаточно устойчива, вместе с тем отдельные ее аспекты регулярно подвергаются исследованиям и изменениям в связи с динамичным развитием современного общества. Систему образует совокупность 14 процессуальных действий, среди которых особое место занимает эксгумация. Это обусловлено не только особым местом проведения указанного следственного действия, но и специфическим характером его содержания.

В научных кругах неоднократно обсуждались вопросы, касающиеся как процессуального порядка проведения эксгумации, так и этических или судебно-медицинских аспектов данного следственного действия. Освещение указанных вопросов можно найти в публикациях А.Н. Антонова, А.И. Ивенского, А.Н. Ильяшенко, И.М. Комарова,

А.Е. Кригера, Д.Н. Лозовского, Н.В. Осодоевой, В.Ю. Стельмаха, С.В. Черникова, Ю.П. Шкаплерова и др.

В Республике Беларусь определение понятия «эксгумация», как следственного действия, законодательно не закреплено. В ст. 205 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) лишь отмечено, что «при необходимости извлечения трупа из места захоронения (эксгумации) для осмотра соответствующее должностное лицо выносит постановление, которое в отдельных случаях может подлежать санкционированию» [1].

Схожее положение, но с некоторыми существенными отличиями, содержится и в ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2].

Но прежде чем приступать непосредственно к сравнительному анализу, необходимо отметить, что в юридической литературе существует ряд научных точек зрения, касающихся понятия «эксгумация».

Так П.В. Мытник определяет следственную эксгумацию как процессуальное действие, заключающееся в извлечении трупа (останков) умершего человека из места захоронения в целях его осмотра [3, с. 42].

По мнению А.Е. Кригера эксгумацией является самостоятельное следственное действие, направленное на извлечение погребенного трупа из места официального захоронения, производимое в рамках уголовного судопроизводства по постановлению следователя (определению суда) для осмотра (в т. ч. повторного), опознания или экспертного отождествления захороненного трупа, получения образцов для сравнительного исследования, экспертного исследования (первичного, дополнительного, повторного) с целью выяснения обстоятельств по делу, а также для патологоанатомического исследования, направленного на обнаружение и изъятие вещественных доказательств с последующим захоронением трупа [4, с. 10].

Позиция В.Ю. Стельмаха выражается в определении эксгумации «как самостоятельного следственного действия, производимого после возбуждения уголовного дела, заключающегося в извлечении трупа из места официального захоронения с целью производства следственных

действий, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию» [5, с. 22].

Следует отметить, что в отличие от Российской Федерации, в которой данное следственное действие осуществляется только по возбужденному уголовному делу, в Республике Беларусь проведение эксгумации, в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК РБ может быть осуществлено и до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Дискуссионными остаются отдельные аспекты процессуального порядка проведения указанного следственного действия. Для наглядности и четкого выделения различий можно условно разделить порядок проведения данного следственного действия на подготовительный этап и непосредственно этап его проведения.

Содержание подготовительного этапа отражено в процессуальном обосновании проведения эксгумации. Необходимо отметить, что в обоих государствах основанием для проведения данного следственного действия является постановление. Однако следует сразу же подчеркнуть и разницу подходов к процессуальному основанию его осуществления. В УПК РБ указано, что постановление следователя должно быть санкционировано прокурором или его заместителем в рамках соблюдения требований законности. Если не принимать во внимание исключительные случаи, когда постановление о проведении эксгумации выносят Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, альтернативных вариантов оформления данного процессуального решения законодатель не предлагает. В УПК РБ прямо отражено, что вышеуказанное постановление следователя обязательно для администрации места захоронения, членов семьи и родственников умершего, что предопределяет изначальный принудительный характер указанного следственного действия.

УПК РФ демонстрирует иной подход, а именно, отражает два возможных варианта процессуального оформления решения о производстве указанного следственного действия. В первом случае речь идет о постановлении следователя об эксгумации, при этом

дополнительного утверждения, согласования или санкционирования оно не требует. Однако правомерным и реализуемым оно становится лишь в случае наличия согласия близких родственников или родственников покойного лица, которых инициатор следственного действия обязан уведомить. В случае же возражения против эксгумации со стороны указанных лиц установлен особый порядок действия должностного лица, который выражается в необходимости вынесения соответствующего постановления, обращения за разрешением на проведение эксгумации в суд и получения определения суда.

Непосредственный порядок проведения вышеуказанного следственного действия не имеет детальной законодательной регламентации ни в одном из государств, чьи уголовно-процессуальные кодексы подвергаются анализу в разрезе рассматриваемого вопроса. В таком случае на помощь приходят исследования ученых-юристов, осуществляющих теоретическое сопровождение законодательства, а также личный практический опыт, включающий неоднократное проведение исследуемого следственного действия.

Важным аспектом, подлежащим отражению, видится круг участников эксгумации. Следует подчеркнуть, что участие специалиста в области судебной медицины при проведении указанного следственного действия прямо предусмотрено соответствующими статьями Уголовно-процессуальных кодексов обоих государств. Дальнейшее определение круга лиц, участвующих в эксгумации, вытекает из положений смежных норм.

С учетом особого места проведения следственного действия, места осуществления официальных захоронений, управление и эксплуатацию которого осуществляет специально созданная для этого администрация, следует действовать по аналогии с положениями, регламентирующими процессуальный порядок проведения следственного действия «осмотр» на территории организации, а именно: одним из участников указанного следственного действия следует пригласить представителя соответствующей администрации. Положения соответствующего содержания отражены в статьях, регламентирующих проведение

следственного действия «осмотр», обоих Уголовно-процессуальных кодексов.

Дискуссионным остается вопрос участия понятых при производстве эксгумации. В ст. 205 УПК РБ, регламентирующей проведение эксгумации, прямое указание на необходимость участия понятых при ее осуществлении отсутствует. Вместе с тем в ст. 202 УПК РБ имеется положение, что по усмотрению органа уголовного преследования понятые могут участвовать в производстве следственных действий и в случаях, не предусмотренных УПК РБ. Исходя из личного практического опыта, подведем итог, что в большинстве случаев проведения эксгумации принимается решение о привлечении понятых к проведению данного следственного действия. При этом нарастает активность применения и варианта проведения, альтернативного участию понятых, когда следственное действие фиксируется при помощи видеозаписи.

Законодательством РФ участие понятых при проведении эксгумации урегулировано более строго. В соответствии со ст. 170 УПК РФ предписано участие понятых по усмотрению следователя, при этом определено, что в случае отказа от привлечения понятых, обязательно применение технических средств фиксации хода и результатов мероприятия. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись.

Помимо вышеизложенного следует уделить внимание и роли родственников того лица, чей труп подлежит извлечению из места официального захоронения. В ст. 205 УПК РБ имеется лишь указание на то, что постановление следователя о проведении эксгумации является обязательным для исполнения. Права и обязанности указанных лиц либо действия органа уголовного преследования, проводившего эксгумацию, после осуществления следственного действия, например, по восстановлению первоначального вида захоронения или возмещения стоимости этих работ родственникам, в УПК РБ не регламентированы.

В УПК РФ положение вышеуказанных лиц регламентировано более детально. Существенным отличием является наделение родственников

правом возразить против эксгумации, хотя это право и нивелируется возможностью получения следователем разрешение на ее проведение в суде. Более весомым является законодательное закрепление положения о том, что расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного наряду с иными процессуальными издержками.

Немаловажным аспектом сравнения является документальная фиксация хода и результатов эксгумации. В ст. 205 УПК РБ прямо регламентирована необходимость составить протокол с соблюдением требований, предъявляемых указанным нормативным правовым актом к подготовке такого рода документов.

В УПК РФ такая регламентация отсутствует. При этом В.В. Кубанов и К.А. Дорошауп подчеркивают, что в следственной практике широко применяется «протокол осмотра и эксгумации», что является дополнительным аргументом в пользу тезиса о понимании эксгумации как технической предпосылки осмотра официально захороненного трупа [6, с. 146].

Сравнительный анализ правовой регламентации следственного действия «эксгумации» на территории Республики Беларусь и Российской Федерации продемонстрировал, что подход законодателей обоих государств несколько отличается, несмотря на то, что в Уголовно-процессуальных кодексах закреплены наиболее общие аспекты его проведения. Вместе с тем, в условиях Союзного государства и все большей интеграции следует рассмотреть вопрос об унификации подхода к данному следственному действию. Исходя из вышеизложенного, можем сделать вывод о том эксгумация – это следственное действие, и процессуальный порядок его проведения нуждается в более детальной регламентации на территории обоих государств.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: закон от 16.07.1999 № 295-З: принят Палатой представителей 24.06.1999 // Национальный центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2023.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 12.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Следственные действия: лекция / П.В. Мытник. Минск, 2010.

4. Кригер А.Е. Эксгумация в системе следственных действий: уч. пособие. Барнаул, 2014.

5. Стельмах В.Ю. Процессуальный порядок и проблемы производства эксгумации трупа в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2016. № 1.

6. Кубанов В.В., Дорошауп К.А. О процессуальном порядке и познавательном значении эксгумации и осмотра трупа // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 1(52).

© Левченкова А.Ю., 2024

УДК 343.985.7:343.37

МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Матинов С.Г.

Доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Матинова З.Г.

Доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
кандидат биологических наук

Грамотное определение методики расследования совершенного преступления является краеугольным камнем их раскрытия, установления виновных лиц, розыска преступника и похищенного имущества. Также на успешное раскрытие преступления и наказания виновных лиц влияет и правильность определения следователем методики расследования преступления, его планирование и взаимодействие с оперативно-розыскным подразделением.

Прежде, чем исследовать общность и различие методики расследования преступления, их виды и характеристики, необходимо дать понятие этого значения и природу его образования. Очевидно, что успех раскрытия преступления зависит от правильного и своевременного использования всех применяемых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. При раскрытии того или иного преступления нужно опираться на опыт ранее расследованных аналогичных преступлений, с учетом характера их совершения, обращая внимание на положительные моменты, которые послужили толчком к распутыванию правонарушения и задержанию подозреваемых лиц. Каждое раскрытое по сложности преступление записывается на вооружение методистами и аналитиками следственных и правоохранительных органов, а также учеными-правоведами, и, исходя из этого опыта, создаются методики расследования отдельных видов преступления. С каждым годом этот опыт пополняется новыми положительными моментами и, соответственно, дополняются методики усовершенствованными исследованиями, в том числе и в области криминалистики.

Общность всех методик по расследованию преступлений обуславливает наработанный годами и десятилетиями алгоритм последовательности проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, начиная с осмотра места происшествия и заканчивая завершением расследования и изобличением виновных лиц. Различия методик формируются по отдельным видам преступлений, исходя из их специфических особенностей. Также необходимо понимать, что методики расследования преступлений применяются как совершенных в условиях неочевидности, так и по раскрытым преступлениям. Но прежде всего методики различаются по общеуголовным преступлениям и преступлениям в сфере экономики.

Качественно методики различаются по общеуголовным преступлениям и преступлениям в сфере экономики, потому как в первом случае для правоохранителей сначала происходит преступление и от него необходимо запланировать мероприятия по установлению и задержанию виновного лица. При использовании методики расследования

преступлений в сфере экономики в поле зрения сначала попадает подозреваемый и от него ищут пути к преступлению. Поэтому правильно было бы излагать следующее обстоятельство, что общеуголовные преступления раскрываются, а по преступлениям в сфере экономики они выявляются.

Самыми распространенными преступлениями экономической направленности, по которым условно разработаны методики их расследования являются: хищение чужого имущества (ст. 160 УК РФ); мошенничество (ст. 159 УК РФ); незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ); незаконное образования (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества (ст. 174 и 174.1 УК РФ); преднамеренное и фиктивное банкротство (ст. 196 и 197 УК РФ); уклонение от уплаты налогов (ст. 198 и 199 УК РФ); злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ); коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ); злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); превышение должностными полномочиями (ст. 286 УК РФ); поучение и дача взятки (ст. 290 и 291 УК РФ) и другие, изложенные в главах 21 (Преступления против собственности); 22 (Преступления в сфере экономики); 23 (Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях) и 30 (Преступления против государственной власти, интересов государственной службы), разделах 7, 8 и 10 УК РФ [1].

Обобщая методики расследования хищений, криминальных банкротств, уклонения от уплаты налогов и коррупционных преступлений можно констатировать их общие черты, которые, прежде всего, исходят из сбора материалов первичной проверки и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Проверки в коммерческой организации или государственном учреждении проводится по двум основаниям: первое это заявление о совершенном преступлении и второе получение оперативной негласной информации о совершаемом экономическом правонарушении со стороны должностных лиц, которые требуют процессуального подтверждения либо опровержения. Прежде всего, проверка состоит из изъятия документов (бухгалтерских) на основании чего назначается и

проводится документальная ревизия или судебно-экономическая экспертиза, а уже по результатам этих исследований возбуждается уголовное дело в сфере экономики. Сами оперативно-розыскные мероприятия по сбору материалов проверки проводятся в соответствии с законом «Об оперативно-розыскной деятельности», к каковым непосредственно для преступлений экономической направленности необходимо отнести: опрос, исследование предметов и документов, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, оперативный эксперимент, прослушивание телефонных переговоров, а также иные мероприятия [2].

Различие в методике расследования преступлений в сфере экономики с общеуголовными правонарушениями предзнаменуется, прежде всего, тем, что по второй методике все исходные действия начинаются с осмотра места происшествия, опроса потерпевшего и установления возможных свидетелей. И если по общеуголовным преступлениям уголовные дела возбуждаются по факту без указания фигурантов т. к. к этому моменту лица совершившие преступления не установлены, то уголовные дела по преступлениям экономической направленности возбуждаются в отношении установленных конкретных должностных лиц. В своей основе по преступлениям экономической направленности условно подозреваемое лицо известно изначально, и в отношении него оперативным подразделением правоохранительного органа идет сбор доказательств. Этими подразделениями в своей основе являются управления и отделы по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией.

Успех выявления преступлений экономической направленности зависит от хороших оперативных (негласных) позиций оперативного подразделения по борьбе с экономическими преступлениями, что означает получение оперативной информации о том или ином фигуранте, который совершил или совершает правонарушение в сфере экономики. Далее полученную информацию необходимо подтвердить или опровергнуть путем реализации полученных сведений. В комплекс реализации по разработке фигуранта/ фигурантов, согласно методики, входит изъятие в

проверяемой организации или учреждении документов по отдельному постановлению органа дознания. После изъятия документов должна быть назначена и проведена документальная проверка или ревизия на предмет выявления нарушения финансовой отчетности и способов хищения денежных средств и имущества. При этом обязательно должна проводиться встречная проверка контрагентов по сомнительным финансовым операциям на предмет обнаружения нестыковок бухгалтерских документов и выявления коммерческих организаций на подставных лиц. Именно создание коммерческих организаций на подставных лиц является основным способом хищения и обналаживания денежных средств, поэтому в методиках этому фактору уделяется особое и пристальное внимание, как важному элементу установления способа хищения, уклонения от уплаты налогов и злоупотребления должностными полномочиями.

Далее, как только будут установлены признаки выявленного преступления экономической направленности, должен быть продолжен сбор проверочного материала, куда входит опрос всех причастных лиц, изъятие копий документов (бухгалтерских) проверяемой организации и должностных инструкций, изъятие образцов предметов и документов для сравнительного исследования, назначение судебных экспертиз и исследований. Если брать назначение судебных экспертиз по преступлениям экономической направленности, то это будет проведение экономической или бухгалтерской экспертизы, почерковедческой экспертизы, а по делам о коррупции это будет фоноскопическая и дактилоскопическая экспертизы. Кроме того, согласно методике, должны проводиться оперативно-розыскные мероприятия по установленным фигурантам, таким как наблюдение и прослушивание телефонных переговоров, с целью выявления соучастников преступления и обнаружения похищенного имущества.

После доследственной проверки по делам экономической направленности эти материалы передаются в орган предварительного следствия для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в сфере экономики. После принятия решения следователем о возбуждении уголовного дела, производятся следующие первоначальные следственными действиями – задержание подозреваемых лиц (ст. 91 УПК РФ), выемка

документов (ст. 183 УПК РФ), обыск по месту работы и жительства (ст. 182 УПК РФ), допрос свидетелей (ст. 79 УПК РФ), личный обыск по делам о коррупции (ст. 184 УПК РФ) и другие процессуальные действия [3].

Резюмируя общие положения методик расследования отдельных видов преступлений в сфере экономики, авторы дали свое толкование понятию этого термина и исследовали общие характеристики методик по преступлениям экономической направленности, алгоритм их применения следователем и оперативным сотрудником, характеристики правоприменительного действия, их аспекты и особенности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Матинов С.Г., Матинова З.Г., 2024

УДК 343.147.3

О ВИДАХ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Мандрыка Ю.С.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Во время расследования преступлений, особенно тяжких (умышленных убийств, разбойных нападений, вымогательства, захвата заложников, незаконного изготовления оружия, боеприпасов, взрывчатки,

наркотических средств или психотропных веществ, документов, печатей и тому подобное), нередко возникает потребность (кроме проверки и уточнения показаний подозреваемых и обвиняемых) проведения отдельных экспериментально-исследовательских действий, направленных на установление возможности восприятия лицом определенных фактов или явлений, осуществления им конкретных действий, наличия или отсутствия определенных умений и навыков и тому подобное. Такие экспериментальные исследования выполняются путем проведения следственного эксперимента.

В юридическом словаре эксперимент трактуется как исследование, попытка сделать что-то. А любое исследование, по мнению Ф.В. Глазырина [1], заключается в воспроизведении любого явления, создании чего-то нового при определенных условиях. Это, безусловно, требует определенных практических действий, которые и являются основой эксперимента.

Такую позицию поддерживает достаточно широкая общественность ученых-процессуалистов и криминалистов, в частности, Р.С. Белкин, В.П. Лавров и И.М. Лузгин, которые одним из признаков следственного эксперимента считают исследовательские действия.

Можно согласиться с такой точкой зрения, поскольку проведение исследовательских действий позволяет следователю установить механизм совершения преступления, определение возможности существования определенных явлений или осуществления определенных действий и тому подобное. Ввиду этого, следственный эксперимент можно причислить к самостоятельному следственному действию.

К определению понятия «следственный эксперимент» в научной литературе подходят по-разному.

Так одна группа ученых следственный эксперимент определяет как самостоятельное следственное действие, которое состоит из специальных опытов с целью получения новых и проверки имеющихся доказательств. Согласно этому определению, содержание следственного эксперимента заключается в проведении опытов.

Вторая группа ученых отмечает, что это следственное действие, которое имеет задачу с помощью опытов и испытаний установить, могло или не могло произойти какое-либо действие, событие или явление в определенных условиях и определенным образом.

В этом определении ученые раскрывают содержание следственного эксперимента через его задачи и пытаются назвать его виды.

Третья группа ученых под следственным экспериментом понимает самостоятельное следственное действие, которое заключается в проведении опытов в специально созданной обстановке, максимально приближенной к условиям, в которых происходило событие (действие), с целью проверки обстоятельств, имеющих значение для дела. В этом определении ученые в содержании следственного эксперимента раскрывают условия его проведения.

Четвертая группа ученых указывает, что следственный эксперимент – это целенаправленная деятельность, которая заключается в проведении специальных опытов с целью проверки следственных версий, установления механизма преступления и причин и условий его совершения.

Другие авторы акцентируют, что следственный эксперимент относится к производным следственным действиям и проводится, как правило, не на первых этапах предварительного расследования. Однако, несвоевременное проведение этого следственного действия негативно сказывается на качестве предварительного расследования, особенно в тех случаях, когда проверяются обстоятельства, связанные с видимостью, обзорностью, обстановкой местности, которая быстро меняется. В таких случаях следственный эксперимент следует проводить в системе первоочередных следственных действий.

М.В. Салтевский предложил такие виды следственного эксперимента: уточнения отдельных обстоятельств (где, когда и кто находился, откуда и кто появился, и куда перемещался); поиск еще не обнаруженных следов события, которые должны существовать; «испытания на осведомленность», т. е. проверка на знание о событиях, обстановку и прочее; проверка объективных противоречий, которые

возникли во время допроса двух и более лиц [2, с. 373]. Учитывая каждый из них, процессуальное действие будет проводиться в специфической форме.

Тактически наиболее сложным является эксперимент по проверке возможности воспринимать человеком событие органолептически. Чаще всего экспериментально проверяются возможности воспринимать с помощью зрения и слуха (видеть – не видеть, слышать – не слышать). Допустимо проводить эксперименты по проверке восприятия информации и другими органами чувств, например, обонянием – того или иного вида запаха, осязанием – температуры и структуры поверхности тела.

Особенностью экспериментов по установлению фактов на видимость или слышимость является рассредоточение источника информации и лица, воспринимающего ее. Между источником информации, например, человеком, который призывает о помощи голосом, находится какая-то преграда – стена, большое расстояние, лес. Воспринимающий эту информацию, не видит источник звука или видит, но по каким-то объективным причинам (шум улицы, транспорта, ветра, работающих машин) практически не может слышать, но утверждает, что в конкретных условиях он слышал. При подготовке к эксперименту такое лицо подлежит врачебному освидетельствованию. Эксперимент проводится на том же месте, выбирается время суток, когда метеорологические и другие влияющие на слышимость условия будут примерно такими же.

В литературе по этому поводу приводится интересный пример: расследуя убийство на даче, расположенной на берегу моря, следовательно необходимо было определить точное время убийства. Он нашел свидетелей – двух женщин, которые в этот день утром работали на виноградниках и слышали крики о помощи, долетавшие до них с дачи. Дача находилась на склоне берега, на расстоянии около 2 км. Между виноградниками и дачей был фруктовый сад. Следователь дважды проводил эксперимент в другое время суток, но результат был отрицательным. Ознакомившись с результатами эксперимента, прокурор посоветовал следователю обратиться в метеослужбу. Специалист-

метеоролог посоветовал провести эксперимент рано утром, поскольку в это время ветер дует с моря и слышимость улучшается. Проведение эксперимента утром и вечером показало, что утром крики и даже громкая речь слышны на винограднике, а в другое время суток не слышны. Таким образом, соблюдение всех условий эксперимента обеспечивает вероятность его результатов.

Готовить такой эксперимент и управлять им сложно. Существуют тактические рекомендации, назовем некоторые из них.

1. Количество участников должно быть значительным, обязательно должны быть помощники следователя и статисты для выполнения исследовательских действий.

2. Все участники эксперимента делятся на две группы: одна находится на месте источника информации, а вторая – на месте воспринимающего субъекта. В этом случае понятых должно быть не менее четырех, они попарно участвуют при производстве опытных действий в каждом месте нахождения участников эксперимента.

3. Группы обеспечиваются средствами радио- или проводной связи, фиксации результатов эксперимента, устанавливаются сигналы начала и окончания исследовательских действий. Руководит следственным экспериментом следователь. Фиксация результатов эксперимента осуществляется одновременно в двух местах после окончания каждого опытного действия. Разумеется, такой следственный эксперимент должен быть тщательно спланирован.

4. Опыты обязательно повторяются в трансформированных условиях, например, изменяются громкость голоса и содержание текста. Сначала фразы произносятся тихим, затем средним и громким голосом, иногда воспроизводятся крики, например: «Караул! Помогите! Спасите!». Изменяется расстояние между источником информации и воспринимающим лицом, вводятся помехи, например, посторонний шум транспорта, когда это диктуется условиями эксперимента.

5. Поскольку участники и понятые разделены на две группы, одни наблюдают только действия участников в месте источника информации, а другие – в месте нахождения лица, чьи показания проверяются.

Эксперимент рекомендуется проводить в два этапа, т. е. после проведения всех исследовательских действий, понятые должны поменяться местами и эксперимент необходимо повторить еще раз, о чем обязательно отмечается в протоколе.

В криминалистической тактике особое место занимает тактический эксперимент. Такой эксперимент интерпретируется учеными по-разному. Одни из них считают, что тактический эксперимент – это прием, другие видят в нем вид следственного эксперимента или новое следственное действие.

Тактический эксперимент – это вид следственного эксперимента, который проводится для установления осведомленности лица о фактах, интересующих следствие. Эксперимент предполагает искусственное создание обстановки, побуждающей личность добровольно выполнять действия, раскрывающие содержание известной только ему информации.

Этот эксперимент применяется для изобличения соучастников преступлений в стадии, как их совершения, так и подготовки и сокрытия. Он раскрывает у лиц наличие предварительного преступного сговора, служит средством реализации оперативных материалов. От обычных видов следственного эксперимента тактический эксперимент отличается специфическими признаками, к которым можно отнести:

- а) включение в его содержание элементов оперативно-розыскной деятельности;
- б) проведение двумя стадиями, первая из которых включает оперативно-розыскные действия, а вторая – следственные;
- в) осуществление исследовательских действий в реальных условиях.

При этом лицу, чья осведомленность проверяется, на первой стадии не сообщают о производстве эксперимента; на второй стадии эксперимента ему раскрывают сущность совершенных им умышленных действий в соответствии с созданной искусственной обстановкой и проводят следственное действие, например, задержание с вещественным доказательством.

Тактический эксперимент определяют как специфический, заранее запланированный переход совокупности оперативных мероприятий в

процессуально фиксированное следственное действие – следственный эксперимент в результате устанавливаемых действий причастных к совершению преступления лиц, которые могли быть совершены ими только вследствие знания определенных обстоятельств, полученных в ходе преступного сговора.

Сущность тактического эксперимента напоминает тактическую операцию, в которой сочетаются организационные, тактические и следственные действия для решения одной тактической задачи. Особое значение тактический эксперимент может иметь при выявлении и документировании признаков коррупции, подкупа и взяточничества, раскрытии преступных афер в экономических преступлениях, установки, например, сговора при получении льготного банковского кредита. По нашему мнению, тактический эксперимент – это будущее самостоятельное действие, которое пока находится в стадии формирования и разработки его теоретических основ. В настоящее время тактический эксперимент – это тактическая операция, разработка теоретических основ и практического применения которой являются необходимыми.

Следственный эксперимент с применением научно-технических средств существенно отличается от следственного эксперимента без их применения. Однако, классифицировать следственный эксперимент по этому признаку нецелесообразно, поскольку любой следственный эксперимент как специфическое следственное действие должен быть проведен с применением научно-технических средств (фотографирование, измерение, киносъемка, видеозапись, составление схем). Однако тактика его проведения в обоих случаях будет различной. Кроме того, следственный эксперимент с применением научно-технических средств требует большого объема подготовительной работы следователя. Его усиленное доказательственное значение может оказать влияние и на участвующих в нем заинтересованных лиц (например, демонстрация видеозаписи или фотографии обвиняемому, дающему ложные показания, после проведения следственного эксперимента может способствовать тому, что обвиняемый изменит показания).

Следственный эксперимент может быть первичным и повторным. Повторный следственный эксперимент проводится, если при производстве первичного не были соблюдены необходимые процессуальные и тактические условия или возникли обоснованные сомнения в достоверности его результатов.

В ходе проведения следственного эксперимента могут проводиться определенные экспериментальные исследования. В связи с этим В.В. Агафонов и А.Г. Филиппов определяют его как познавательное действие, сущность которого заключается в проведении специальных исследований, связанных с установлением, проверкой или оценкой возможности или невозможности существования тех или иных фактов, имеющих значение для дела.

Таким образом, следственный эксперимент – сложное (системное) следственное действие, в производстве которого используются два простых источника информации: люди и вещи (вербальные и невербальные). Учитывая вышесказанное, можно выделить следующие виды следственного эксперимента: уточнение отдельных обстоятельств (где, когда и кто находился, откуда и кто появился, и куда перемещался); поиск еще не обнаруженных следов события, которые должны существовать; «испытания на осведомленность», то есть проверка на знание о событиях, обстановку и прочее; проверка объективных противоречий, которые возникли во время допроса двух и более лиц.

Литература

1. Глазырин Ф.В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого: дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1973.
2. Салтевский М.В. Новый подход в технологии собирания и исследования информационных следов // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1.

© Мандрыка Ю.С., 2024

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ

Малянова К.П.

Заместитель начальника кафедры криминалистики и оперативно-
разыскной деятельности Ростовского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук

В условиях развития свободной экономики и рыночных отношений возникает необходимость борьбы с незаконными банкротствами. В связи с изменениями способов совершения криминальных банкротств, меняется и само законодательство, регулирующее данные правоотношения. В теории и практике уголовного права остаются нерешенные проблемы, связанные с установлением состава криминального банкротства.

Уголовное законодательство устанавливает разные составы криминальных банкротств, они отличаются по своему содержанию и условию совершения. Некоторые специалисты утверждают, что криминальное банкротство стоит рассматривать как отдельный вид банкротства. Данный вид банкротства всегда вызывается преднамеренно и выражается в двух подвидах: фиктивное и преднамеренное.

Фиктивное банкротство проявляется в том случае, когда предприятие может быть платежеспособным, или когда платежеспособность может быть восстановлена. Преднамеренное банкротство имеет признаки реального банкротства, когда предприятие является неплатежеспособным и не может отвечать перед кредиторами, но единственное отличие проявляется в том, что банкротство было вызвано искусственным путем, т. е. преднамеренно.

В современных социально-экономических и политико-правовых условиях действующее уголовное законодательство формулирует составы криминального банкротства за фиктивное и преднамеренное банкротство, а также за незаконные действия при банкротстве (ст. 195–197 УК РФ) по

типу материальных, имеющих бланкетный характер норм, что в правоприменительной практике ведет к негативным процессуальным последствиям, поскольку проблематично установить причинно-следственную связь между наступлением имущественного ущерба и действиями, которые законодательно в УК РФ четко не квалифицированы и не дифференцированы [1, с. 159–162.].

Согласно статистическим данным, уголовные дела, связанные с криминальным банкротством, возбуждаются крайне редко. Причиной тому является высокий уровень сложности сбора доказательств и самого процесса доказывания по данному виду преступлений.

Из-за низкого уровня защищенности экономических отношений и высокого уровня латентности данного рода преступлений, возникают трудности при привлечении виновного за преступные действия в рамках незаконного банкротства.

От объема криминалистически значимой информации зависит вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Основным источником о преступлениях, связанных с банкротством, выступают конкурсные управляющие или же лица, включенные в реестр требований кредиторов, в большинстве случаев данными лицами выступают вкладчики [2, с. 140–143].

Стоит отметить, что в некоторых случаях правоохранительными органами необоснованно игнорируется информация из средств массовой информации, когда дело может касаться сведений о незаконном банкротстве какого-либо предприятия. Именно публикации в периодической печати являются крайне важным источником полезных сведений, ведь в данных источниках подробно может быть описана информация, связанная с неправомерными банкротствами или указывающая на это.

С целью выявления фактов и сведений, необходимых для раскрытия преступлений, связанных с незаконным банкротством, оперативные подразделения с соответствия с законодательством должны осуществлять ряд оперативно-розыскных мероприятий. Оперативные сотрудники службы по борьбе с экономическими преступлениями должны проводить:

- сбор образцов для сравнительного исследования;
- обследование помещений, сооружений;
- опрос граждан;
- наведение справок.

Поводом для возбуждения уголовного дела в сфере криминальных банкротств может служить информация о совершенных действиях, связанных с действиями руководителя или иных лиц, которые могли повлечь за собой неспособность организации отвечать в полной мере по денежным требованиям, поставленным кредиторами, и по иным обязательствам.

К основаниям для возбуждения уголовного дела в сфере криминальных банкротств следует отнести сведения, связанные с:

- сокрытием имущества, имущественных прав, бухгалтерской и иной отчетности, если эти действия были совершены с признаками банкротства;
- неправомерным удовлетворением требований кредиторов;
- незаконной деятельностью, связанной с воспрепятствованием деятельности арбитражного управляющего [3, с. 11–15.].

При расследовании криминальных банкротств в первую очередь необходимо назначить и провести выемку. Выемка нужна для изъятия документации, в дальнейшем данные документы подлежат тщательной проверке. Производство исследования документов с целью установления общественно опасного и противоправного деяния всегда влечет за собой четко сконструированную последовательность. Еще на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступления специалист в лице ревизора определяет задачи, базирующиеся на вопросах исследования и изучения документальных сведений, на установлении наиболее благоприятной методики осуществления данного исследования [4, с. 107–112].

Одним из ключевых проблемных аспектов является подтверждение достоверности финансовой отчетности посредством ревизии на первоначальном этапе исследования документальных данных. В процессе документирования криминальных банкротств оперативные сотрудники предоставляют специалистам ограниченный перечень документов.

Подобная документация, на предприятиях, чаще всего, отражена в годовой (промежуточной) финансовой отчетности. Однако в процессе исследования особое внимание ревизор уделяет вопросам, касающимся модификации бухгалтерского состояния организации в результате осуществления конкретным должностным лицом или иным работником определенных финансовых операций. Подобное исследование основывается на информационной базе, состоящей из: учетных и аналитических источников документального исследования; организационных, распорядительных документов; документов, связанных с бухгалтерским анализом и диагностикой банкротства конкретной организации [5].

К последующим действиям относятся осмотр предметов, назначение аудиторской проверки, допрос свидетелей и подозреваемых. На первоначальном этапе расследования главной задачей следователя является проверка поступившей информации на наличие признаков преступления, принятие решения о проведении допроса заявителя и лиц, которые по предположению следователя могут быть виновны с совершении преступления. Далее необходимо принятие мер, направленных на предотвращение сокрытия и уничтожения следов преступления.

При проверке версий о лицах и их действиях, которые могут быть связаны с совершенным преступлением, необходимо понять, какого рода незаконное банкротство совершено, преднамеренное или фиктивное. В дальнейшем исследуется возможный механизм совершения преступления, анализируются все имеющиеся сведения, выдвигаются версии о том, одним лицом было совершено преступление или организованной группой. В случае если имело место организованная группа, выясняется роль каждого лица в данном преступлении. Изучаются сведения, которые связаны с криминалистическими элементами криминального банкротства, а именно: место и время совершения преступления, способ совершения, версии, которые могут связаны с сокрытием имущества организации, анализируются сведения, полученные от пострадавших лиц, далее от этих сведений выдвигаются другие версии.

Литература

1. Зиннатуллин Р.Р. Особенности составов преступлений, предусматривающих ответственность за криминальные банкротства по УК РФ // Вести научных достижений. Экономика и право. 2021. № 9.
2. Шухтина Н.А. Возбуждение уголовных дел о преступлениях, совершаемых в процессе банкротства // Молодой ученый. 2020. № 16 (306).
3. Глушков Е.Л., Максименко А.В. Некоторые проблемы в оперативной и следственной деятельности при выявлении и расследовании криминальных банкротств предприятий (организаций) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 1.
4. Малянова К.П. Исследование документальных данных при выявлении и документировании криминальных банкротств // Актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2021.
5. Гаджиев Н.Г., Киселева О.В., Коноваленко С.А. и др. Мнимые и притворные объекты бухгалтерского учета: предмет судебной экономической экспертизы и методика исследования // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4(11У).

© Малянова К.П., 2024

УДК 343.14

О СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Мытник П.В.

Профессор кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

Основной способ собирания доказательств – проведение следственных действий. Основной – значит не единственный. Согласно ч. 1 ст. 103 УПК Республики Беларусь (далее – УПК РБ) собирание

доказательств производится путем проведения и *других* процессуальных действий.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить иные процессуальные действия, которые, не будучи столь детально регламентированы, направлены на собирание доказательств. К таковым следует отнести: истребование предметов, документов, информации; производство проверок; получение предметов, документов и других носителей информации; получение объяснений, заявлений и сообщений.

1. В соответствии с ч. 2 ст. 103 УПК РБ орган уголовного преследования, а также суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе в пределах своей компетенции вправе по находящимся в их производстве материалам и уголовному делу в порядке, установленном УПК РБ, *требовать от организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, уполномоченных законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, представления информации, предметов и документов*, имеющих значение для уголовного дела. Примерами такого истребования могут быть получение копии приговора, характеристики, должностной инструкции, медицинской документации (например, эпикриза) и др. Требование органа уголовного преследования о представлении информации, документов, содержащих охраняемую законом тайну, в предусмотренных законодательными актами случаях, а также о представлении информации, документов, содержащих государственные секреты, санкционируется прокурором.

Согласно ч. 5 ст. 27 УПК требования органа уголовного преследования, предъявленные в соответствии с законом, обязательны для исполнения всеми организациями, должностными лицами и гражданами. При данном способе следует руководствоваться также ч. 2 ст. 173 УПК и Инструкцией о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами внутренних дел (утверждена постановлением МВД Республики Беларусь 16.04.2004 № 88 [1]).

Спорным является наделение суда правом собирания доказательств, т. к. он неизбежно становится на позицию одной из сторон, что в состязательном процессе не допускается. В этой связи В.А. Лазарева указывает, что «проверка доказательств, предшествующая их оценке, требует зачастую собирания других доказательств, поэтому собирание судом доказательств – лишь способ проверки обоснованности обвинения или доводов, приводимых стороной защиты» [2, с. 41].

2. Орган, ведущий уголовный процесс, вправе *требовать производства проверок* от соответствующих органов и должностных лиц. Проверка – форма контроля (надзора), в ходе которого контролирующий (надзорный) орган проверяет соответствие деятельности, осуществляемой проверяемыми субъектами, требованиям законодательства и при выявлении нарушений законодательства применяет полномочия, предоставленные законодательными актами в целях пресечения нарушений и устранения их вредных последствий (п. 2 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь 16.10.2009 № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь». К сожалению, в настоящее время данный Указ не применяется на стадии рассмотрения заявления или сообщения о преступлении (п. 23 и 93 Указа). При проведении проверки по заявлению (сообщению) о преступлении орган уголовного преследования вместо назначения проверок вынужден назначать проведение экономической экспертизы.

3. В соответствии с ч. 4 ст. 103 УПК доказательства могут быть *представлены* органу, ведущему уголовный процесс, государственным обвинителем, частным обвинителем, подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, представителями, а также любыми физическими и юридическими лицами.

По мнению В.Н. Бибило, представление предметов и документов по требованию органа или должностного лица ведущего уголовный процесс, а также добровольное их представление физическими и юридическими лицами по своей природе является самостоятельным следственным

действием [3, с. 333]. Такой подход заслуживает внимания, при этом еще требуются научное осмысление и дополнительная аргументация (что ниже и предпринято). Со своей стороны сразу отметим, что особенность *представления*, в отличие от других (общепризнанных) следственных действий состоит в том, что инициирует его проведение не лицо, ведущее уголовный процесс, а другое лицо, которое может иметь интерес в исходе дела, так и не являться таковым.

Лаконизм законодателя в части представления *доказательств* порождает ложное мнение о ясности в данном вопросе. На мнимую простоту получения и приобщения доказательств указывают российские ученые [4; 5].

Во-первых, фактические данные (сведения, информация) становятся таковыми после получения в установленном законом порядке из указанного источника. В этой связи следует вести речь о представлении предметов, документов, других носителей информации органу, ведущему уголовный процесс. Любое физическое лицо может представить предмет, который, по его мнению, является доказательством. Например, представлен обнаруженный на месте совершения преступления телефон, который, как выясняется в последующем, никакого отношения к материалам (уголовному делу) не имеет и, соответственно, статуса вещественного доказательства не приобретает.

Кроме этого, необходимо вести речь лишь о материальных объектах – предметах, документах и других носителей информации, в которых содержатся сведения, в т. ч. опросы физических лиц, проведенных адвокатом на носителе (ч. 3 ст. 103 УПК). Если защитник располагает данными о том, что имеется лицо, обладающее сведениями, имеющими значение для проводимой проверки (уголовного дела), то он может: а) произвести опрос и представить его органу, ведущему уголовный процесс; б) заявить ходатайство о допросе лица.

С другой стороны, любое лицо, располагающее сведениями, имеющими (по его мнению) значение для правильного разрешения дела, может явиться в орган, ведущий уголовный процесс, и *представить* их. Но это представление будет оформлено в виде получения объяснения либо проведения допроса.

Во-вторых, необходимо иметь в виду, что предметы, документы и другие носители информации могут быть представлены в любой момент производства по материалам и уголовному делу. Не будет нарушением получения предметов, документов и других носителей информации путем проведения выемки – по возбужденному уголовному делу. До возбуждения уголовного дела выемку проводить нельзя. Получение следует оформлять путем составления протокола, делая ссылку на п. 34 ст. 6 и ч. 4 ст. 103 УПК. Поскольку предметы и документы – потенциальные доказательства (вещественные доказательства), то целесообразно провести их осмотр (который возможен и до возбуждения уголовного дела). В этой связи необходима ссылка и на статьи, которые регламентируют основания и порядок проведения осмотра. Осмотр в данном случае – элемент процессуальной экономии: исключает необходимость в будущем составлять еще один документ – протокол осмотра.

Так следует поступать в настоящее время, т. к. это соответствует смыслу действующего законодательства, задачам и принципам уголовного процесса. Правильное наименование документа – «Протокол получения и осмотра предмета (документа, другого носителя информации)». Более того, именно так следует оформлять получение предметов, документов и других носителей информации и после возбуждения уголовного дела, а не выемкой. Это соответствует не только смыслу закона, но и его духу (предметы *представляются*) и выделяет данный документ среди протоколов выемок, проводимых по инициативе органа уголовного преследования.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» материалы оперативно-розыскной деятельности предоставляются для использования в орган уголовного преследования или суд. Кроме этого, как уже отмечалось выше, орган уголовного преследования, а также суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе в пределах своей компетенции вправе по находящимся в их производстве материалам и уголовному делу требовать от органов, уполномоченных законом

осуществлять оперативно-розыскную деятельность, представления информации, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. Вовлечение материалов ОРД в уголовный процесс следует оформлять таким же образом.

В-третьих, дабы окончательно завершить «опроцессуализацию», т. е. вовлечение предметов, документов и других носителей информации в материалы проверки либо уголовного дела, при необходимости руководствуясь ст. 96, 97 УПК их следует приобщить к делу в качестве вещественных доказательств.

В-четвертых, что называется для чистоты, ч. 4 ст. 103 УПК следует изложить в следующей редакции: «Государственным обвинителем, частным обвинителем, подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, представителями, а также любыми физическими и юридическими лицами могут быть представлены предметы, документы и другие носители информации, которые могут иметь значение для правильного принятия решения по материалам проверки и уголовному делу. Получение предметов оформляется протоколом получения и осмотра предметов».

4. На стадии рассмотрения заявления или сообщения о преступлении в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК возможно получение от граждан объяснений, заявлений и сообщений.

Судебная практика свидетельствует, что суды однозначно используют информацию (доказательства), которая содержится в протоколах устного сообщения о преступлении и явки с повинной.

Что касается объяснений, то с ними в среде ученых не все так однозначно.

В настоящее время получение объяснений предусмотрено различными нормативными правовыми актами.

Согласно ст. 27 Конституции Республики Беларусь «никто не должен принуждаться к даче показаний и *объяснений* против самого себя, членов своей семьи, близких родственников».

Здесь необходимо сделать уточнение и неизбежное отклонение.

В нашем государстве традиционно существуют две криминальные материально-правовые отрасли права – уголовное право и административно-деликтное право, источниками которых соответственно являются кодифицированные нормативные правовые акты (УК и Кодекс «Об административных правонарушениях» – *КоАП*), а также обслуживающие их процессуальные отрасли права – уголовный процесс (УПК) и административно-деликтный процесс (Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях – *ПИКоАП*). КоАП и ПИКоАП принимались значительно позже. Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, последние два кодекса представляют собой упрощенные копии УК и УПК (как по структуре, так и по содержанию).

В разрезе рассматриваемого вопроса представляет интерес определение показаний в УПК и объяснений в ПИКоАП. Несмотря на различное наименование, дефиниции анализируемых понятий, по сути, идентичны (ст. 91–94 УПК, ст. 6.4 – 6.7 ПИКоАП): это сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Что касается материальных отраслей, то в УК имеется гл. 34 (Преступления против правосудия), а в КоАП – гл. 25 (Административные правонарушения против правосудия и деятельности органов уголовной и административной юрисдикции). В указанных главах предусматривается ответственность за заведомо ложное показание (ст. 401 УК), за отказ либо отклонение от дачи показаний (ст. 402 УК); за заведомо ложные объяснения (ст. 25.4 КоАП), за отказ либо уклонение от дачи объяснений (ст. 25.5 КоАП), а также (к этому мы вернемся чуть ниже) за уклонение от явки в орган, ведущий административный или уголовный процесс, либо к судебному исполнителю (ст. 25.6 КоАП). При этом попутно укажем на уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний при рассмотрении гражданских дел (ч. 1 ст. 401 УК), т. е. заведомо ложные показания по гражданскому делу более опасны, нежели заведомо ложные объяснения по делу об административном (криминальном) правонарушении (ст. 25.4 КоАП). С таким подходом законодателя согласиться трудно.

Вышеизложенные рассуждения сделаны для того, чтобы обозначить подход законодателя (как возможный): показания – это про уголовное право и уголовный процесс, а объяснения – это относится к административному праву и административно-деликтному процессу.

В этом присутствует логика. Однако это не так.

Получение *объяснений* предусмотрено, как уже отмечалось выше, ч. 2 ст. 173 УПК. И не только.

Согласно ч. 4 ст. 10 УПК «никто не должен понуждаться к даче показаний и *объяснений* против самого себя, членов своей семьи, близких родственников».

«Запрещается принуждение к даче показаний и *объяснений* путем насилия, угроз и иных незаконных мер» (ч. 3 ст. 18 УПК).

В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК «лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется уголовный процесс, обеспечивается право устно или письменно делать заявления, давать объяснения и показания, на родном языке или на языке, которым они владеют».

Дают участники процесса *объяснения* при рассмотрении уголовно дела апелляционной (ч. 4 и 5 ст. 385 УПК), кассационной (ч. 3 ст. 417-1 УПК), надзорной (ч. 4 ст. 417-23 УПК) инстанций, а также при разрешении судом вопроса о возобновлении производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 3 ст. 422 УПК). Наконец, при ускоренном производстве до возбуждения уголовного дела берутся *объяснения* от лица, не отрицающего совершения этого преступления, очевидцев и других лиц об обстоятельствах совершенного преступления (ч. 3 ст. 452 УПК).

Вопрос о том, получаем ли мы при взятии объяснений доказательства, является дискуссионным.

Объяснение как объект научного осмысления является актуальным как для белорусских ученых [6], так и российских [7; 8; 9].

Проблемное поле, связанное с получением и использованием объяснений, наиболее полно обозначено М.В. Савич: оценка объяснения, как источника доказательств; порядок получения объяснения; порядок вызова лица, у которого следует получить объяснение; использование привода лица для дачи объяснения и др. [10].

Анализ работ авторов, которые исследовали проблемы, связанные с получением и использованием объяснений, позволяет выделить два подхода: полное отрицание как источника доказательств (в России – как доказательства); признание за объяснением источника доказательств (в России – доказательства).

Изучение судебной практики, специальных работ свидетельствует о том, что суды делают в приговоре ссылки на объяснения как источники сведений (доказательств). Соглашаются с таким подходом и вышестоящие суды.

Полагаем, такая позиция является оправданной. При этом следует иметь в виду следующее.

Прав О.Я. Мамедов, который, занимая позицию, противоположную позиции Конституционного Суда России, не относит объяснение к *«иным документам»*, которые должны быть изготовлены не в ходе процессуальной деятельности (справки, акты ревизий, должностные инструкции, табель учет рабочего времени, расписки, товарно-транспортные накладные и др.). *«Иные документы»* истребуются должностными лицами, ведущими уголовный процесс [7].

Однако объяснение как документ предусмотрено УПК. Это документ информационно-удостоверительного характера. К таковым относятся и протокол устного заявления о совершенном преступлении, протокол явки с повинной.

Что касается отсутствия предупреждения об ответственности за дачу заведомо ложного *объяснения*, то такое предупреждение не является панацеей от дачи ложных *показаний*. Врать аморально в любом случае. Хотя и здесь, как известно, есть исключения: утаить от больного истинное положение дел может врач («не навреди»); ложь (дезинформация) приемлема на войне и др. В данном случае необходимо иметь в виду тот факт, что на момент получения объяснения нет достаточных данных, указывающих на признаки преступления, т. е. нет предшествующего (предикатного) преступления. Можно создать практику, когда в возбуждении уголовного дела отказывается, но возбуждается дело за дачу заведомо ложного объяснения, что вряд ли можно признать оправданным. Получение объяснений не предопределено (не запрограммировано) в каждом производстве: так, не получают объяснения при обнаружении

труп с признаками насильственного лишения жизни; совершении преступления в условиях очевидности; при совершении отдельных преступлений (например, побег из-под стражи – ст. 413 УК) и др. Получение объяснений, как и проведение проверки в целом, необходимо в тех случаях, когда нет достаточных данных, указывающих на признаки преступления (необходимо отграничить совершенное деяние от иных правонарушений; установить размер вреда, тяжесть телесных повреждений и др.). Их получение должно быть тотчас прекращено, когда появляются основания для возбуждения уголовного дела. Доказательства (сведения, содержащиеся в объяснении) оцениваются должностными лицами не изолированно, а с учетом других доказательств, имеющих в производстве, в их совокупности.

Что касается оформления (процессуальной формы). На практике объяснение получают со ссылкой на ч. 2 ст. 173 УПК. Представляется необходимым делать ссылку и на п. 32 ст. 6 УПК, а сам документ *de lege lata* именовать *протоколом получения объяснения*.

Объяснения могут быть получены у лица, предположительно совершившего деяние (заподозренного); подозреваемого (при задержании по непосредственно возникшему подозрению); пострадавшего; заявителя (заявитель и пострадавший не всегда одно и то же лицо); очевидцев. При этом в протоколе обязательно должна делаться отметка о разъяснении ст. 27 Конституции.

Что касается отказа от дачи объяснения, то таким правом в соответствии со ст. 26 и 27 Конституции, ч. 4 ст. 10, 16, п. 1 ч. 3 ст. 60 УПК обладают: подозреваемый (в случае задержания по непосредственно возникшему подозрению – ст. 110 УПК); заподозренный (потенциальный подозреваемый); члены семьи и близкие родственники при даче объяснений в отношении своих членов семьи и близких родственников. Все же иные лица (заявители, очевидцы) обязаны давать объяснения.

Подчеркнем, это вытекает из смысла содержания норм, закрепленных в ст. 26 и 27 Конституции, ч. 4 ст. 10, 16, п. 1 ч. 3 ст. 60 и ч. 2 ст. 173 УПК. Требование органа уголовного преследования о даче объяснений для таких лиц законно, т. к. сведения об обстоятельствах совершенного деяния существенны и необходимы для правильного разрешения заявления или сообщения.

Необходимо признать, что юридическую ответственность за отказ от дачи объяснения законодатель прямо не предусмотрел. В данном случае можно вести речь о выполнении гражданского долга. Вместе с тем, учитывая вышеприведенный анализ, такое лицо может быть привлечено к административной ответственности по ст. 25.6 КоАП (Уклонение от явки в орган, ведущий административный или уголовный процесс, либо к судебному исполнителю): в данной статье нет перечня лиц, которых можно привлечь за уклонение от явки. Кроме этого, придерживаясь позиции о том, что для отдельных лиц дача объяснения – не только право, но и обязанность, при отказе от дачи объяснения они могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 24.3 КоАП (Неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий), на что ранее указывала О.В. Колесникова [11].

Литература

1. Об утверждении Инструкции о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами внутренних дел: постановление МВД Республики Беларусь, от 16.04.2004 № 88. Национальный центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2023.
2. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2018.
3. Бибило В.Н. Понятие доказывания в уголовном процессе // Право и демократия: сб. научных трудов. Минск, 2013.
4. Адександров А.И., Елагина Е.В., Харатишвили А.Г. Изъятие предметов, веществ и материалов до возбуждения уголовного дела: основания, проблемы и пути их решения // Вестник СПбГУ. Серия «Право». 2020. № 11.
5. Россинский С.Б. Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда // Государство и право. 2022. № 9.

6. Колесникова О.В. Получение объяснений при производстве по материалам // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2009. № 2.
7. Мамедов О.Я. Объяснение в системе доказательств по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2.
8. Малетина М.А. Объяснение как средство доказывания // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 1.
9. Балакшин В.С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 5.
10. Савич М.В. Процессуальные и организационно-тактические аспекты получения объяснения на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 2.
11. Колесникова О.В. Право и обязанность дать объяснение в уголовном процессе // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Минск, 2018.

© Мытник П.В., 2024

УДК 343.137.5:343.14

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мовсисян А.Г.

Доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Явление подростковой преступности во всех странах носит проблемный характер, поскольку источниками преступного поведения несовершеннолетних являются примерно одни и те же условия. По данным МВД, за период 2023 г. около 4 % от всей совокупности преступлений совершаются несовершеннолетними.

Проблема подростковой преступности является одной из наиболее важных направлений деятельности правоохранительных органов, поскольку младшее поколение нуждается в воспитании правосознания с целью дальнейшей безопасной жизнедеятельности в обществе.

В связи с тем, что несовершеннолетние обладают особенностями психологического и психического развития, к ним должен применяться особый подход в процессе производства по делу, который не отразится отрицательным образом на них. Уголовно-процессуальным законодательством четко регламентированы правила производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, предусмотренные гл. 50 УПК РФ [1]. Так же этой главой законодатель предусмотрел особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетнего, участие законного представителя и другие важные аспекты, которые должны быть реализованы в процессе расследования по уголовному делу.

Необходимо отметить, что нормы рассматриваемой главы распространяются только на несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Исключение касается особенностей производства следственных действий, в которых участвуют также и несовершеннолетние потерпевшие.

Рассматривая производство дознания как формы предварительного расследования, по уголовным делам в отношении несовершеннолетних стоит отметить, что в такой уголовно-процессуальной деятельности существуют особенности, а именно:

1. Особый предмет доказывания. По такой категории дел предмет доказывания углублен, что объясняется самим участием несовершеннолетних лиц, к которым необходим особый подход и в расследовании дел в отношении них. По существу гл. 50 УПК РФ это правило объясняется не только во взаимосвязи с особенностями психологического развития несовершеннолетнего, но и задачей расследования обстоятельств, подлежащих доказыванию предусмотренных ст. 73 УПК РФ. К дополнительным обстоятельствам, подлежащим установлению, относятся все обстоятельства, перечисленные в ст. 421 УПК РФ.

2. Обязательное участие защитника. Эта особенность предусмотрена п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, поскольку по смыслу закона несовершеннолетний не в силах защищать свои права и интересы самостоятельно, поэтому даже в случае отказа несовершеннолетнего от защитника, дознаватель обязан обеспечить его участие. Стоит отметить, что в этом случае обязательное участие защитника будет необходимо с точки зрения психологической поддержки несовершеннолетнего, который, несмотря на виновность в совершении преступления, все же испытывает стресс, связанный с психологическим воздействием на него.

3. Обязательное участие законного представителя. Участие законного представителя обязательно согласно ст. 426 УПК РФ. Стоит отметить, что участие законного представителя не значит, что адвокат может не участвовать в деле. Это связано с тем, что эти субъекты производства не заменяют и не взаимно исключают друг друга от участия в процессе. В производстве любого следственного и процессуального действия обязано одновременное участие и защитника, и законного представителя, а в некоторых прямо предусмотренных законом случаях – участие педагога или психолога. С другой точки зрения, участие законного представителя благоприятно влияет на несовершеннолетнего участника уголовного дела, поскольку подросток будет чувствовать себя под защитой взрослого близкого человека, что может положительно сказаться, например, на производстве допроса несовершеннолетнего [2, с. 2].

4. В отношении несовершеннолетних предусмотрены специфические особенности применения мер процессуального принуждения и производства с ними следственных действий. Например, время производства допроса несовершеннолетнего в значительной степени сокращено, в сравнении со временем производства допроса совершеннолетнего. Такая особенность обуславливается необходимостью уменьшения неблагоприятного давления на психику ребенка, поскольку монотонный допрос может негативно сказаться на его показаниях, а также на желание взаимодействовать с органами расследования.

Как было отмечено, помимо обстоятельств доказывания, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, в случае расследования преступления с

участием несовершеннолетнего, на органы расследования возлагается обязанность одновременно установления обстоятельств по ст. 421 УПК РФ. Эта статья закрепляет следующие обстоятельства, которые необходимо установить:

- 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

В совокупности эти обстоятельства и образуют предмет доказывания, который имеет свои особенности.

Первым предметом доказывания является возраст несовершеннолетнего. Необходимость установления возраста такого участника обуславливается следующими причинами: установление возможности привлечения к уголовной ответственности. Поскольку низший порог возраста уголовной ответственности составляет 14 лет, то несовершеннолетний должен быть не младше минимального возраста, иначе он не будет являться субъектом преступления; определение возможности совершения преступления с учетом физического развития несовершеннолетнего (например, мог ли несовершеннолетний совершить хищение вещи определенного веса). Несмотря на то, что такие обстоятельства проверяются в ходе проведения такого следственного действия, как следственный эксперимент, его проведение в этом случае не всегда будет целесообразным; решение вопроса о тактике и методике предварительного расследования с учетом развития несовершеннолетнего. Юридической психологией, криминалистикой и другими юридическими науками разработана тактика проведения следственных действий и производства по уголовному делу в целом в отношении несовершеннолетних, что значительно облегчает работу следователя с такой категорией лиц; обеспечение участия педагога и психолога. Участие данных лиц прямо предусмотрено законом и является обязательным, если дело расследуется в отношении несовершеннолетнего.

Вторым предметом по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего является установление условий жизни и

воспитания, уровень психического развития и иные особенности его личности. Для установления этого обстоятельства к участию в уголовном деле привлекается сотрудник подразделения по делам несовершеннолетних, на которого возлагается обязанность проверки семейно-бытовых и жилищных условий жизни несовершеннолетнего. Сотрудник ПДН составляет акт обследования, где помимо общих данных о несовершеннолетнем и его членах семьи указываются данные о месте и условиях проживания, различные характеристики жилой площади и условия для нормальной жизнедеятельности несовершеннолетнего.

Сотрудникам ПДН необходимо установить, благополучны ли созданные условия для учебной и досуговой деятельности несовершеннолетнего. Данное обследование проводится с целью выявления отклонений от нормального поведения родителей и воспитания ребенка. Результаты обследования помогают обнаружить факт отсутствия воспитания со стороны родителей, невыполнение родительских обязанностей, в том числе обнаружение отсутствия присмотра за несовершеннолетним ребенком, оставление его в опасности и другие обстоятельства. Также в ходе и результате обследования фиксируется обстановка в помещении, которая может свидетельствовать о неблагоприятных условиях проживания для несовершеннолетнего, отрицательно влияющая на него.

К предмету доказывания по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего также относится влияние на несовершеннолетнего старших лиц по возрасту. Необходимость ограждения детей от негативного влияния на них со стороны неблагополучных взрослых лиц косвенно нашла свою поддержку в ст. 421 УПК РФ. Изучение влияния взрослых лиц на несовершеннолетнего позволяет составить психологический портрет подозреваемого лица. Причинами влияния взрослых лиц на младшее поколение является незрелость мышления, отсутствие своего мнения и устоявшегося мировоззрения, критичности к самому себе у несовершеннолетних лиц. По смыслу п. 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ выявлению подлежит круг лиц, который в любом проявлении влияют на несовершеннолетнего, будь то проявление отрицательное или положительное, поскольку любое влияние влияет на психологический портрет. К отрицательному влиянию на подростка можно отнести любые

действия со стороны взрослых лиц, которые негативно сказываются на мировоззрении и поведении несовершеннолетнего лица. Нередки случаи, когда взрослые лица привлекают несовершеннолетнего в совершение преступления, поэтому необходимо установить все случаи вовлечения в преступления [3].

Таким образом, для установления степени участия взрослого лица в жизни несовершеннолетнего необходимо установить характер такого влияния. Если характер воздействия подразумевает отрицательное значение для несовершеннолетнего, то необходимо установить способы влияния взрослого на несовершеннолетнего, что и могло привести к совершению преступления.

Важный вклад в уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних вносит ювенальная юстиция. Эта система защиты прав несовершеннолетних хоть и не нашла правового и практического закрепления в российском законодательстве, но благодаря методическим рекомендациям помогает правоохранительным органам в деятельности с участием несовершеннолетних. Неоднозначная оценка ювенальной юстиции со стороны общественного мнения является одной из причин сложности внедрения этой системы в общую правовую систему и правоохранительную деятельность.

Таким образом, несмотря на выделение в отдельную главу, производство в отношении несовершеннолетних имеет те же цели, что и обычное производство – расследование преступления с целью изобличения виновного лица и привлечение его к уголовной ответственности. Доктринальными положениями несовершеннолетний субъект судопроизводства рассматривается как субъект для реабилитации, а не репрессивных действий в результате совершения преступления. Исходя из этого, можно сказать, что несовершеннолетний является особым субъектом уголовного судопроизводства, поэтому подход к такой категории лиц должен отличаться от общих положений. Выделение особенностей предмета доказывания по уголовному делу позволяет более тщательно изучить причины и условия преступности среди несовершеннолетних и позволяет качественно провести расследование по таким категориям дел.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. Анджан С.Е., Аверченко А.К. Особенности уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Вестник науки и образования. 2023. № 4(134).

3. Брянская Е.В. Вопросы предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3(86).

4. Грибунов О.П., Попова И.П. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: проблемы уголовно-процессуальной формы // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2.

© Мовсисян А.Г., 2024

УДК 343.131

ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Моругина Н.А.

Доцент кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук

Кузьмина О.Л.

Начальник кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Реабилитация по своей сути представляет теоретизированный многогранный порядок восстановления прав и свобод лица, который включает в себя как правовую, так и социально-экономическую стороны

данного процесса. В переводе с латинского термин «реабилитация» означает восстановление, возобновление способности.

Первоначальным этапом формирования института реабилитации является период правления Петра Великого, когда появилось первое упоминание о некоторых признаках реабилитации в истории российского законодательства. Именно в «Артикуле Воинском» от 26 апреля 1715 г. впервые была закреплена норма, содержащая определенные признаки реабилитации лиц, подвергшихся необоснованному уголовному преследованию, с точки зрения понятия современности. Упомянутый правовой акт того времени не учитывал необходимость возмещения невиновному лицу причиненного ущерба, речь шла лишь о полном восстановлении «в правах и честном имени на будущее время» [1]. Именно в «Петровскую эпоху» в российском законодательстве впервые в истории был закреплён принцип гражданской ответственности высших чиновников и судей по искам пострадавших от их служебной деятельности лиц. К сожалению, данному положению просуществовать долго не представилось возможным, поскольку сразу после смерти Петра Великого в 1725 г. оно было отменено. На данном этапе можем сделать вывод о том, что Российское Государство в отношении тех субъектов, по чьей вине были необоснованно наказаны те или иные лица за совершение преступления, начало усиливать юридическую ответственность, но процедура закрепления соответствующих правовых норм проводилась постепенно.

Эпоха правления Александра III является вторым этапом развития института реабилитации, поскольку был принят ряд значимых нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, возникающие в ходе противоправных действий (бездействий) со стороны государственных должностных лиц в процессе уголовного судопроизводства. Новый этап развития института реабилитации был связан с судебной реформой 1864 г. Действительно, при Александре III были изданы такие нормативные акты, как «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», «Законы гражданские», 10 том «Свода законов Российской империи» [2]. И теперь, согласно ч. 1 ст. 678 т. 10

Свода законов, судьи подлежали гражданско-правовой ответственности, если же в их действиях усматривалось пристрастие либо злой умысел, а также в случае неправильного толкования изложенных законов. К сожалению, в силу несовершенства законодательства того времени, реализация норм о реабилитации была практически невозможна. Так процесс восстановления прав незаконно осужденного лица носил достаточно сложный характер, поэтому оправданные граждане, которые в силу своего невежества не разбирались в нормах права, не могли получить положенные им компенсации восстановления в правах в полной мере.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что к концу XIX в. институт реабилитации в уголовном процессе не смог получить полноценного функционального легитимного регулирования.

Анализируя российское законодательство X–XX вв., становится очевидно, что внушительная доля жертв уголовного преследования оставалась беззащитна, поскольку значение тезиса «оправданный» трактовалось судами довольно узко и ограничительно, а функция возмещения ущерба являлась кропотливой, времязатратной и утомительной. Первоначальные сдвиги в решении проблемы ответственности государства перед лицом за незаконное уголовное преследование произошли только лишь в 1900 г., когда законом было предусмотрено, что все расходы невинно осужденных, каторжников в ссылке и членов их семей зачислялись на счет государственной казны [3].

Во времена существования Союза Советских Социалистических Республик начался третий этап формирования института реабилитации в уголовном процессе, несмотря на то, что мысль ответственности государства перед лицами, которые по той или иной причине были привлечены к уголовной ответственности незаконно, всячески отвергалась идеями социалистов и не имела отражения ни в советском законодательстве, ни в правоведческих учениях, ни в юридической литературе. Данный вопрос был рассмотрен в 1955 г., после чего нашел свое отражение в постановлении Совета Министров СССР № 1655, где были четко прописаны выплаты двухмесячной зарплаты лицам, необоснованно привлекавшимся к уголовной ответственности,

независимо от причины предъявленного им обвинения [4]. Время, проведенное советскими гражданами в местах лишения свободы, ссылки, а также время, проведенное на исправительных работах впервые стали засчитывать в трудовой стаж как общий, так и работы на местах.

В последующих изменениях советского законодательства важную роль сыграл принцип преемственности. Таким образом, можно сделать логичный вывод о том, что на данном этапе развития института реабилитации модифицирование выразилось в конкретизации указанного процесса. Активному развитию института реабилитации и применению его положений в практической деятельности мешало отсутствие единого эффективного механизма реализации указанных нормативных предписаний, а также полное отрицание возможных ошибок в деятельности уполномоченных лиц лидерами государства.

Четвертым и заключительным этапом развития института реабилитации в уголовном процессе России становится 1993 г., когда идея реабилитации нашла непосредственное отражение в ст. 53 Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г. В документе прописано, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти или их должностных лиц.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всей истории России законодатель зачастую придавал важность институту реабилитации, утверждая надлежащие изменения в текстах закона, но, несмотря на это, острый вопрос гарантированного обеспечения законных интересов и прав реабилитированного в уголовном производстве все же в полной мере не решена. Считаем, что необходимо создать специализированный орган, который будет рассматривать заявления о реабилитации незаконно осужденных граждан и принимать решения о выплате им компенсаций, а также оказывать им необходимую помощь в вопросах восстановления честного имени и достоинства. Также необходимо установить сроки для рассмотрения заявлений о реабилитации и обязательную ответственность ответственных должностных лиц.

Литература

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. М., 1986.
2. Прокудина Л.А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов (научно-практический комментарий). М., 1998.
3. Гуссаковский П.Н. Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными деяниями // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 12.
4. О судебной практике по гражданским и трудовым делам: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 13.09.1957 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. М., 1970.

© Моругина Н.А., Кузьмина О.Л., 2023

УДК 343.12

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ОРГАНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ О ЗАВЕДОМО ЛОЖНОМ СООБЩЕНИИ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

Миронова А.В.

Начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело к доступности их использованию в самых разных целях, в том числе и противоправных. В 2022 г. произошел значительный всплеск (на 600 %) направления заведомо ложных сообщений об акте терроризма [1].

В большинстве случаев для таких сообщений использовались ресурсы в сети Интернет. Злоумышленники применяют средства анонимизации, чтобы скрыть свое место нахождения, «взламывают» аккаунты и с адресов электронных почт и профилей социальных сетей

заведомо ложные сообщения направляются от имени других людей, которые об этом не подозревают до определенного момента. Таким «навыкам» сегодня может обучиться человек любого возраста, даже несовершеннолетний [2]. При этом интернет-ресурсы позволяют осуществлять так называемую веерную рассылку, что не могло не сказаться на росте количества зарегистрированных преступлений.

Анализ следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 207 УК РФ, свидетельствует о том, что в 2022 г. только около 5 % преступлений данного вида было раскрыто.

В такой ситуации следует активизировать усилия органа предварительного расследования по профилактике подобного вида преступлений. В уголовно-процессуальном законе профилактическая деятельность следователя (дознателя) обозначена лишь на этапе окончания предварительного расследования, в рамках направления представления с требованием устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления и других нарушений закона (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Однако в ситуации, когда большинство преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, совершенных с применением информационных технологий остается не раскрытыми, следует вывод, что профилактическая деятельность органом предварительного расследования должна осуществляться в ходе досудебного производства, вне зависимости от этапа предварительного расследования и мерами не только процессуального, но и иного характера.

В целях организации профилактической деятельности органа предварительного расследования следует установить субъектов преступления (деяния), причины и условия, способствующие их совершению и определить мероприятия, которые возможно применить в целях предупреждения преступлений и их рецидивов.

Анализ данных сообщений и материалов уголовных дел о рассматриваемых преступлениях указывает, на то, что в большинстве случаев заведомо ложные сообщения об акте терроризма направляются несовершеннолетними, в том числе вовлекаемыми взрослыми, лицами страдающими зависимостью (алкогольной, наркотической и иной),

психическими расстройствами. В ряде случаев лица могут действовать из хулиганских побуждений.

К условиям, способствующим совершению преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, чаще всего относятся:

- отсутствие или недостаточность контроля со стороны родителей, педагогов образовательных организаций за действиями несовершеннолетних лиц при использовании последними информационно-телекоммуникационных сетей, технических устройств;

- недостатки в работе правоохранительных органов, органов здравоохранения, социальных служб с лицами, склонными к совершению противоправных деяний, злоупотреблению алкогольными напитками, страдающими психическими расстройствами, способствующими заведомо ложным сообщениям об акте терроризма и иных преступлений (правонарушений);

- недостаточность или неэффективность проведения мероприятий по разъяснению мер ответственности, общественной опасности преступлений и правонарушений лицами и органами, входящими в систему профилактики (комиссий по делам несовершеннолетних, педагогическим составом образовательных организаций, участковыми уполномоченными полиции, инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних и другими);

- доступность технических средств анонимизации, позволяющих осуществлять значительное количество рассылок заведомо ложных сообщений, скрыть истинное место нахождения, для распространения сведений, сообщений и другие.

Даже беглое изучение вышеперечисленных условий позволяет осознать, что работа по их минимизации не может быть осуществлена только лишь органом предварительного расследования. В такой деятельности должны участвовать разные государственные и негосударственные образования как самостоятельно, в пределах своих полномочий, так и во взаимодействии друг с другом, в целях консолидации своих сил и средств [3].

Правоохранительные органы должны заниматься изучением положительного опыта работы по предупреждению рассматриваемых

преступлений другими следователями и подразделениями (территориальными органами внутренних дел), участвовать в ведомственных и межведомственных мероприятиях, на которых обсуждаются меры по предупреждению преступлений, связанных с направлением ложных сообщений об акте терроризма и с иными киберугрозами, проводить просветительскую работу с населением, в том числе с использованием средств массовой информации.

Индивидуальная работа также должна проводиться при установлении лиц, совершивших преступление. Ее формами являются: профилактические беседы с родителями, опекунами несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, с руководителями предприятий, учебных заведений, иных организаций, направление руководителям органов внутренних дел информации, необходимой для профилактической работы (информационных писем), представлений с требованием устранения причин и условий, способствующих совершению преступления.

Для эффективности профилактической работы требуется применение конкретных целенаправленных мер, положительно зарекомендовавших себя. Например, в работе с несовершеннолетними лицами, целесообразно проводить мероприятия по правовому просвещению, с элементами убеждения с демонстрационными материалами. В некоторых случаях целесообразно привлекать психологов, специалистов, способных в доступной форме объяснить как действовать, если несовершеннолетнего вовлекают в противоправную деятельность, либо он становится ее объектом. Подростки могут не осознавать последствий преступных деяний, характер их вреда, рассматривая ложное сообщение как способ шалости (шутки), возможность проявить индивидуальные качества (смелость, характер).

Конечно, нельзя исключать и применение мер в разной степени принудительного воздействия, в тех случаях, когда убеждения не достигают своей цели. Задачей органа предварительного расследования является выявление и постановка на профилактические учеты лиц, имеющих намерение совершить преступление, применение мер уголовно-процессуального принуждения к лицам, в отношении которых

осуществляется уголовного преследования, в целях предупреждения противодействия расследованию и продолжению преступной деятельности.

Решением указанных задач занимаются разные подразделения органов внутренних дел и их должностные лица в соответствии с закрепленными полномочиями.

Следователь или дознаватель профилактическую работу может осуществлять самостоятельно, либо инициирует и организывает их проведение органом дознания и иными субъектами профилактической работы, дает поручение в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Таким образом, профилактическая деятельность направлена, прежде всего, на недопущение совершения преступления и предотвращения рецидивов преступлений. Субъекты и причины совершения преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, различны, поэтому, как правило, для их предупреждения необходимы слаженные и профессиональные действия всех сотрудников органа внутренних дел и других субъектов профилактики.

Литература

1. Состояние преступности. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports> (дата обращения: 29.10.2023).

2. Основных организаторов четверо: Кто устраивает телефонный террор в России (материал опубликован на интернет-сайте РИА Новости от 02.02.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220202/minirovanie-1770494774.html> (дата обращения: 11.10.2023).

3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Миронова А.В., 2024

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ПРОВЕДЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПОНЯТИЕ, КОМПОНЕНТЫ

Нагорный А.П.

Старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Попов А.Н.

Преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Профессиональная работа сотрудников органов внутренних дел всегда связана с общением с различными категориями граждан. В связи с осуществлением сотрудником своих служебных обязанностей, указанные взаимоотношения часто носят конфликтный характер, поэтому сотрудникам предъявляются повышенные требования к коммуникативным навыкам, умениям эффективно строить процесс общения с гражданами, в том числе при осуществлении отдельных следственных действий, таких как допрос, очная ставка и др.

Самыми распространенными следственными действиями, являются допрос и очная ставка. Указанные следственные действия выступают в качестве основного средства собирания и проверки доказательств, в силу чего от их успешного проведения во многом зависит результат расследования уголовного дела. Допрос, очная ставка – довольно таки сложное, многоплановое действие, часто протекающее в условиях так называемой конфликтной ситуации. Достижение целей допроса и очной ставки обусловлено умением изменить данную ситуацию. Для этого требуется не только высокое профессиональное мастерство, но и знание человеческой психологии и практическое умение разбираться в психологических особенностях допрашиваемого.

Именно разбор допроса и очной ставки позволит рассмотреть профессионально-психологические компоненты в их структуре.

В статье рассматривается специфика реализации психологических технологий в деятельности сотрудников, рассмотрены методы психологической саморегуляции, раскрыты компоненты профессионально-психологической готовности.

При производстве допроса и очной ставки, сотрудники сталкиваются и взаимодействуют с различными категориями граждан: молодыми людьми, людьми пожилого и преклонного возраста; с гражданами разного имущественного и должностного положения; людьми разной национальности и расы; ранее судимыми и лицами, которые впервые привлекаются к ответственности. Результативность и эффективность следственной работы зависит от профессионально-психологической готовности, которая:

- выступает целостным устойчивым образованием, характеризующимся эмотивно-когнитивной, волевой и операциональной мобилизацией субъекта в момент его включения в деятельность [1];

- представляет собой особое психологическое состояние, характеризующееся избирательной, прогнозирующей активностью личности на стадии ее подготовки к включению в деятельность [2];

- осуществляет предстартовую активизацию психических функций в контексте временной готовности и работоспособности [3];

- характеризует оптимальное рабочее состояние, сопровождающееся: длительным сохранением работоспособности; наиболее быстрой мобилизацией и восстановлением сил; адекватной реакцией на внешнее воздействие; слаженностью в работе всех систем организма, ритмичностью и синхронностью [4];

- является показателем, обеспечивающим высокие результаты в выполнении любой профессиональной деятельности [5].

Важным является применение перечисленных элементов в их совокупности, т. к. только тогда появляется возможность достичь необходимого результата. Рассматриваемые ниже компоненты привязываются непосредственно к личности, поэтому и называются компонентами профессионально-психологической готовности субъекта.

Указанные компоненты субъекта деятельности находят свое отражение в усвоенных знаниях и умениях, а также личностных качествах, которые: «наиболее ярко проявляются в успешном использовании знаний и навыков, правильном применении их в новых и сложных обстоятельствах и предусматривают четкий самоконтроль, активность сознания, овладение обобщенными способами выполнения действий» [6]. Важным является положение, согласно которому субъект осознанно применяет на практике рассматриваемые компоненты, прилагая при этом волевое усилие.

В целом, профессионально-психологическая готовность сотрудника представляет собой личностное образование, позволяющее решать оперативно-служебные задачи. Профессионально-психологическая готовность содержит мотивационный; операционный и эмоционально-волевой компоненты.

Мотивационный компонент профессионально-психологической готовности характеризует сформированность у сотрудника познавательных и профессиональных установок, потребностей, интересов, убеждений о необходимости, значимости и социальной ценности своей деятельности. Мотивационный компонент объединяет в себе два вида мотивации: познавательную и профессиональную.

Познавательная мотивация (познавательные потребности, интересы, установки) необходима для качественного усвоения знаний, умений и навыков, которые необходимо усвоить сотрудникам в процессе профессиональной подготовки.

Профессиональная мотивация деятельности обеспечивает качественное выполнение профессиональных обязанностей, а также наличие установки на достижение целей.

Операционный компонент профессионально-психологической готовности предполагает набор знаний и умений, для реализации практической деятельности и отображается в теоретической и практической готовности.

Теоретическая готовность предусматривает наличие субъективно значимых знаний, которые обеспечивают сотруднику формирование

не только образа результата деятельности, но и систему средств и технологий достижения поставленной цели.

Практическая готовность предполагает сформированность у сотрудника умений решать оперативно-служебные задачи, применяя соответствующие средства, методы, приемы.

Эмоционально-волевой компонент профессионально-психологической готовности отражает отношение сотрудника в реализации отдельных следственных действий, а также способность контролировать свои эмоциональные проявления. Эмоционально-волевой компонент напрямую связан со способностью сотрудника нивелированием негативного внутреннего психологического состояния, посредством психологической саморегуляции.

Компоненты профессионально-психологической готовности конкретизируются в подсистемах «знать» и «уметь».

Для раскрытия подсистемы «знать», необходимо придерживаться научной позиции (И. Лернера, М. Скаткина, В. Краевского), в соответствии с которой термин «знание» должно содержать: факты, понятия, законы, теории науки; мировоззренческие идеи, эстетические и этические нормы, идеалы; знания о методах исследования и научного мышления; знания по истории науки, сведения о ее выдающихся деятелях; умения и навыки; знания о способах познавательной деятельности, логические операции, умственные приемы; показатели развития способностей необходимых для участия в широком диапазоне видов деятельности [7].

С учетом цели реализации отдельных следственных действий, представим подсистему «знать» тремя блоками, содержание которых являются определяющим при формировании готовности к проведению к следственным действиям.

В первый блок входят «правовые знания», которые должен «знать» сотрудник:

– нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов внутренних дел (нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов предварительного следствия и дознания, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ и др.);

- виды следственных действий и порядок их проведения;
- содержательные характеристики отдельных следственных действий: допрос, очная ставка;
- процессуальный порядок проведения допроса;
- процессуальный порядок проведения очной ставки;
- участников производства отдельных следственных действий (допрос, очная ставка);
- перечень лиц, которые не подлежат допросу;
- перечень технических средств, используемых при проведении допроса и очной ставки

Во второй блок входят деятельностно-процессуальные (тактические) знания, которые должен знать сотрудник:

- алгоритм подготовки к следственным действиям: подозреваемого (совершившего преступление впервые, ранее судимого), свидетеля, несовершеннолетнего;
- алгоритм проведения допроса подозреваемого в бесконфликтной ситуации;
- алгоритм проведения допроса подозреваемого в конфликтной ситуации;
- алгоритм проведения допроса свидетеля;
- алгоритм проведения допроса несовершеннолетнего;
- алгоритм проведения очной ставки;
- методы выявления оговора, самоговора;

В третий блок вошли «социально-психологические знания» позволяющие сотруднику, проводить отдельные следственные действия:

- способы эмоциональных состояний, тревожности и самооценки;
- психологические приемы установления конструктивных доверительных, эмпатичных (демонстрация сопереживания, умение «войти в положение» и др.) отношений с участниками допроса и очной ставки;
- поведенческие реакции лиц, привлекаемых к проведению отдельных следственных действий (допрос, очная ставка);

- особенности психоэмоционального развития граждан, на различных этапах их жизненного пути;
- особенности поведения участников отдельных следственных действий (возможные психологические реакции, модели поведения и др.);
- понятие о конфликте, стили и способы поведения в конфликте, способы урегулирования конфликтных ситуаций и др.;
- методы воздействия на участников следственных действий (допроса, очная ставка);
- социально-демографические характеристики допрашиваемых лиц (возраст, семейное положение, состав семьи, место жительства, наличие детей, образование (место обучения) и др.;
- психологические характеристики личности допрашиваемого;
- социально-правовые характеристики личности допрашиваемого (наличие судимости, наличие наказаний за совершение административных правонарушений и др.).

Следующую подсистему «уметь», нужно рассматривать как характеристику качественных показателей подготовки сотрудника к проведению отдельных следственных действий:

- осуществлять планирование допроса и очной ставки;
- практически реализовывать алгоритмы приведения допроса и очной ставки;
- анализировать наличную ситуацию с криминологической точки зрения;
- устанавливать контакт с участниками следственных действий, устанавливать и поддерживать доверительные отношения с ними;
- выбирать стили поведения при осуществлении допроса и очной ставки;
- владеть мимикой, пантомимикой и др.;
- применять методы психологического воздействия;
- коммуникативные приемы убеждения, мотивирования и др.;
- слушать, вникать в проблемы участников отдельных следственных действий;
- ставить прогноз по эффективности выбранных моделей поведения и результативности проведения допроса и очной ставки;

- анализировать собственное поведение и поведение участников следственных действий;
- адаптироваться к меняющейся ситуации допроса и очной ставки;
- применять методы психической саморегуляции;
- пользоваться техническими средствами проведения допроса и очной ставки;
- анализировать собственное поведение и поведение участников следственных действий и др.

Таким образом, сотруднику при производстве следственных действий, осуществляемых как отдельно, так и в определенной совокупности, необходимо в работе учитывать вышеуказанные компоненты. Психологически и юридически грамотное и умелое применения данных видов компонентов с большой вероятностью будут способствовать совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности. Как показывает практика, подготовленные данные рекомендации будут особенно востребованы молодыми специалистами, будущими дознавателями и следователями.

Литература

1. Болтенков Н.В. Формирование готовности учителя к профессиональной деятельности // Педагогическое образование и наука. 2009. № 2.
2. Линенко А.Ф. Професійна діяльність та готовність до неї // Вестник Одесского института внутренних дел. 1998. № 2.
3. Левитов Н.Д. Психологическая характеристика. М., 1969.
4. Ильин Е.П. Искусство общения. М., 1982.
5. Григоренко Л.В. Формирование готовности студентов педагогического вуза к профессиональной деятельности в процессе самостоятельной работы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Харьков, 1991.
6. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. М., 1976.
7. Лернер И.Я. Качество знаний учащихся и пути его совершенствования / под ред. М.Н. Скаткина, В.В. Краевского. М., 1978.

© Нагорный А.П., Попов А.Н., 2024

**ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Осяк В.В.

Заведующий кафедрой криминалистики Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
кандидат юридических наук, доцент

Расследование преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, представляет особую сложность. Связано это и со спецификой объекта преступного посягательства, и с тем, что некоторые следователи испытывают серьезные затруднения при выборе таких познавательных методов, приемов и средств, которые обеспечивали бы получение и закрепление максимального количества информации о совершенном преступлении и его участниках для использования при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Как известно, одним из основных источников доказательств при расследовании преступлений о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления являются допросы вовлечателя, несовершеннолетнего, а также широкого круга лиц, которые обладают интересующей информацией об обстоятельствах совершенного преступления, о личности несовершеннолетнего и вовлечателя (родители, педагоги, соседи и т. д.). Предметом их допроса могут выступать обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу (время, место и способ совершения преступления, характер и размер вреда и пр.), источники, из которых получены сообщенные сведения, а также, проверка достоверности доказательств.

С криминалистической точки зрения допрос является средством собирания и проверки не только доказательственной, но и ориентирующей информации. При этом следователь уполномочен самостоятельно определять тактику допроса.

Специфика содержания и тактики допроса несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления, обусловлена особенностями предмета доказывания и занятой позицией несовершеннолетнего. При выборе тактических приемов допроса несовершеннолетнего следует исходить из положений о пределах допустимости тактического воздействия на личность несовершеннолетнего, прежде всего при его допросе в конфликтной ситуации. В частности, допустимости применения в отношении несовершеннолетнего тактических приемов разрешения конфликтных ситуаций допроса, основанных на использовании состояния эмоциональной напряженности, «следственной хитрости», таких чувств, как жадность, месть, обида и т. п., а также о целесообразности проведения очной ставки при наличии существенных противоречий в показаниях несовершеннолетнего с его родственниками и другими лицами.

Здесь важно подчеркнуть, несмотря на важность стадии свободного рассказа при допросе, практика допросов несовершеннолетних показывает, что свободный рассказ у них обычно отрывочен, сбивчив и непоследователен. От следователя в данном случае требуется умение применять тактические приемы, направленные на то, чтобы помочь допрашиваемому [1, с. 280–284]. Задавая вопросы, необходимо убедиться в том, что допрашиваемый правильно уяснил их содержание, и в случае необходимости изменить формулировку вопроса или расчленить на несколько более конкретных и простых вопросов. В этой связи, полученные от несовершеннолетнего показания в ходе свободного рассказа, дополняются в рамках вопросно-ответной стадии допроса путем постановки уточняющих, напоминающих, конкретизирующих и иных вопросов.

В процессе допроса в первую очередь должны быть детально установлены способ вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность, действия взрослого [2, с. 124–126], направленные на

формирование у него желания участвовать в совершении того или иного преступления.

Анализ следственно-судебной практики показывает, что при допросе взрослого вовлекающего могут складываться следующие типичные следственные ситуации: вовлекающий признает факт вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, давая при этом подробные правдивые показания; вовлекающий признает факт вовлечения, давая при этом ложные показания; вовлекающий частично признает факт вовлечения, дает противоречивые либо ложные показания об осведомленности о возрасте несовершеннолетнего); вовлекающий отрицает факт вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, при этом дает ложные показания; вовлекающий отказывается от дачи показаний в соответствии со ст. 51 Конституции РФ. Может также сложиться следственная ситуация, при которой лицо отрицает факт вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, что фактически соответствует действительности (т. е. имеет место оговор со стороны несовершеннолетнего и версия об этом также должна тщательным образом проверяться).

Сложившуюся на этапе допроса следственную ситуацию необходимо учитывать следователю при выборе им тактических приемов допроса и их совокупности в виде тактических комбинаций. Немаловажную роль играет фактор внезапности при предъявлении доказательств, особенно тех из них, наличия которых обвиняемый меньше всего ожидает [3, с. 20–22]. При этом целесообразнее допрос взрослого вовлекающего осуществлять после тщательного анализа показаний уже ранее допрошенного несовершеннолетнего, его законного представителя, а также лиц, выступающих в качестве свидетелей.

Большое значение при допросе взрослого вовлекающего представляет уточнение, конкретизация сообщенных им сведений, особенно при документировании и доказывании информированности о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего, установлении конкретных действий вовлекающего, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений, антиобщественных действия. Например, это

может подтверждаться длительным знакомством как с потерпевшим, так и с членами его семьи, проживание в одном многоквартирном доме, посещение и поздравление с днем рождения несовершеннолетнего.

Так следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Адыгея расследовалось уголовное дело в отношении Х., вовлекшего несовершеннолетнюю Я. в преступную группу и в совершение особо тяжкого преступления. Х., находясь в исправительном учреждении, достоверно зная, что Я. является несовершеннолетней, путем обещаний вознаграждения в виде денежных средств вовлек последнюю в совершение умышленных действий, непосредственно направленных на осуществление в пределах территории г. Майкопа Республики Адыгея тайниковых закладок с наркотическим веществом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Допрошенный в качестве подозреваемого, Х. указывал на то, что возраст Я. он никогда не спрашивал, документы, удостоверяющие ее личность, никогда не видел. Х. общался с Я. по видеосвязи и по внешнему виду оценил бы ее возраст примерно на 18–19 лет.

Однако в ходе расследования были допрошены свидетели из числа общих знакомых несовершеннолетней Я. и Х., подвергнуты осмотру носители цифровой информации, исследованы переписки, голосовых сообщений. Следователем детально, шаг за шагом восстановлен весь механизм вовлечения подростка в совершение преступления, а также подтвержден факт осведомленности Х. относительно несовершеннолетнего возраста Я.

Важно также отметить, что при расследовании дел рассматриваемой категории крайне важно расширение круга свидетелей за счет ближайшего окружения подростка: соседей, родственников, сверстников по месту учебы или работы. В допросах указанных лиц должны отражаться обстоятельства, характеризующие отношения взрослого с несовершеннолетним в период, предшествующий совершению преступления, обстановку и способ вовлечения подростка в преступную деятельность, помимо этого – условия жизни и воспитания

несовершеннолетних, их поведение в быту, отношение к учебе, работе, другие особенности личности несовершеннолетнего.

Установление указанных обстоятельств позволят более конкретно и полно планировать проведение следственных действий, придадут целенаправленность дальнейшему доказыванию по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий.

Литература

1. Сокол Ю.В. Особенности допроса обвиняемого по делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Общество и право. 2011. № 3.

2. Методические рекомендации по расследованию уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: сб. учебно-метод. пособий и рекомендаций. М., 2014.

3. Флоря Д.Ф. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

© Осяк В.В., 2024

УДК 343.132:343.144

СПОСОБЫ ВЫЗОВА НА ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

Палиева О.Н.

Доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала Российского государственного университета
правосудия, кандидат юридических наук, доцент

Самым распространенным следственным действием, при расследовании уголовного дела, является допрос. В соответствии с нормами УПК РФ допросу подлежат подозреваемый, обвиняемый,

потерпевший, свидетель, специалист и эксперт. Уголовно-процессуальное законодательство содержит процессуальные правила вызова на допрос каждого из указанных участников уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 188 УПК РФ свидетель и потерпевший вызываются на допрос в органы предварительного расследования повесткой, которая вручается под расписку либо передается с помощью средств связи [1].

В ходе расследования уголовного дела, вызов свидетелей и потерпевших повесткой самый распространенный и давно применяющийся способ.

Повестка на допрос может быть направлена по почте, с нарочным, передана по телеграфу, телефону или факсу. Следуя норме уголовно-процессуального законодательства обязательной формой вызова свидетеля и потерпевшего на допрос к следователю, является вручение повестки непосредственно лицу, вызываемому на допрос под расписку [2].

Такой консервативный способ имеет очевидные достоинства, но вместе с тем и имеет ряд недостатков. Так существенным недостатком является длительное время доставки почтового отправления и передачи его получателю через «Почту России». Зачастую участники процесса не желают прибывать в почтовое отделение и игнорируют их получение. В.О. Захарова отмечает, что одной из весомых причин является уровень халатности работников почтовых организаций по доставке извещений [3].

Таким образом повестки в виде бумажных извещений, которые направляются следователем через различные почтовые службы («Почта России», специальными службами доставки и др.), не гарантируют быстрый вызов участника судопроизводства, тем более, когда возникает необходимость изменения времени допроса в силу каких-либо срочных, непредвиденных обстоятельств по уголовному делу и занятости следователя в других следственных действиях.

Проблема вышеуказанного способа вызова на допрос в уголовном судопроизводстве заключается в том, что он не соответствует современным возможностям и не ускоряет процедуру вызова свидетеля и потерпевшего, а, наоборот, ее тормозит.

Указание законодателем в ст. 188 УПК РФ на средства связи как на способ вызова свидетеля и потерпевшего на допрос, к сожалению, никоим

образом не комментируется. Отсутствует пояснительная информация как в нормативных актах, регулирующих порядок вызова, так и в разъяснениях высших судов РФ. Какие именно средства связи подразумевал законодатель, непонятно.

В современном уголовном процессе, при расследовании уголовных дел для вызова на допрос следователи используют возможности новых электронных средств связи, к которым есть доступ у всех граждан нашего общества. Это – звонки на мобильный телефон и электронные сообщения. Практически все граждане обладают средствами мобильной связи, многие владеют компьютерами и планшетами, общаются посредством электронной почты и различных приложений. Что не скажешь о постоянном месте жительства, которое может не совпадать с адресом регистрации. Технические возможности гаджетов позволяют быстро и эффективно связаться с участниками судопроизводства для вызова их на допрос.

Следователи не обращают внимания на отсутствие соответствующих указаний в ст. 188 УПК РФ и быстро подстраиваются под новшества сегодняшнего времени, поскольку современные способы вызова имеют ряд преимуществ и эффективны для следственной работы. Безусловно, при таком способе вызова свидетеля и потерпевшего, последние реагируют на вызов более оперативно и являются в орган предварительного расследования для допроса. Отказ явиться к следователю без повестки имеет место быть в практике, но это скорее исключение. В этом случае следователь применяет обычный способ вызова, вызов по повестке.

Большинство ученых и практиков утверждают, что вызов участников уголовного судопроизводства через иные каналы связи наиболее приемлемы. К иным каналам можно отнести телефонные звонки, электронную почту и другие мессенджеры. Для следователя, в таких случаях, важно зафиксировать вызов в материалах уголовного дела (допустимо в виде скриншота) [4].

П.Г. Хохлачев предлагает направлять повестки посредством программы «WhatsApp», при этом использовать функцию, которая будет

уведомлять о том, что адресат уведомлен или прочитал направленное сообщение. По его мнению, данный факт является аналогом «расписки» об ознакомлении с повесткой [5].

Не всегда, указанный способ уведомления может гарантировать обязательное получение сообщения адресатом, так как номера телефонов привязаны к конкретной личности, они могут использоваться другими лицами. Возможны и ложные (фейковые) аккаунты.

Законодатель уже предпринимал попытки закрепить средства идентификации адресата по аналогии с Китаем, Бельгией, Швейцарией, Казахстаном, еще в 2018 г. Регистрация телефонных номеров позволила бы приравнять номер телефона к идентификационным данным гражданина. Вопрос о регистрации телефонных номеров рассматривался Государственной Думой РФ, но положительно разрешен не был [6].

Возможен другой вариант разрешения проблемы, направления повесток, через единый государственный сервис, который может доставить извещение адресату мгновенно. В настоящее время к такому сервису следует отнести Портал государственных услуг Российской Федерации. Данный сервис защищен от ложных и вредоносных аккаунтов, он максимально обеспечивает доставку и гарантирует получение.

Вместе с тем, существует проблема подтверждения прочтения соответствующих сообщений. Допустима ситуация, когда пользователь открыл сообщение и по какой-либо причине не прочитал его. Возникает ситуация, при которой у отправителя появится отметка о прочтении сообщения, однако, получатель по своей невнимательности даже не будет подозревать о наличии сообщения. Аналогичная ситуация возникает в случае автоматической отправки сообщения в раздел спам, уведомления из которого не приходят большинству пользователей.

Варианты разрешения данного проблемного вопроса имеются и возможность применения средств связи (как указано в норме УПК РФ) также могут быть реализованы, однако проблема возникает и указывает на недостаточную цифровизацию общества в целом, а также неграмотность населения относительно информационных технологий и не желание осваивать их быстрыми темпами.

Безусловно, способы вызова на допрос в виде повестки, не всегда являются эффективными, поскольку они не удобны в использовании в современных условиях. Новые средства вызова на допрос такие, как электронные средства связи, средства передачи видео- и аудиоинформации, могут значительно упростить и ускорить сам процесс вызова, но они должны быть соответствующим образом зафиксированы в рамках уголовного дела.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве давно назрела необходимость в корректировке процедуры вызова на допрос свидетелей и потерпевших. Способ вызова должен обеспечивать и гарантировать объективность и надежность получаемой информации, а также быстроту явки участника уголовного судопроизводства.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Текущая редакция. Комментарии юристов. Статья 188. Порядок вызова на допрос [Электронный ресурс]. URL: https://proupkrf.ru/st_188_upk_rf (дата обращения: 17.09.2023).

3. Захарова В.О. О способах вызова на допрос следователем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3(13).

4. Резник Г.М. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник для вузов. М., 2020.

5. Хохлачев П.Г. Вызов свидетеля на допрос по уголовному делу / Юридические услуги в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://advokat-hohlachev.ru/vyzov-svidetelya-na-dopros-po-ugolovnomu-delu/> (дата обращения: 17.09.2023).

6. Номер мобильного сможет удостоверить человека как паспорт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/06/28/774016-nomer-mobilnogo-kak-pasport>. (дата обращения: 17.09.2023).

© Палиева О.Н., 2024

МОЖНО ЛИ СНИЗИТЬ «ЗОНУ РИСКА» АРЕСТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ?

Попова Л.В.

Доцент кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

Федеральным законом от 01.04.2020 № 73-ФЗ изложена новая редакция примечания 1 к ст. 210 УК РФ. Деловое сообщество возлагало определенные надежды на новую редакцию этой нормы Уголовного закона, полагая, что с помощью изменений закончится неопределенность в обвинении. Уполномоченный по правам предпринимателей Б.Ю. Титов 2 апреля 2020 г. в интервью Интерфаксу сказал: «Конечно же, новая редакция ст. 210 УК РФ для бизнеса более благоприятна, однако, подводные камни все равно остаются». Он продолжил, заявив, если после внесения в ЕГРЮЛ организация не совершила ни одной хозяйственной операции кроме отмывания денег, – картина ясна. А если речь идет о вполне реальном производстве или торговом предприятии? Следовательно может по-прежнему по своему усмотрению вменять ст. 210 УК РФ и, если даже потом обвинение по ней отпадет, бизнесмен успеет провести несколько месяцев в СИЗО [1].

Прошло 3 года, и это достаточное время, чтобы привести к смягчению давления на бизнес. Конечно, данное примечание несколько снизило напряжение в отождествлении организационно-правовой формы юридического лица с преступным сообществом. Теперь арест предпринимателей возможен, если имеются доказательства, что преступная организация в силу своей структуры была специально создана для совершения преступлений, хотя бы одного из них тяжкого, несмотря на то, что юридическое лицо осуществляет свою деятельность на законных основаниях.

Такая общая формулировка положения организованной преступности в сфере экономики должна показывать, что обычная деятельность организации является вторичной, а главное – юридическое лицо в установленном порядке создавалось для ведения преступной деятельности и являлось лишь ширмой для обеспечения поддержания деятельности преступного сообщества. Поправка внушает оптимизм с уголовным преследованием и применением меры пресечения в виде содержания под стражей предпринимателям, поскольку надо сильно постараться, чтобы процессуально доказать, что сама организация или непосредственно подчиненное ее руководителю структурное подразделение заведомо созданы для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а тем более одного из них.

В нашей ситуации речь идет о повышенной общественной опасности создания специальной организации для хищения в крупном или особо крупном размере любого имущества и, особенно в форме государственной и муниципальной собственности, маскируя преступления под экономическую деятельность. Естественно, такие организованные проявления необходимо пресекать независимо от статуса лиц, их совершивших. Но, конечно, соответствующие уголовно-процессуальные нормы должны применяться лишь при наличии достаточных, собранных согласно требованиям УПК РФ, т. е. допустимых доказательств, безусловно подтверждающих вину обвиняемых.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о критериях и признаках заведомой организации преступного сообщества по делам, связанным с предпринимательской и иной экономической деятельностью и ее отличием при общеуголовных преступлениях, а также решение вопросов единообразного применения судами заключения под стражу в качестве меры пресечения при предъявлении предпринимателям обвинения по ст. 210 УК РФ явились бы действенным средством прекращения использования «лазейки» для органов следствия. Эти разъяснения единообразно трактовали бы оценочные понятия и признаки, касающиеся применения примечания 1 к ст. 210 УК РФ. Отрадно, что этим разрешаются проблемы, порожденные не совсем правильным

применением базовых теоретических положений, в том числе и уголовно-процессуального права.

Представляется необходимым создание единой судебной практики рассмотрения уголовных дел указанной категории путем толкования Верховным Судом положений УПК РФ. Разъяснение понятия «заведомости создания организации для совершения тяжких и особо тяжких преступлений» в экономической сфере может служить ориентиром в деятельности нижестоящих судов для решения практических вопросов в ходе избрания мер пресечения при вменении ст. 210 УК РФ применительно к ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, снизив неопределенность этого понятия при производстве по делам рассматриваемой категории.

Пока в действующих профильных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ вопросы, охватываемые в настоящей работе, не нашли своего четкого отражения. Постановление Пленума от 10.06.2010 № 12 дает ответы о порядке применения законодательства об уголовной ответственности за создание преступной организации и участие в ней, так сказать, в общем смысле, не касаясь проявления такого посягательства конкретно в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности [2]. Однако рекомендации Верховным Судом могут быть даны в отдельном разъяснении, например в виде Обзора по этому вопросу, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ, как это было решено в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции [3]. Это позволило бы избежать ошибок при избрании меры пресечения предпринимателям.

До принятия нового текста примечания к ст. 210 УК РФ суды просто игнорировали то обстоятельство, что обвинение по этой статье также носит экономический характер. П.О. Панфилов, рассуждая об этом, пишет: «Реальная причина, которая приводит к нарушению при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – это отсутствие должной мотивировки и обоснования как ходатайств об избрании меры пресечения, так и судебных решений» [4, с. 86]. Так из апелляционного постановления Краснодарского краевого суда по делу № 22-7265/2019 от 21.10.2019

об обжаловании меры пресечения обвиняемому Г. по ч. 4 ст.159 и ч. 2 ст. 210 УК РФ следует, что адвокат просил отменить постановление Советского районного суда г. Краснодара о заключении под стражу Г. и избрать меру пресечения в виде домашнего ареста. В апелляционной жалобе указано, что инкрименируемые действия Г. совершены в соучастии с членами органов управления коммерческой организации в сфере предпринимательской деятельности. Изложение существа обвинения по ч. 2 ст. 210 УК РФ является неконкретным, поскольку полностью копирует обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Г. много лет занимался предпринимательской деятельностью и платил налоги. Однако на эти доводы суд вообще никак не реагировал и своего мнения в постановлении не изложил. Жалоба осталась без удовлетворения [5]. В свете изменения подхода к привлечению к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ предпринимателей требуется пересмотреть такое и подобные ему решения судов об избрании мер пресечения.

Общее смысловое понятие заведомости в современном УК РФ сводится к тому, что виновному лицу известно об определенных обстоятельствах и событиях и, несмотря на это, оно действует с конкретной целью совершения преступления. Поэтому и вопрос о наличии заведомости с точки зрения примечания 1 к ст. 210 УК РФ должен решаться с учетом этих признаков. Возможно использование в качестве оценочного представления нормативных актов Федеральной налоговой службы, например при определении так называемых фирм-однодневок, под которыми в самом обычном смысле понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, не представляющее налоговой отчетности, зарегистрированное по адресу массовой регистрации и т. д. [6].

Видится следующий текст в возможном Обзоре Президиума Верховного Суда РФ: Вопрос: «Какие оценочные признаки заведомости создания организации для совершения тяжких или особо тяжких преступлений и (или) участие в ней могут признаваться судом достаточными при применении примечания 1 к ст. 210 УК РФ?»

Ответ: «Вопрос о наличии признака заведомости при создании организации, зарегистрированной в качестве юридического лица или ее структурного подразделения для совершения преступления, должен решаться судом исходя из конкретных обстоятельств дела. При этом должны учитываться пути введения в заблуждение органов государственной регистрации юридического лица, например: предоставление документов, искажающих действительный смысл деятельности организации; открытие расчетного счета, способного нарушить привычное взаимодействие с налоговыми органами; отсутствие налоговой и иной обязательной отчетности; адрес регистрации юридического лица является массовым; отражение убытков на протяжении нескольких налоговых периодов; существование изначально созданных связей с контрагентами, не обеспечивающих заявленные цели организации; построение финансово-хозяйственной деятельности на основе договоров без наличия разумных экономических причин, в том числе возможностей их реального исполнения и т. п. Кроме того, об этом признаке может свидетельствовать подбор и расстановка кадров, не способных квалифицированного решать финансовые, хозяйственные и производственные вопросы согласно Уставу предприятия, а также отсутствие собственных или арендованных транспортных средств и помещений. Из показаний участников уголовного судопроизводства должно прямо следовать о фиктивности мер, предпринимаемых для должной организации работы созданного юридического лица, а также указывать на наличие общего денежного фонда преступной организации, создающегося от доходов, полученных в результате совершения преступлений. Лицо, участвующее в такой организации, должно достоверно знать об истинных целях (совершение преступлений с использованием возможностей юридического лица) и получать за такое участие соответствующее денежное вознаграждение».

Важную роль в решении рассматриваемых вопросов играет конкретный судья, рассматривающий дело. Никакие поправки не будут работать, пока у судьи есть возможность двойного толкования оценочных понятий. Как видится, злоупотребления в применении ст. 210 УК РФ

в отношении предпринимателей в связи с их экономической деятельностью особенно возросли после перевода в 2013 г. подсудности этого преступления из судов областного уровня в районные суды [7]. Более квалифицированные судьи перестали рассматривать в качестве первой инстанции уголовные дела, которые прямо можно обозначить как повышенной правовой и фактической сложности, что привело к снижению уровня законности. Предприниматели практически потеряли шанс на оценку инкриминируемых им действий, как непротивных при обвинении в организации преступного сообщества. В пояснительной записке к законопроекту в связи с меняющейся подсудностью указано, что он вносится главным образом из-за изменения процедуры апелляционного производства и возрастающего объема работы судей областного звена. Подобная «оптимизация» действующей уголовно-процессуальной формы, по мнению разработчиков проекта закона, не должна сказаться на задачах судопроизводства [8].

Однако научные разработки по данному вопросу практически отсутствуют, хотя значимость процессуальной подсудности при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1–3 ст. 210 УК РФ, имеет прямое отношение к реализации исполнения требований, указанных в примечании к этой норме. Районная подсудность вряд ли будет способствовать правильному разрешению задач, поставленных нашим Президентом В.В. Путиным по активизации бизнес-процессов и деловой жизни страны, законодательно закрепленных в изменениях ст. 210 УК РФ. Судьи, непосредственно избирающие меру пресечения в виде содержания под стражей по экономическим преступлениям, изменят свое отношение к проведению судебных заседаний, когда будут знать, что рассмотрение дела по существу обвинения по ч. 1–3 ст. 210 УК РФ будет происходить в рамках первой инстанции в суде областного уровня и приравненным к ним судам. Повышение ответственности при принятии решения об избрании меры пресечения в рассматриваемом аспекте, на наш взгляд, дисциплинирует участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, а также и суда, позволит реально рассматривать вопросы обоснованности обвинения в этом преступлении.

Для исправления положения, думается, следует вернуть подсудность уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1–3 ст. 210 УК РФ региональным и приравненным к ним судам. В этом случае повышается риск признания судом аргументов следствия недостаточными для обвинения предпринимателя в создании организации для совершения преступлений, что потребует более тщательного доказывания обстоятельств объективной и субъективной стороны ст. 210 УК РФ.

Бизнес-омбудсмен Б. Титов высказывает мнение о необходимости введения института присяжных при рассмотрении уголовных дел о совершении предпринимателями тяжких и особо тяжких преступлений экономической направленности, в том числе и при вменении ст. 210 УК РФ. Но, думается, это не принесет желаемого результата защиты бизнесменов от необоснованного обвинения. Присяжные заседатели – обычные люди, не обладающие юридическими и экономическими знаниями. Конечно, они принимают решение, не оглядываясь на вышестоящие инстанции и заинтересованных лиц, но вряд ли смогут без эмоций оценить действия предпринимателя с точки зрения заведомости создания организации для совершения преступления в сфере экономической деятельности. Да и присяжные заседатели будут удаляться в совещательную комнату во всех обсуждениях вопросов процессуального плана, в том числе ходатайств о признании доказательств недопустимыми, приобщении новых доказательств или назначении экспертиз. Думается, что это не позволит эффективно использовать участие присяжных заседателей в рассмотрении дел рассматриваемой категории. И только лишь возвращение подсудности этих дел суду субъекта Российской Федерации позволит повлиять на ситуацию с необоснованным осуждением предпринимателей.

Литература

1. Бизнес-омбудсмен нашел подводные камни в новой редакции статьи об ОПС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/702089> (дата обращения: 20.10.2023).

2. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010. № 12. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Обзор № 2 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28883/ (дата обращения: 20.10.2023).

4. Панфилов П.О. О некоторых вопросах применения ст. 210 УК РФ при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей // Практика применения статьи 210 УК РФ по уголовным делам в отношении предпринимателей: сб. материалов научно-практ. конф. М., 2020.

5. Апелляционное постановление № 22-7265/2019 22-7409/2019 от 21.10.2019 по делу № 22-7265/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8vWEpvywKmUa/> (дата обращения: 20.10.2023).

6. О рассмотрении обращения: письмо ФНС РФ от 11.02.2010 № 3-7-07/84. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства: федер. закон от 23.07.2013 № 217-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Пояснительная записка к Федеральному закону № 217-ФЗ от 23.07.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://poyasnite.ru/federalnyj-zakon-217-fz-23-07-2013/> (дата обращения: 20.10.2023).

© Попова Л.В., 2024

**ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ СВОЙСТВ, ЗНАЧЕНИЯ
И ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Сардак Д.Б.

Старший преподаватель кафедры
общеправовых дисциплин Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России

Мельникова А.С.

Старший преподаватель кафедры
общеправовых дисциплин Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России

Доказательствами в уголовном производстве являются фактические данные, полученные в предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК) порядке, на основании которых дознаватель, следователь, прокурор и суд устанавливают наличие или отсутствие фактов и обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и подлежащих доказыванию (ч. 1 ст. 74 УПК).

Термин «фактические», на наш взгляд, означает нечто соответствующее объективной действительности и является материалом для определенных выводов, а термин «данные» должен определяться как сведения, необходимые для какого-либо вывода или решения, следовательно, целесообразно трактовать «фактические данные» только как сведения о фактах. Ведь факты – это явления действительности, обычно касающиеся прошлого и недоступные для непосредственного восприятия следователем, дознавателем, прокурором или судом.

Чтобы иметь возможность использовать факт в случае доказывания, он должен быть сначала опознан. Что касается момента возникновения доказательства в уголовном производстве, то считается, что до

проведения следственных и других процессуальных действий доказательства не возникают, поскольку процессуальных доказательств в готовом виде нет. Во время совершения преступления образуются его материальные следы-отражения в обстановке места происшествия или идеальные следы-отражения в сознании людей. Поэтому собирают, проверяют и оценивают не доказательства, а сведения, носителями которых являются материальные объекты, люди, и которые могут трансформироваться в доказательства, а могут и не достичь этого статуса. Возникновение доказательств в уголовном производстве – это сложная, целенаправленная деятельность субъектов доказывания по формированию доказательств, в которую включаются действия по их сбору, исследованию и удостоверению в установленном УПК порядке в процессуальных источниках доказательств – показаниях, вещественных доказательствах, документах, выводах экспертов (ч. 2 ст. 74 УПК).

Содержание доказательств составляют фактические данные, полученные из надлежащих источников, а их материальной основой является не сам источник, а искусственно созданный их носитель. Процессуальная форма наличия фактических данных в уголовном процессе закреплена в ч. 2 ст. 74 УПК – это показания участников уголовного процесса, вещественные доказательства, документы и заключения экспертов.

Процессуальная форма подтверждения обязана обеспечить надежность уголовно-процессуального подтверждения. Что касается уголовно-процессуальных доказательств, то законодательством предусмотрен порядок их формирования и сохранения. Именно последовательность процессуальных действий и принятие решений по приобщению к материалам уголовного производства фактических данных и придают им процессуальные формы.

Необходимо помнить, что кроме процессуальной формы, есть форма получения доказательств, обеспечивающая их допустимость, а также

форма закрепления доказательств, обеспечивающая их сохранность и последующее использование. Например, протокол следственного действия сразу выступает и одним из источников доказательств, и формой сохранения этих доказательств.

Доказательный факт – известный факт, который в сочетании с другими фактами, устанавливает или опровергает виновность лица в совершении уголовного преступления.

Принадлежность является неотъемлемым элементом характеристики доказательств – это такое свойственное им качество, в результате которого, они способны установить обстоятельства, необходимые для полного и правильного расследования обстоятельств уголовного правонарушения.

Институт допустимости доказательств является многоаспектным правовым явлением, законодательная регламентация которого не ограничивается лишь нормами, охватываемыми УПК РФ, а включает в себя: понятие доказательств и форм закрепления доказательственной информации; условия допустимости доказательств, процедуру оценки доказательственного материала относительно допустимости; правила проведения следственных действий, фиксации доказательственной информации; требования к субъектам, которые осуществляют сбор доказательственного материала, вопросы отводов; юридические последствия признания доказательства недопустимым. Связь между категориями «допустимое доказательство» и «недопустимое доказательство» обеспечивается логической операцией, именуемой отрицанием. По законам логики результатом отрицания является суждение прямо противоположное первоначальному: содержание понятия сменяется на противоположное, но его объем при этом остается неизменным; характерные признаки, определявшие понятие, сохраняются в том же количестве, но не сменой полярности. Однако закономерные дефициты указанных понятий в нарушение отметок логики имеют разный объем, что обуславливает потребность в соответствующих нормативных

коррективах. Ни один из нынешних подходов относительно допустимости доказательств не отмечает исчерпывающего превосходства условий. Этот факт следует расценивать не как недоработку ученых, а как особенность исследуемого явления: довольно сложно предсказать гипотетически возможные входы в установленные криминальным процессуальным законом процедуры сбора доказательственной информации.

Большинство научных работников и практиков однообразно в понимании базовых условий, обеспечение которых обуславливает допустимость доказательственной информации. Эти условия включают в себя надлежащий процессуальный источник, надлежащего субъекта сбора доказательств, надлежащую процессуальную форму. Вариативность отдельных научных подходов зависит только в видении автором содержательного наполнения указанных условий допустимости доказательств.

Допустимость доказательств согласно нормативным предписаниям ч. 1 ст. 75 УПК, определяется соответствием порядка получения положениям УПК. Условиями допустимости доказательств являются: получение фактических данных из надлежащего источника (как пример ненадлежащего источника – показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности – п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК); получение фактических данных надлежащим субъектом (государственным органом или лицом, осуществляющим уголовное производство); получение фактических данных в надлежащем процессуальном порядке (с соблюдением предусмотренной законом процедуры); надлежащее оформление источника фактических данных (протокол, носитель информации, журнал судебного заседания).

Таким образом, мы видим, что значение доказательств в уголовном процессе сложно переоценить, поскольку достоверные знания об обстоятельствах преступления устанавливаются органами предварительного расследования, прокурором и судом только путем уголовно-

процессуального доказывания, в ходе которого собираются, проверяются, оцениваются доказательства и на их основании принимаются и обосновываются процессуальные решения. Это обусловлено тем, что доказывание является важнейшим процессом в деятельности органов и лиц, осуществляющих уголовное производство. По существу, эта деятельность основывается на доказывании и состоит из него.

Литература

1. Чернышов В.Н., Чекмарева Г.И. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе // Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако: материалы Междунар. научной конф. Тамбов, 2018.

2. Брестер А.А. Начало, форма и метод российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013.

3. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание: методология, теория, практика. М., 2016.

© Сардак Д.Б., Мельникова А.С., 2024

УДК 343.132

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Седых Т.В.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат политических наук

Основным инструментом познавательной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений являются следственные действия.

Институт следственных действий позволяет следователю и дознавателю, в рамках уголовного производства по факту конкретного преступления, во взаимодействии с оперативными подразделениями решать сложные задачи.

В отличие от предыдущего, в действующем УПК РФ приводится определение следственных действий, которыми считаются действия, направленные на сбор доказательств или проверку уже полученных доказательств в конкретном уголовном производстве. Направления таких действий, не раскрывают их определяющие черты. Более удачными следует признать определение таких действий, сформулированные учеными. Формулируя понятие следственных действий, Т. Дубинская [1] отмечает, что они осуществляются в соответствии с определенными процедурными требованиями. Такие требования закреплены именно в действующем УПК РФ, что является важной процессуальной гарантией обеспечения прав лиц, участвующих в ее проведении.

Исследованию этого института уголовного процессуального права ученые уделяют внимание на всех этапах развития уголовного процессуального законодательства. Время от времени арсенал процессуальных средств получения информации о преступлении, предусмотримых в Уголовном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) расширяется. Долгое время среди ученых продолжается дискуссия об отнесении тех или иных процессуальных действий к следственным, разрабатываются определения таких действий с выделением существенных признаков, позволяющих отграничить такие действия от других процессуальных действий. Некоторые ученые утверждают, что уголовно-процессуальный закон определяет перечень следственных действий, без ссылки на соответствующие нормы.

Частичное решение данного вопроса нашло отражение в действующем УПК РФ. Так, в ст. 164 содержатся сведения об основаниях и порядке проведения традиционных для уголовного производства РФ

следственных действий: допрос (в том числе одновременный допрос двух или более уже допрошенных лиц), предъявление для опознания, обыск, осмотр, следственный эксперимент, освидетельствование, экспертиза, получение образцов для экспертизы [2].

Сходство следственных действий по познавательным приемам и методам проведения с оперативно-розыскными мерами не позволяет говорить о включении их в УПК РФ как средства познавательной деятельности. Их нормативная регламентация закреплена процессуальным законом, осуществляются они при процессуальной, а не оперативно-розыскной деятельности. Решение об их проведении, как правило, принимает следователь и согласовывает с руководителем следственного органа, дознаватель с начальником подразделения дознания, а в необходимых случаях получает разрешение судьи.

Следует отметить, что раскрытие преступлений обеспечивалось и обеспечивается двумя видами деятельности, которые регулируются самостоятельными законами РФ. Уголовно-процессуальная деятельность регулируется действующим УПК РФ, а другая Законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности». Оперативно-розыскная деятельность предшествует уголовно-процессуальной деятельности, а полученная в результате ее проведения информация, переданная следователю, дознавателю или прокурору, способствует началу предварительного расследования.

Действующий УПК РФ не возлагает на следователя осуществления оперативно-розыскной функции, и для этого нет объективных оснований.

Отсутствие в отдельной норме перечня следственных действий приводит к различным подходам ученых в отнесении к ним тех или иных процессуальных действий, содержащиеся в действующем УПК РФ. Так В.С. Родиченко [3] относит к следственным действиям использование конфиденциального сотрудничества. Подобного мнения придерживается М.Н. Чепурин [4], который попытался обосновать принцип

конфиденциальности при проведении следственных действий. Его соблюдение необходимо для обеспечения длительного получения информации на долгие годы, стратегически важно соблюдать конспирацию в отношении лиц сотрудничающих со следователем, считает он.

Подобное утверждение не соответствует требованиям УПК РФ. В данном случае автор прибегает к смешиванию оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Конфиденциальное сотрудничество не может быть признано следственным действием. Оно может иметь место при проведении любого следственного действия, когда лицо не желает, чтобы сведения о нем стали известны другим участникам производства, способствует обеспечению безопасности лиц, содействующих установлению обстоятельств преступления. Такое сотрудничество следователя с лицом происходит в пределах конкретного уголовного производства. Сроки предварительного расследования определены законом.

Как отмечает С.С. Романов, следственные действия отличаются между собой индивидуальным сочетанием в своей структуре различных методов познания, приспособленных к сбору и проверке различных следов уголовного преступления и преобразования их в определенные виды доказательств, поэтому их совокупность имеет образовывать такой познавательный комплекс, который способен обеспечить выявление и процессуальное закрепление каких-либо доказательств [5].

Так к вышеуказанной категории следственных действий, согласно Уголовному процессуальному кодексу РФ, относятся: допрос (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, эксперта) предъявления лица и вещей для опoznания; обыск (жилья или иного владения лица, помещений, местности, лица); осмотр (места происшествия, помещения, жилища или иного владения лица, местности, предметов, документов, трупа); освидетельствование лица; следственный эксперимент; назначения и проведения экспертизы.

В завершение следует отметить, что УПК РФ существенно расширил средства получения информации об обстоятельствах уголовного преступления для формирования судебных доказательств, что должно способствовать повышению результативности работы правоохранительных органов по выявлению и раскрытию тяжких и наиболее опасных преступлений.

На основании изложенного, анализируя содержание норм действующего Уголовного процессуального кодекса РФ, а также обобщая научные подходы к решению вопроса о видах следственных действий, среди всего их перечня можно выделить ряд таких, которые традиционно признаются следователями и дознавателями и не вызывают сомнений ни с точки зрения ученых, ни практиков.

В современных условиях обострения криминогенной обстановки в стране важные задачи по расследованию преступлений возлагаются на органы предварительного расследования.

Своевременное выявление лиц, потерпевших от преступления, является одним из важных условий всестороннего, полного и объективного расследования преступлений и обеспечение прав и законных интересов пострадавшего лица.

Инструментарий познавательной деятельности в досудебном производстве всегда находился под пристальным вниманием ученых и практиков. Поскольку основным средством формирования доказательств были и остаются следственные действия.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Дубинская Т. Ларчик открывается просто. М., 2016.

3. Родиченко В.С. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2018.

4. Романов С.С. Уголовный процесс: основные положения. М., 2019.

5. Уголовный процесс / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. М., 2018.

© Седых Т.В., 2024

УДК 343.125

ЗАДЕРЖАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА

Фисаков М.Ю.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Вопросам задержания в уголовном судопроизводстве посвящено немало научных трудов, так как у правоприменителя возникает ряд сложностей при решении вопроса о задержании лица совершившего преступление. Однако до настоящего времени не все проблемы решены и правоприменительная практика складывается по-разному. С целью разрешения возникающих вопросов предлагаем рассмотреть данную тему, в том числе в сравнении уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан.

В Уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации вопросы задержания отражены в ряде статей, но особое место отведено гл. 12 «Задержание подозреваемого» [3], куда входят ст. 91–96, в которых отражаются как основания для задержания, так и его порядок, а также сроки и другие действия допустимые с подозреваемым.

На наш взгляд проблемами задержания подозреваемого в практике органов предварительного расследования в основном связаны с основаниями, сроками, порядком задержания и с соблюдением прав и законных интересов самого подозреваемого. В данной статье рассмотрим некоторые из них.

Рассматривая возникающие проблемы, хотелось бы начать с вопроса связанного со сроками задержания. Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ закрепляет срок задержания подозреваемого не более 48 часов, однако данный срок может быть продлен в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, но не более 72 часов, т. е. по нашему мнению общий срок задержания может составлять 120 часов, т. е. 5 суток. На что хотелось бы обратить внимание, в статье четко указано, что данный срок продлевается с момента вынесения судебного решения, однако интервьюирование следователей показало, что в практической деятельности срок задержание под стражей не продлевается более 24 часов, то есть до общего показателя в 72 часа. Нечеткость формулировки в УПК РФ приводит к тому, что правоприменители не правильно трактуют законодательство, ущемляя себя в сроках.

Вторая немало важная проблема также заключена в сроках задержания, так, изучая ст. 94 УПК РФ можно предположить, что приняв решения о задержании подозреваемого, у органов предварительного расследования имеется в наличии 48 часов до принятия решения об избрании меры пресечения или освобождении подозреваемого. Но обратившись к той же ст. 108 УПК РФ, понимаем, что с учетом того, что материалы для избрания меры пресечения должны поступить в суд не позднее 8 часов до истечения срока задержания, то фактически у органов предварительного расследования остается 40 часов. По мнению следователей этого срока не всегда достаточно для полноценной и объективной проверки необходимых фактов по уголовному делу, в связи с этим могут возникнуть основания для продления этого срока, но как было указано выше более чем на 24 часа данный срок не продлевается.

Изучая вопрос задержания, была выявлена еще одна немало важная проблема, так по смыслу уголовно-процессуального законодательства, имеет место быть четкое закрепление процесса задержания подозреваемого, при этом нет четкого понимания процесса задержания обвиняемого, не оговорен порядок и сроки такого задержания. Правоприменители задаются вопросом, что делать, если обвиняемый нарушил меру пресечения, был в последующем задержан, доставлен в отдел полиции и возникла необходимость в изменении меры пресечения на более строгую, или в случае, когда после предъявления обвинения у органов предварительного расследования, в связи с имеющимися сведениями имеются основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу? Так в законодательстве нет четкого определения, сколько обвиняемый может находиться в состоянии от момента его доставления к следователю до момента принятия судом решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Проблемой в данном случае является определение норм процессуального законодательства, которыми необходимо руководствоваться при задержании обвиняемого. Фактически, органы предварительного расследования при задержании как подозреваемого, так и обвиняемого руководствуются положениями гл. 12 УПК РФ о задержании подозреваемого, т. е. применяют уголовно-процессуальный закон по аналогии. По нашему мнению, применение аналогии не совсем верное решение, однако, учитывая отсутствие четкого закрепления в законодательстве приводит правоприменителя к такому порядку действий.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П указывалось, что пробелы в уголовно-процессуальном регулировании могут восполняться в правоприменительной практике судов и органов предварительного расследования на основе процессуальной аналогии. В таком случае разумно и обосновано считать аналогию исключительным средством преодоления пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, не допускающим его произвольного применения [1].

Изучая законодательство Республики Таджикистан, можно увидеть, что в уголовно-процессуальном законе данной страны имеется ст. 95, регламентирующая основания задержания обвиняемого для предъявления обвинения и ст. 96 [2], регламентирующая основания задержание обвиняемого на основании постановления органа, ведущего уголовный процесс, до заключения его под стражу. Указанные нормы частично решают те вопросы, о которых задумывается правоприменитель в Российской Федерации.

Таким образом, подводя итог вышеуказанного можно прийти к выводу, что на сегодняшний день органы предварительного следствия сталкиваются с рядом сложностей при принятии решения о применении задержания как подозреваемому, так и обвиняемому. На наш взгляд указанные проблемы можно решить путем внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство. В том числе с учетом применения положительной практики зарубежных государств, в том числе Республики Таджикистан. Решение каждой из рассмотренных проблем должно способствовать обеспечению законности в деятельности лиц, осуществляющих задержание согласно нормам УПК РФ, а также прав и свобод подозреваемого (обвиняемого).

Литература

1. Теплякова О.А., Рафиков М.М. О некоторых проблемах, возникающих в деятельности органов предварительного расследования при осуществлении задержания согласно нормам УПК РФ // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. 2022. № 1(31).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: закон от 03.12.2009 [Электронный вариант]. URL: <https://online.zakon.kz>. (дата обращения: 12.12.2023).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

© Фисаков М.Ю., 2024

УДК 343.131

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шараева Я.А.

Доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Как известно, права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью и охраняются государством. Уголовное судопроизводство состоит в обеспечении и защите прав и свобод лиц, потерпевших от преступлений и защите лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию.

В целях обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина действующее уголовно-процессуальное законодательство подвергалось неоднократным изменениям. В частности, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации закреплены основные принципы, к которым можно отнести принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, уважения чести и достоинства личности, состязательность сторон и др. Вместе с тем, нормы о свидетельском иммунитете, реабилитации невиновных, суде присяжных являются теми институтами, которые обеспечивают защиту прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве.

Из анализа судебной практики, можно сделать вывод о том, что имеет место быть ряд проблем, требующих законодательного разрешения в части определения процессуального статуса лиц, осуществляющих предварительное расследование. Уголовное судопроизводство строится на принципе состязательности сторон, однако, сторона защиты значительно ограничена в предоставлении доказательств по сравнению со стороной обвинения. В связи с этим, складывается представление о том, что российское уголовное судопроизводство имеет «обвинительный уклон» и принцип состязательности в полном его функционировании отсутствует. Многие авторы связывают наличие обвинительного уклона с искажением понимания принципа состязательности и отсутствием практики состязательного процесса [1, с. 455; 2, с. 297]. Поэтому Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, в своем докладе, посвященном правам человека в уголовном судопроизводстве, неоднократно указывала на необходимость наделения особым статусом следователя и дознавателя, наряду со статусом судьи, которые бы были нацелены на собирание обвинительных и оправдательных доказательств [3]. Считаем данную точку зрения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации оправданной и отвечающей требованиям ст. 6 УПК РФ, закрепляющей назначение уголовного судопроизводства.

В целях реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве мы неоднократно указывали на необходимость расширения полномочий защитника, а также на закреплении в уголовно-процессуальном законодательстве обязанности следователя (дознавателя) на приобщение к материалам уголовного дела представленных стороной защиты доказательств [4, с. 129].

Другой важной проблемой, ограничивающий доступ граждан к правосудию, является порядок возбуждения уголовного дела, который предусматривают растянутую процедуру уполномоченных на то лиц. В научной среде неоднократно высказывались предложения по

реформированию данной стадии. На наш взгляд, современная модель досудебного производства должна предусматривать возможность производства всех следственных действий сразу же после регистрации поступившего сообщения о преступлении. Тем более что, в настоящее время имеются спорные вопросы в части определения понятия «изъятия», указанного в ст. 144 УПК РФ, предусматривающей порядок проверки поступившего заявления (сообщения) о преступлении. В настоящее время судебная практика по данному вопросу сложилась следующим образом.

Так прокуратура Липецкой области на официальном сайте указывает на возможность производства обыска и выемки до возбуждения уголовного дела с целью изъятия предметов и документов, необходимых для проверки поступившего сообщения, ссылаясь при этом на решение Верховного суда Российской Федерации от 25.08.2017 № 16-УД17-16 [5], который наряду с другими рассматривал довод о незаконности проведенной до возбуждения уголовного дела выемки флэш-карты и признал эту процедуру законной. В частности, Верховным судом Российской Федерации отмечено, что эти доводы кассационной жалобы несостоятельны, поскольку следственное действие (выемка) произведено после поступления заявления о привлечении лица к уголовной ответственности в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 144 (регламентирующими перечень допустимых в ходе проверки сообщения о преступлении следственных и иных процессуальных действий), ст. 182 и 183 УПК РФ.

Также Апелляционным постановлением Суда Еврейской автономной области № 22-301/2018 22К-301/2018 от 12.07.2018 по делу № 22-301/2018 было признано законным производство выемки документов, произведенной следователем до возбуждения уголовного дела [6]. Считаем необходимым исключить неоднозначные толкования понятия «изъятия» и привести правоприменительную практику к единообразию, что возможно только посредством внесения соответствующих изменений

в ч. 1 ст. 144 УПК РФ и недопустимости подобных формулировок в дальнейшем.

К числу системных проблем, затрагивающих конституционные права граждан, относится и проблема соблюдения срока содержания под стражей и с обязанностью органов, осуществляющих уголовное преследование, соблюдать разумный срок уголовного судопроизводства. В данной части, сроки содержания под стражей урегулированы ст. 109 УПК РФ, где предусмотрен предельный срок нахождения лица под стражей, однако если рассматривать сроки нахождения лица под стражей в ходе судебного разбирательства, то законодатель допускает возможность продления срока заключения под стражей каждый раз не более чем на 3 месяца. Таким образом, подсудимый, вина которого еще не установлена вступившим в законную силу решением суда, находится под стражей длительное время в изоляции от общества. Хотя по этому поводу Президент Российской Федерации В.В. Путин на коллегии Генеральной прокуратуры указал на необходимость соблюдения разумных сроков расследования [7].

Также одной из проблем является проблема доступности правосудия, которая особо остро встала в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, что в дальнейшем способствовало быстрому развитию цифрового уголовного судопроизводства. Важным шагом в этом направлении стало издание Федерального закона от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который ввел в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ст. 241.1, предусматривающую участие в судебных заседаниях подсудимого и других участников с использованием видео-конференц-связи. Данные изменения положительно отразились на соблюдении сроков рассмотрения дела и своевременному исследованию всех обстоятельств уголовного дела. В этой связи считаем необходимым расширить использование

видео-конференц-связи при осуществлении свиданий подозреваемых (обвиняемых), находящихся под стражей с защитниками в связи с оказанием последними юридической помощи. Данные предложения на наш взгляд решат проблемы очередей адвокатов, ожидающих встреч со своими подзащитными, а также проблему очередей следователей, которые так же ожидают встречи с обвиняемыми для производства следственных действий. Для реализации данных предложений, конечно же, потребуется создание интернет-платформы, предусматривающей совместную деятельность различных органов, что на данный момент является весьма актуальным и в тоже время проблематичным.

Нами рассмотрены лишь некоторые проблемы обеспечения защита прав человека в уголовном судопроизводстве, но все они являются, на наш взгляд, важными и требуют законодательного внимания и разрешения.

Литература

1. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3(40).

2. Кудрявцев В.Л. Некоторые вопросы становления состязательности и особенности ее реализации в контексте деятельности следователя в досудебном производстве России // Вопросы правоведения. 2014. № 2(24).

3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ombudsmanrf.org>. (дата обращения: 06.12.2023).

4. Шараева Я.А., Тангрия В.Н. Роль защитника в собирании доказательств по уголовному делу // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д, 2022.

5. Об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции: постановление Верховного Суда РФ от 25.08.2017 № 16-УД17-16/ [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25082017-n-16-ud17-16/?ysclid=lp9hs56auc728236375//> (дата обращения: 22.11.2023).

6. Судебные и нормативные акты: апелляционное постановление № 22-301/2018 22К-301/2018 от 12.07.2018 по делу № 22-301/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5es90px6mwoZ/?ysclid=lp9hz6v5m54460449> (дата обращения: 22.11.2023).

7. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 15 марта 2023 г. // Президент Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70678> (дата обращения: 22.11.2023).

© Шараева Я.А., 2024

УДК 343.163:004

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Якубина Ю.П.

Доцент кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

Внедрение информационных технологий в организацию деятельности прокуратуры является актуальным направлением развития данного вектора правоохранительной структуры. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры осуществляется в

рамках государственной политики по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики в нашей стране.

Правовой основой информационной модернизации выступает приказ Генпрокуратуры РФ, утверждающий Концепцию цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 г. Названный документ исходит из доминанты того, что в наиболее общем виде деятельность органов прокуратуры представлена следующими направлениями: надзор за расследованием уголовных дел; поддержание обвинения по уголовным делам и участие в судебных заседаниях по гражданским делам; надзор за исполнением законов и законностью нормативных правовых актов, принимаемых законодателями и действующих на территории нашего государства; разрешение жалоб и обращений граждан, а также иные аспекты.

Каждый из вышеуказанных видов прокурорской деятельности требует приведения его в соответствие с текущими реалиями социальной жизни с учетом плотного внедрения в него цифровых технологий.

Анализируемая концепция формулирует основополагающие цели, которые детерминируют три общих направления трансформации.

Первым приоритетным направлением выступает высокотехнологичный надзор, предполагающий формирование единой цифровой платформы, сопряженной с принципами обеспечения повышенного уровня безопасности в целях предоставления возможностей к электронному взаимодействию всей уровней прокуратуры между собой, между ведомствами; внедрение модернизированных информационных механизмов профилактического характера и борьбы с преступностью в киберпространстве и цифровой области в целом. Конкретными задачами, преследуемыми в рамках данного направления можно назвать сокращение времени реагирования на поступающие в органы обращения, обеспечение своевременного и в том числе дистанционного получения информации.

Второе направление – цифровая инфраструктура – пронизано лейтмотивом принципиально нового качества цифрового взаимодействия органов прокуратуры с населением, общественностью в лице как индивидуальных граждан, так и организаций, объединений, а также государственных органов на универсальной, базисной цифровой платформе.

Наконец, наиболее общественно-ориентированным ракурсом развития прокурорской среды является среда доверия. Представляется, что обеспечение достоверности и доступности статистической информации, предоставляемой для ознакомления с результатами деятельности органов и организаций прокуратуры гражданам по открытым каналам; разработка и внедрение механизмов мониторинга и повышения уровня удовлетворенности граждан степенью защищенности своих интересов, позволят создать условия для технической, организационной и правовой защиты интересов как всего государства, так и отдельно взятых слоев граждан, в том числе предпринимателей при реализации взаимодействия в обновленной экосистеме органов прокуратуры.

Для достижения целей цифровой трансформации деятельность по внедрению информационных технологий должна основываться на конкретно сформулированных принципах.

Рассмотрим некоторые из определенных законодателем в концепции основополагающих начал данной области модернизации. Консолидация предполагает объединение всех информационных ресурсов воедино. Принцип надежности системы коррелируется с принципом информационной безопасности, предполагающим обеспечение состояния защищенности информации, проходящей по каналам взаимодействия. По стандартизации понимается установление типовых норм и требований к общению в цифровом пространстве на внутри- и межведомственном уровнях. Импортозамещение также является одним

из фундаментальных положений любой трансформации государственной структуры на данном этапе социально-политического и правового развития нашего общества. Оно предполагает преимущественное использование отечественных информационных аппаратов в векторе построения электронной платформы информационного взаимодействия.

Следует отметить, что на данный момент уже разработаны и успешно функционируют автоматизированные информационные системы (далее – АИС), показывая достаточно высокие результаты своей работы. Среди них можно выделить такие, как АИК «Надзор», предоставляющий возможности для эффективного электронного документооборота; АИС «Архивное дело ОП», занимающийся преимущественно номенклатурой дел и архивным хранением; АИК «Кадры-ОП», предназначенный для распределенного учета кадров и их персональных данных, а также изменений в штатном расписании органов прокуратуры; АИС «Парус», предназначенная для автоматизации задач в области бухгалтерского учета и обеспечения финансово-хозяйственной деятельности органов прокуратуры; АИС «Пенсия», предназначенная для учета и сопровождения пенсионного обеспечения бывших работников органов и учреждений прокуратуры и членов их семей, в том числе постоянно проживающих за пределами Российской Федерации; АИС «Статистика» и др. [2].

О высоком уровне информационного обмена в сравнении с контактами внутри системы органов и организаций прокуратуры, отметим такое достижение государственного аппарата как Единую систему межведомственного электронного взаимодействия (далее по тексту – СМЭВ). Тысячи пользователей подключены к сервисам СМЭВ. Генеральная прокуратура также подключена к Единому реестру проверок – электронной системе, созданной для учета проводимых и проведенных проверок всех уровней государственного и муниципального контроля и надзора. А также полученных в их ходе результатов.

В завершение отметим, что в данный момент мы находимся на третьем и завершающем этапе развития анализируемой информационной концепции органов прокуратуры в России, и к 2025 г. ожидается повышение уровня удовлетворенности граждан и юридических лиц качеством взаимодействия с прокурорскими органами до значения не менее 90 %.

Прокурорско-надзорная практика показывает, что обращения рассматриваются и обрабатываются в электронном виде и дистанционном формате, и их доля составляет до 100 %. Органы прокуратуры в деятельности используют стандарты безопасного электронного взаимодействия.

Литература

1. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»): приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Джигоев С.Х. Вопросы развития информационных технологий и систем в деятельности органов прокуратуры // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2022. № 3(91).

4. Жак Д.И. Цифровизация деятельности органов прокуратуры // Молодой ученый. 2022. № 20(415).

© Якубина Ю.П., 2024

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции
(17 ноября 2023 г.)

Редактор *Н.А. Тапашева*
Корректор *Н.А. Тапашева*
Технический редактор *Н.А. Тапашева*
Компьютерная верстка – *Е.Е. Пелехатая*

Издатель: федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации».
Адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
Тел.: 8 (863) 224-58-15. Сайт: <https://рюи.мвд.рф>
Подписано к использованию 28.03.2024.
Тираж 10 экз.

ISBN 978-5-89288-507-2

